

POLSKIE TOWARZYSTWO RUSYCYSTYCZNE

przeгляд rusycystyczny

2019, nr 2(166)

Katowice 2019

KOMITET HONOROWY

Janusz Henzel, Walenty Piłat, Władysław Woźniewicz, Wanda Zmarzer

KOMITET REDAKCYJNY

Antoni Semczuk (Uniwersytet Warszawski, przewodniczący)

Franciszek Apanowicz (Uniwersytet Gdański)

Jens Herlth (Universitaet Freiburg, Szwajcaria)

Władimir Klimonow (Humboldt-Universität zu Berlin, Niemcy)

Tadeusz Klimowicz (Uniwersytet Wrocławski)

Joanna Madloch (Montclair State University, USA)

Daria Nevskaya (Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Rosja)

Kadisza Nurgali (Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, Kazachstan)

Antoaneta Olteanu (Universitatea din București)

Grzegorz Przebinda (Uniwersytet Jagielloński)

Barbara Stempczyńska (Uniwersytet Śląski)

Walerij Тиура (Российский государственный гуманитарный университет, Moskwa)

Halina Waszkielewicz (Uniwersytet Jagielloński)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Piotr Fast (redaktor naczelny), Michał Głuszkowski, Justyna Pisarska, Joanna Darda-Gramatyka, Paweł Łaniewski (sekretarz redakcji)

Korekta

Jutyna Pisarska

Skład i łamanie

Paweł Łaniewski

ADRES REDAKCJI

Przegląd Ruscystyczny, 41-205 Sosnowiec, ul. Spokojna 2

tel. +48 604 965 737; +48 505 300 667

e-mail: prz.rus@op.pl

<http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR>

Index 371866

ISSN 0137-298X

**Polskie
Towarzystwo
Ruscystyczne**

WYDAWCY

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Polskie Towarzystwo Ruscystyczne
41-200 Sosnowiec, ul. Stefana Grota Roweckiego 5/318
tel. 505 300 667, ptr.polska@gmail.com
www.polskietowarzystworuscystyczne.pl

Uniwersytet Śląski
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5

Zakupu wersji papierowej można dokonać na stronie: <http://wydawnictwo.us.edu.pl>; zamówienia.wydawnictwo@us.edu.pl

SPIS TREŚCI

7		PROFESOR ANTONI SEMCZUK (1930–2018)
12	WALERIJ SKLAROW	Motywy antyhagiograficzne w powieści Nikołaja Gogola <i>Płaszcz</i>
32	ANNA ĆWIK	Nieświadomość idioty. Myszkini i Rogożyn
51	JOANNA JĘDRA EWA STAWINOĞA	Spotkanie chrześcijaństwa z islamem — anioły Iwana Bunina
71	JOLANTA BRZYKCY	Przedstawić nieprzedstawialne. <i>Przypowieści</i> Lwa Gomolickiego jako świadectwo zagłady
94	MONIKA KNUROWSKA	„Szczęśliwi ludzie” . Obraz artysty w cyklu szkiców Jurija Dombrowskiego <i>Гонцы</i>
112	SWIETŁANA LESZCZAK	Animizacyjny i personifikacyjny model obrazowania przyrody w idiostylu Borysa Griebienyszczikowa
125	JUSTYNA PISARSKA	Rosyjska tożsamość postkolonialna (<i>Jestem Czeczenem!</i> Germana Sadułajewa)
136	PIOTR FAST	Władza — etyka — egzystenja (uwagi o powieści Piotra Aleszkowskiego <i>Twierdza</i>)
150	PIOTR ZEMSAŁ	Ideologem i słowo ideologemowe — w kierunku definicji
171	JOANNA OLECHNO-WASILUK	Innowacyjny projekt internetowy <i>Multimedialny słownik lingworealizacyjny „Rosja”</i>
180	KATARZYNA DEMBSKA	O jednym ze sposobów odtwarzalności jednostek wielowyrzowych (na materiale języka rosyjskiego)
201	KRYSTYNA JANASZEK	Dwie sfery osobowości studenta rusycysty
215	TADEUSZ PACHOLCZYK	Glottodydaktyczne implikacje złotego jubileuszu Olimpiady Języka Rosyjskiego
R E C E N Z J E		
222	LUDMIŁA ŁUCEWICZ	A.П. Дмитриев, Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература <i>1850–1880-х годов</i> , Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, «Родник», Санкт-Петербург 2018
225	LUDMIŁA ŁUCEWICZ	Ю.М. Прозоров, В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. <i>Эстетика. Поэтика. Традиции. Монография</i> , ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, «Полиграф», Санкт-Петербург 2017
228	ANNA RUDYK	Artur Czapiga, <i>Leksykalno-pragmatyczne wyładniki aprobaty jako aktu mowy. Na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego</i> , Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2017

SPRAWOZDANIA

- 230 ANNA ROMANIK Międzynarodowa konferencja rusycystyczna w Uniwersytecie w Barcelonie, 20–22 czerwca 2018, Barcelona (Hiszpania)
- 235 NOTY O AUTORACH

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 ПРОФЕССОР АНТОНИ СЕМЧУК (1930–2018)
- 12 ВАЛЕРИЙ СКЛЯРОВ Антижитийные мотивы повести Николая Гоголя *Шинель*
- 32 АННА ЦВИК Бессознательное идиота. Мышкин и Рогожин
- 51 ИОАННА ЕНДРА ЭВА СТАВИНОГА Встреча христианства с исламом — ангелы Ивана Бунина
- 71 ЙОЛАНТА БЖИКЦЫ Изобразить неизобразяемое.
Притчи Льва Гоголицкого как свидетельство Холокоста
- 94 МОНИКА КНУРОВСКА «Счастливые люди».
Образ художника в цикле очерков Юрия Домбровского *Гонцы*
- 112 СВЕТЛАНА ЛЕЩАК Изобразительная модель анимизации и персонификации натурфактов в идиостиле Бориса Гребенщикова
- 125 ЮСТИНА ПИСАРСКА Российская постколониальная идентичность
(*Я чеченец!* Германа Садулаева)
- 136 ПЕТР ФАСТ Власть — этика — экзистенция
(замечания по поводу романа Петра Алешковского *Крепость*)
- 150 ПЕТР ЗЕМШАЛ Идеологема и идеологемное слово — к определению терминов
- 171 ИОАННА ОЛЕХНО-ВАСИЛЮК Инновационный сетевой проект
Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия»
- 180 КАТАЖИНА ДЕМБСКА Об одном из способов воспроизводимости многословных единиц (на материале русского языка)
- 201 КРИСТИНА ЯНАШЕК Две сферы личности студента-русиста
- 215 ТАДЕУШ ПАХОЛЬЧИК Глоттодидактические импликации в контексте Золотого Юбилея Олимпиады по русскому языку

РЕЦЕНЗИИ

- 222 АННА РУДЫК Artur Czapiga, *Leksykalno-pragmatyczne wykładniki aprobaty jako aktu mowy. Na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2017

ОТЧЕТЫ

222	LUDMIŁA ŁUCEWICZ	А.П. Дмитриев, Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, «Родник», Санкт-Петербург 2018
225	LUDMIŁA ŁUCEWICZ	Ю.М. Прозоров, В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. Монография, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, «Полиграф», Санкт-Петербург 2017
230	АННА РОМАНИК	Международная конференция русистов в Барселонском университете, 20–22 июня 2018, Барселона (Испания)
235	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	

TABLE OF CONTENTS

7		PROFESSOR ANTONI SEMCZUK (1930–2018)
12	VALERIY SKLAROV	The opposite hagiography in the Nikolai Gogol's story <i>The Overcoat</i>
32	ANNA ĆWIK	The unconsciousness of the Idiot. Myshkin and Rogozhin
51	JOANNA JĘDRA EWA STAWINOĞA	Meeting of Christianity with Islam — angels of Ivan Bunin
71	JOLANTA BRZYKCY	To present the unrepresentable. Leo Gomolitzky's <i>Parables</i> as a testimony of The Holocaust
94	MONIKA KNUROWSKA	„Happy people“. The artist's image in a series of sketches <i>Гонцы</i> by Jurij Dombrowski
112	SWIETŁANA LESZCZAK	A pictorial model of animization and personification of nature in Boris Grebenshchikov's idiostyle
125	JUSTYNA PISARSKA	Russian postcolonial identity (<i>I am a Chechen!</i> by German Sadulaev)
136	PIOTR FAST	Power — ethics — existence (some comments on the novel <i>Fortress</i> by Piotr Aleshkovsky)
150	PIOTR ZEMSAŁ	Ideologeme and ideologemic word — towards a definition
171	JOANNA OLECHNO-WASILUK	An innovative internet project <i>Multimedia linguistic-cultural dictionary "Russia"</i>
180	KATARZYNA DEMBSKA	About one way of reproducibility of multi-word units (on the basis of Russian)
201	KRYSTYNA JANASZEK	Two spheres of personality of a Russian studies student
215	TADEUSZ PACHOLCZYK	Glottodidactic implications in the context of the golden jubilee of the Russian Language Contest

REVIEWS

- 222 LUDMIŁA ŁUCEWICZ *А.П. Дмитриев, Н.П. Гляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов*, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, «Родник», Санкт-Петербург 2018
- 225 LUDMIŁA ŁUCEWICZ *Ю.М. Прозоров, В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. Монография*, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, «Полиграф», Санкт-Петербург 2017
- 228 ANNA RUDYK *Artur Czapiga, Leksykalno-pragmatyczne wyładniki aprobaty jako aktu mowy. Na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2017

REPORTS

- 230 ANNA ROMANIK *International Russian Studies Conference, University of Barcelona (Spain), June 20–22, 2018*

235 ABOUT THE AUTHORS

fot. Eugeniusz Szustow

PROFESOR ANTONI SEMCZUK
(3 MAJA 1930 – 21 GRUDNIA 2018)

KONIEC EPOKI,
CZYLI WSPOMNIENIE O PROFESORZE ANTONIM SEMCZUKU

Powojenną rusycystykę polską tworzyli uczeni z roczników dwudziestych i trzydziestych XX wieku, o różnych, nierzadko dramatycznych losach — jeden spędził wojnę w Rosji deportowany wraz z rodziną, a niedawno się repatriował, inny jako dziecko uciekał z Wołynia przed ukraińskimi sąsiadami, jeszcze inny wegetował pod niemiecką okupacją. Kończyli studia w latach 50., gdy rusycystyka w Polsce miała złą reputację, gdyż uważano ją za formę działalności rusyfika-

cyjnej. Gdy patrzymy jednak na tamtą epokę z perspektywy ponad półwiecza w wolnej od sowieckiej dominacji Polsce, okazuje się, że w tych złych czasach rusycystykę studiowała, a później naukowo ją nobiletowała spora grupa osób o chłonnych, odkrywczych, twórczych umysłach — późniejszych błyskotliwych znawców Rosji, jej języka, literatury i kultury. Byli to m.in. Ryszard Łużny (1927–1998), René Śliwowski (1931–2015), Tadeusz Szyszko (ur. 1929), Bohdan Galster (1931–1994), Zbigniew Żakiewicz (1933–2010), Gabriela Porębina (1927–1996) i Stanisław Poręba (1930–2012), Jadwiga Szymak-Reiferowa (ur. 1931), Zbigniew Barański (1925–2009). W Pracowni Literatur Wschodniosłowiańskich przy Instytucie Polsko-Radzieckim, kierowanej w latach 50. minionego wieku przez prof. Samuela Fiszmana (1914–2010), zatrudnieni byli także poloniści — Andrzej Drawicz (1932–1997) i Ryszard Przybylski (1928–2016) oraz historyk Andrzej Walicki (ur. 1930); każdy z nich badał kulturowe relacje polsko-rosyjskie, nie unikając tematów aż do transformacji ustrojowej w roku 1989 drażliwych, których za naszą wschodnią granicą nie ośmielano się nawet tknąć.

Dzięki energii i inspiracji tych ludzi rozwijały się dynamicznie w naszym kraju naukowe ośrodki rusycystyczne. Wykształcono też grono tłumaczy, dziennikarzy, redaktorów i wydawców zafascynowanych Rosją i jej kulturą. Ich książki po dziś dzień są problemowo i metodologicznie odkrywcze. Większość spośród ojców-założycieli polskiej rusycystyki, w latach powojennych rozpoczynających naukową karierę, niestety już odeszła, zostali tylko nieliczni. Wraz z nimi dobiega końca epoka, która rozpoczęła się po drugiej wojnie: ideologicznie kręta, a i w sensie bytowym niełatwa. To czasy bez internetu, gdy kwerenda biblioteczna wymagała nie lada wysiłku, a napisane książki długo czekały na druk. Polityczne perturbacje oraz przemiany ustrojowe determinowały w minionym siedemdziesięcioleciu kształt polskiej humanistyki. Cenzura ograniczała zakres problematyki badawczej szczególnie badaczom Rosji.

Prof. zw. dr hab. Antoni Semczuk był jedną z czołowych rusycystycznych indywidualności tych odległych już dzisiaj czasów. Urodzony w wiosce niedaleko Hrubieszowa na Lubelszczyźnie, dzięki wyjątkowej pracowitości i zaciekleści badawczej wspiął się błyskawicznie na szczyt kariery naukowej; wszystkie jej szczeble pokonał na Uniwersytecie Warszawskim, gdzie przepracował niemal sześćdziesiąt lat. Studiował w latach 1951–1953, od roku 1955 na tzw. aspiranturze (czyli studiach doktoranckich) w Zakładzie Słowianoznawstwa PAN.

W roku 1959 uzyskał stopień naukowy doktora, a w roku 1967 doktora habilitowanego. W roku 1974 był już profesorem nadzwyczajnym, a w roku 1982 zwyczajnym.

O życiu i działalności naukowej oraz organizacyjnej prof. Antoniego Semczuka, a także o Jego współpracy ze slawistami różnych krajów, można by napisać niejedną książkę. Dwie takie prace zresztą już powstały: wydany w Warszawie roku 2002 potężny tom z okazji siedemdziesięciolecia urodzin Profesora *Literatura rosyjska w kontekstach międzykulturowych* (red. J. Lukszyn, W. Figarski, J. Koźbiał, J. Lewandowski) oraz w roku 2010 w Tubingen *Trójkąt inny — Rosja — Polska — Niemcy* (na osiemdziesięciolecie). Obie — wyposażone w obszerną bibliografię prac Profesora — wskazują na rozległość Jego zainteresowań badawczych i równie szerokie grono przyjaciół. Profesorowie z różnych krajów i kontynentów, obok Polaków Rosjanie — Jelena Cybienko i Wiktor Choriew, Amerykanka Ewa Thompson, Niemiec Rolf Dieter Kluge, Francuz Jean Bonamour i wielu, wielu innych, wysoko cenili naukowe osiągnięcia Profesora i lubili Go jako otwartego, sympatycznego człowieka. Często zapraszano Profesora Semczuka z wykładami do Rosji (gdzie w roku 1990 na Uniwersytecie Moskiewskim został uhonorowany tytułem doktora *honoris causa*), a także do krajów zachodnich — na Sorbonę, uniwersytet im. Karola w Pradze, Uniwersytet im. Klimenta Ochrydzkiego w Sofii, Uniwersytet Belgradzki. Cykle wykładów wygłosił też w Kanadzie i w Stanach Zjednoczonych, pracował na tamtejszych uczelniach jako *visiting professor*.

Dobrze znane w Polsce i poza jej granicami są Jego monografie o klasykach literatury rosyjskiej — Lwie Tołstoj (Warszawa 1963, wydanie II — 1967, wydanie III — 1987), Iwanie Turgieniewie (*Iwan Turgieniew i ruch literacki w Rosji w latach 1834–1855*, Wrocław 1968; *Iwan Turgieniew*, Warszawa 1970, wydanie II, 1988), Michale Lermontowie (*Michał Lermontow. Dramatyczny los poety*, Warszawa 1992). Trzeba pamiętać, że na gruncie polskim były to prace pionierskie, wypełniające — w czasach, gdy rosjoznawstwo było u nas w powijakach — ogromną lukę w badaniach nad literaturą i kulturą Rosji. Interesowała Profesora przede wszystkim — o czym świadczą już same tytuły Jego prac — klasyka rosyjska: romantycy i postromantycy, wielkie postaci dziewiętnastowiecznej literatury rosyjskiej, którym poświęcił, obok rozpraw naukowych — także książki popularne, cieszące się uznaniem szerokiego kręgu czytelników, toteż wznawiane kilkakrotnie w serii „Profile” Wiedzy Powszechnej bio-

grafie Lermontowa, Lwa Tołstoja, Iwana Turgieniewa. Dodajmy do tego ogromną liczbę wstępów i posłowi do licznych przedruków dzieł Lwa Tołstoja (*Anny Kareniny* zwłaszcza) oraz Iwana Turgieniewa. Ale również piśmiennictwo XX stulecia stało się przedmiotem uwagi Profesora: opublikował zwięzłe, lecz klarowne opracowania dla szkół o *Cichym Donie* Szołochowa, interesował go też Michaił Bułhakow, a także rosyjska emigracja: pod Jego opieką powstał doktorat o wczesnej prozie Władimira Nabokowa i praca o Siergieju Dowłatowie.

Prof. Semczuk wypromował dziewięciu doktorów (w roku 1972 to ja zapoczątkowałam ich rejestr) i ponad 500 magistrów — nie tylko na swym macierzystym Uniwersytecie Warszawskim, lecz również w innych uczelniach, gdzie pracował równolegle — jak Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu w latach 1968–1970, Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Kielcach (1975–1992), Uniwersytet im. Mikołaja Kopernika w Toruniu (1996–2000). Studenci szturmowali Jego seminaria magisterskie: wiadomo było, że Profesor Semczuk proponuje ciekawe, zmuszające do myślenia tematy prac, lecz pomaga swoim magistrantom. Do uczniów Profesora, którzy dzięki Niemu wiele osiągnęli na niwie rusycystyki, zaliczyć trzeba także Jego niedawno zmarłą córkę, prof. UW Małgorzatę Semczuk-Jurską (1956–2017), utalentowaną polonistkę, autorkę pierwszej polskiej monografii o ewolucji twórczości Anny Achmatowej, badaczkę kulturowych relacji polsko-rosyjskich w wieku XX.

Zasługą prof. Antoniego Semczuka jest też współautorstwo podręczników akademickich do historii literatury rosyjskiej, w tym popularnego podręcznika pod redakcją prof. Mariana Jakóbca z lat 1970–1971, źródła wiedzy dla kilku pokoleń polskich rusycystów. Był Profesor recenzentem wielu monografii doktorskich, habilitacyjnych i profesorskich, członkiem Komitetu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk. Podczas swej długoletniej pracy pełnił różnorodne funkcje akademickie — przez ponad siedem lat był dyrektorem Instytutu Rusycystyki oraz przez osiem — dziekanem Wydziału Rusycystyki i Lingwistyki Stosowanej (także wtedy, gdy Wydział zmienił nazwę na „Wydział Lingwistyki Stosowanej i Filologii Wschodniosłowiańskich”).

Od roku 1976 kierował działem sławistyki w czasopiśmie „Przegląd Humanistyczny”, był też od roku 1998 przewodniczącym Komitetu Redakcyjnego „Przeglądu Rusycystycznego”.

Przez długie lata jako przewodniczący Olimpiady Języka Rosyjskiego w Polsce prof. Antoni Semczuk rozbudzał zainteresowanie

KONIEC EPOKI...

literaturą i kulturą rosyjską kilku pokoleń uczniów szkół polskich. I bardzo często, nawet długo po przejściu na emeryturę, pojawiał się w Instytucie Rusycystyki na ulicy Szturmowej. Bez kontaktów z macierzystą jednostką oraz wiedzy o tym, co się dzieje na Uniwersytecie, nie wyobrażał sobie życia. Właśnie takim Go zapamiętałam. W osobie Profesora Antoniego Semczuka utraciliśmy nie tylko erudytę, człowieka ogromnej rosjoznawczej wiedzy i organizatora nauki, lecz także Przyjaciela życzliwego świata. Niewiele już pozostało takich ludzi — należą do epoki, która przemija.

Alicja Wołodźko-Butkiewicz
Uniwersytet Warszawski

ВАЛЕРИЙ СКЛЯРОВ
Гданьский университет

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ *ШИНЕЛЬ*

1.

Пожалуй, ни один персонаж в истории русской литературы не подвергался такому радикальному переосмыслению, как главный герой повести Николая Васильевича Гоголя *Шинель* Акакий Башмачкин. Трактовка этого образа в трудах критиков и литературоведов менялась от полного отторжения у Николая Чернышевского, считавшего Акакия Башмачкина «совершенным идиотом»¹, до поднятия на один уровень со святым мучеником у Фридерика Дриссена² и Клауса-Дитера Зеемана³, усмотревших в чертах гоголевского персонажа прототип героя житийной литературы.

Появление Акакия Башмачкина положило начало новому направлению в русской литературе, во главе которого позднее встал Федор Достоевский. Тема «маленького человека» была воспринята современниками Николая Гоголя как эталон гуманизма натуральной школы. За два-три года после его смерти было опубликовано около 150 повестей о бедном чиновнике такими разными писателями, как Некрасов, Афанасьев, Даль, Зотов, Панаев, Корф, Григорович, Пальм, Соллогуб, Нестеренко. Эта одержимость образом Акакия Башмачкина позволила ли-

¹ Н.Г. Чернышевский, *Литературная критика* // того же, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 3, Москва 1974, с. 270.

² F.C. Driessen, *Gogol as a Short-Story Writer: A Study of His Technique of Composition*, Mouton & Co, The Hague 1965, с. 194.

³ K.-D. Seemann, *Eine Heiligenlegende als Vorbild von Gogol's «Mantel»*, «Zeitschrift für slavische Philologie» 1967, №1, с. 21.

тературоведам говорить о «засилье маленького человека» в литературе конца XIX века⁴. Однако и XX век русской литературы так же оказался укрыт гоголевской «гранитной шинелью». Под ее покровом оказались не только Булгаков и Хармс, но и Маяковский, Ахматова, Замятин, Белый, Хлебников. Гоголя считали своим предтечей и реалисты, и представители литературного авангарда, а позднее идеологи социалистического реализма.

XXI век русской литературной критики начался с поисков религиозного дискурса в поэтике Гоголя и попыткой проникнуть в духовный смысл *Шинели* с точки зрения церковного писания и предания. У автора *Вия*, *Страшной мести*, *Мертвых душ*, породившего целую плеяду демонических образов и столько раз упоминавшего черта в своей речи, что его чертыхания «прилипли» не только к Александру Пушкину, но и вообще «вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда ранее не бывали»⁵, исследователи разглядели «агиографические мотивы» и признали, что «религиозный смысл *Шинели* очевиден, непреложен, он глубоко пронизывает весь состав повести»⁶.

Таким образом за последние 175 лет образ Акакия Башмачкина в трудах литературоведов эволюционировал от маленького человека до праведника, а жанр *Шинели* — от литературного анекдота до жития. Однако если личная высокая степень религиозности Гоголя не вызывает сомнений, а его активное воцерковление на последнем этапе жизни очевидна, то тезис о «непреложности» религиозного смысла его прозы очевиден не настолько.

Обратимся к дискурсу литературоведов, чтобы познакомиться с предложенной аргументацией в пользу присутствия агиографических мотивов в данном произведении.

2.

Фредерик Кристоффель Дриссен (Frederick Christoffel Driessen)⁷ еще в 1955 году высказал предположение, что небесным покровителем Акакия Башмачкина является подвижник шесто-

⁴ О.Л. Калашникова, *Шинель и ее современники*, <http://domgogolya.ru/science/researches/1019/> (02.05.2018).

⁵ В. Стасов, *Воспоминания*, «Русская старина» 1881, № 2, с. 415.

⁶ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений*, http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/du-naev/ (29.04.2018).

⁷ F.C. Driessen, *Gogol' als novelist...*, с. 186.

го века Акакий Синайский, а в 1966 году Клаус-Дитер Зиманн (Klaus-Dieter Seemann) уточнил⁸, что житие этого святого Гоголь мог найти в *Лествице* Иоанна Синайского (Лествичника). Известно, что *Лествица* была настольной книгой Гоголя не только в период написания *Шинели* и возможно его вдохновляло повествование о святом Акакии свт. Димитрия Ростовского, *Прологе* и других житийных сборниках.

Позднее Валентина Ветловская выдвинула предположение⁹, что имя и судьба гоголевского героя восходят не только к житию святого Акакия Синайского, но и отсылают нас еще к одному житийному тексту — житию мученика Акакия (конец III—начало IV в.). Вполне возможно, что Николай Гоголь оперировал сразу двумя этими прототипами и именно отсюда, а не только для создания «более комичного акустического эффекта», как уверял Борис Эйхенбаум¹⁰, имя и отчество героя Акакий Акакиевич. Возможно, что Башмачкин назван Гоголем в честь Акакия — мученика VI века и носит отчество Акакия — мученика III века.

Обнаружив предполагаемых прототипов Акакия Башмачкина в *Лествице*, исследователи начали сравнивать их биографию с судьбой литературного персонажа и на первый взгляд обнаружили много общего. Акакий Синайский, к примеру, прославился подвигом послушания: «По смерти Акакия навестил другой благочестивый старец, который не поверил слухам о смерти послушника, отправился к гробу и спросил: «Брат Акакий, умер ли ты?» И услышал в ответ: «Отче, как можно умереть делателю послушания?»¹¹.

Акакий Сотник, иначе называемый Акакий Каппадокиянин, мужественно исповедовал себя верующим во Христа. Принуждая его отречься от веры, военачальники морили Акакия голодом и приказали избивать его, но мученик оставался невредим:

После этого его отправили к другому военачальнику — Флаккину. Но Флаккин возмущился, что римского центуриона, подвергали таким жесто-

⁸ K.D. Seemann, *Eine Heiligenlegende...*, с. 9.

⁹ В.Е. Ветловская, *Житийные источники гоголевской «Шинели»*, «Русская литература» 1999, № 1, с. 18–34.

¹⁰ Б.М. Эйхенбаум, *Как сделана «Шинель Гоголя»*, <http://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html> (27.04.2018).

¹¹ *Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству ЧЕТЫХ-МИНЕЙ архиепископа Филарета Черниговского*, Сибирская Благозвонница, Москва 2011, с. 26.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

ким пыткам и приказал немедленно обезглавить мученика Акакия. Поблагодарив Бога за то, что сподобился принять за Него мученическую смерть, святой воин со спокойствием преклонил голову под меч¹².

Что касается чудес, то в случае Акакия Сотника они проявились в появлении ангелов, которые кормили и лечили его в темнице на глазах других узников. Здесь очевиден подвиг исповедания веры, терпения и мученической смерти.

«Подвиги» Акакия Башмачкина, «совершаемые» им на протяжении всего повествования («аскеза», «послушание» распоряжениям начальства, «кротость» и «смирение»), наряду с житийной символикой его имени выдвигаются сторонниками данного прочтения повести на первый план в качестве аргументации для обоснования отнесения повести к жанру жития. Структура повести, которая имеет жесткую схему композиции канонического жития, в том числе содержит биографию героя, ведется от третьего лица, указывает на избранность героя, описывает его «духовный подвиг», а так же включает обязательное описание посмертных чудес, являющихся обязательным условием канонизации святого, так же позволяет исследователям утверждать о наличии в повести житийных мотивов.

Действительно, как и в житии святого мать героя *Шинели* следует традиции называть ребенка по святым, трижды предлагающим назвать младенца редкими и неблагозвучными именами. Увидев в этом знак свыше, она нарекает младенца именем отца. Здесь автор указывает на неизбежность дальнейшей судьбы героя, как бы подчеркивая его избранность. Акакий Башмачкин вроде бы происходит от благочестивых родителей, несет обет безбрачия, живет отшельником, совершенно отгородившись от мира переписыванием бумаг, в котором видит какой-то высший смысл, безропотно несет свой крест службы в департаменте. Башмачкин отречен от всего земного, вроде бы не заботится во что одеться и чем питаться, он незлобив, кроток, с каким-то видимым смирением переносит насмешки сослуживцев, ревностно исполняет распоряжение начальства. На первый взгляд образ Башмачкина вполне соответствует евангельским добродетелям — книжности, смирения, терпения, самоуничтожения. Даже его косноязычие, которое принимается

¹² Акакий Сотник // Православная энциклопедия, <http://www.pravenc.ru/text/63804.html> (28.04.2018).

исследователями за библейский мотив «безгласности» и «бессловесности», восходящий к образу пророка Моисея, обычно иллюстрируются цитатами из жития того же Акакия Синайского, который на вопрос о самочувствии часто просто показывал следы побоев на своем теле.

Однако финал повести, а именно «посмертные подвиги» Акакия Башмачкина, никаким образом не укладывается в житийный канон, и тут исследователи пускаются в рассуждения, пытаются объяснить такое странное поведение гоголевского «святого».

Исследовательница Чинция Де Лотто выдвинула предположение¹³, что Башмачкин это «натуральный инок», который соблюдает все монашеские правила «по самой своей природе», но, поддавшись искушению приобрести новую шинель, переходит к служению «нечистой силе», тем самым переходя от состояния святости к состоянию греховности.

Литературовед Сергей Бочаров видит в повести *Шинель* аллюзии на ветхозаветный сюжет о первородном грехе: «И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаные: и облече их», а образ Петровича возводит к образу змея-искусителя, открывшего по-евангельски чистому Башмачкину «две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо»¹⁴.

Литературоведческая концепция Павла Бухаркина строится на предположении, что сюжет *Шинели* восходит ко Христовой заповеди: Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6, 19–21). Стремление героя повести приобрести новую шинель автор статьи трактует исключительно как результат «разврата и растления»¹⁵.

Александр Пивоваров так же утверждает, что *Шинель* повествует о грехопадении Акакия Башмачкина: «Сюжет произведения структурно повторяет библейский сюжет: прельщение (ложными благами) — грехопадение — лишение (всяческих благ)

¹³ Ч. Де Лотто, *Лествица «Шинели»*, «Вопросы философии» 1993, № 8, с. 60.

¹⁴ С. Бочаров, *Холод, стыд и свобода: (История литературы sub specie Священной истории)*, // «Вопросы литературы» 1995, № 5, с. 126–157.

¹⁵ П. Е. Бухаркин, *Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: проблемы культурного диалога*, Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 1996.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

— гибель»¹⁶, — поэтому одержимость Башмачкина одеждой трактуется исследователем как нарушение евангельской заповеди.

Исследователь Юрий Манн, напротив, не согласен с тенденцией причислять Акакия Башмачкина к числу христианских подвижников, совершивших грехопадение¹⁷. Ученый утверждает, что Башмачкин близок по своему психологическому типу к юродивому, однако поскольку его юродство не имеет целеполагания — сознательно никакого обета Башмачкин на себя не принимал — то скорее всего его можно отнести к блаженным. В этом случае героя вряд ли стоит обвинять в грехопадении, поскольку действия его довольно инфантильны и больше напоминают действия ребенка, не представляющего всех последствий своего поступка.

Таким образом агиографические мотивы, которые современные исследователи находят в повести Гоголя, в основном интерпретируются следующим образом: или Акакий Башмачкин святой, изменивший своему аскетическому подвигу, или человек блаженный, не ведающий греха. Персонаж, безусловно, несчастный, но исключительно положительный, достойный сочувствия, а может даже и причисления к лику святых.

Примечательно однако, что исследователи игнорируют один факт: житийная структура повествования формально соответствует так же и структуре антижития.

3.

Уже в древнерусской литературе существовала традиция создания образов антигероев, а жанр антижития был широко известен. В статье Людмилы Черной *Элементы антижития в Повести о Темир Аксаке* указаны отдельные элементы этого жанра, которые исследовательница видит в образах «безбожного» хана Батыя в *Повести о разорении Рязани Батыем*, Чолхана в *Повести о Щелкале*, князя Олега Рязанского в *Повести о Куликовской битве*, Темир Аксака в *Повести о Темир Аксаке*. Исследовательница обнаруживает структуру образа антигероя, который, в отличие от героя положительного, («святого») должен:

¹⁶ А.Б. Пивоваров, *Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель»*, «Источниковедение в школе» 2009, № 1-2, с. 108.

¹⁷ Ю.В. Манн, *Карнавал и его окрестности*, «Вопросы литературы» 1995, № 1, с. 182.

1) «происходить от гнилого родового корня» — иметь «подлое» рождение; 2) имитировать «уход из мира»; 3) под личиной «боголюбия» скрывать свое безбожие; 4) обладать такими чертами характера, как «немиловитость», гордыня (ярость), алчность, злоба, внутреннее уродство; 5) заключить договор с дьяволом и поклоняться ему как богу; 6) вместо чудес, присущих святым, совершать злодеяния; 7) после его смерти от его могилы должен исходить смрад (вместо благоухания)¹⁸.

Почти все указанные здесь признаки антижития мы можем увидеть и в позднейшей редакции антижития Никона, написанного старообрядцами. Еще при жизни знаменитого патриарха — реформатора русской православной церкви — его оппоненты записали множество устных рассказов о нем, ходивших в народе. На основе этих рассказов дьяконом Федором Ивановым, соратником протопопа Аввакума, было создано сказание о патриархе Никоне, сохранившееся в заверенной автором копии под названием *О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеца антихристов*¹⁹.

Литературовед Людмила Камедина в своей работе «Текст в диалоге с читателем» рассуждает о развитии жанра жития в русской литературе, который сначала трансформировался в апокриф, возникший как рефлексия по поводу прочитанного в каноне, а позднее модифицировался в антижитие в тот момент, когда: «Литература создала автономную реальность, это особая реальность, отличная от иной реальности и, прежде всего, от реальности быта и культа»²⁰. Пришло время, когда словесное искусство стало отражать не только мир культуры, но и мир антикультуры, для формирования которой авторам потребовалось создание антитекста:

То, что в каноне понятно всем, при разрушении канона во многом становится неясным, исчезает понимание. Появляется то, что в литературоведении принято считать антитекстом. Это может быть любой текст, созданный в парной оппозиции: молитва—антимолитва, утопия—антиутопия, житие—антижитие²¹.

¹⁸ Л.А. Черная, *Элементы «антижития» в «Повести о Темир Аксаке» // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3–5 окт. 2001 г.)*, РФК «Имидж-Лаб» Москва 2002, с. 157–163.

¹⁹ Н.Ю. Бубнов, *Старообрядческое «антижитие» патриарха Никона*, <http://www.starover.religare.ru/article7783.html> (29.04.2018).

²⁰ Л.В. Камедина, *Текст в диалоге с читателем. Опыт прочтения русской литературы в начале третьего тысячелетия*, Издательство ЗабГГПУ, Чита 2009, с. 66.

²¹ Там же, с. 65.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в своей статье *Смеховой мир Древней Руси* уделяет особое внимание законам построения антитекста и подчеркивает его нейтральный по отношению к вопросам религии характер, объясняющийся существованием в параллельном с ней мире:

«Служба кабаку» изображает кабака как церковь, в то время как «Калужинская челобитная» изображает церковь как кабака. Оба эти произведения отнюдь не антицерковны, в них нет издевательства над церковью как таковой. Во всяком случае, его ничуть не больше, чем в Киево-Печерском патерике, где бесы могут появляться то в виде ангела, а то в виде самого Христа. С точки зрения этого «изнаночного мира», нет богоульства и в пародировании «Отче наш»: это не пародия, а антимолитва²².

Жанр антижития в русской литературе занимает свое законное место, а кроме перечисленных произведений исследователи относят к этому жанру и само *Житие протопопа Аввакума*, и роман Чернышевского *Что делать?*, и еще целый ряд литературных памятников.

Возвращаясь к повести Гоголя *Шинель*, предлагаю еще раз проанализировать текст на основе структуры образа антигероя, предложенной Людмилой Черной, и разобраться, является ли Акакий Башмачкин героем жития, или антижития.

4.

Давайте еще раз внимательно сопоставим характерные признаки героя антижития, обязательно присутствующие в произведениях подобного жанра, и проверим, насколько характер и поведение Акакия Башмачкина им соответствуют. Итак, герой антижития обладает следующими качествами:

А. Происходит от гнилого родового корня — имеет «подлое» рождение.

В тексте *Шинели* есть фрагмент, посвященный происхождению фамилии рода Башмачкиных, на который исследователи реже всего обращают внимание, поскольку имя и отчество главного героя поддаются интерпретации легче:

²² Д.С. Лихачев, *Смех в Древней Руси*, Наука, Ленинград 1984, с. 20.

Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки²³.

Фамилия произошла от башмака, хотя все Башмачкины ходили в сапогах. Каким образом этот башмак прокрался в «благородное семейство» — не понятно, рассказчик сам изображает удивление, но не тратит времени на выяснение этого обстоятельства, только обозначив мотив незаконнорожденности, «подлого», побочного происхождения Акакия Башмачкина.

Рассказчик многословен, он пытается все получше объяснить, но его желание показать семью Башмачкиных и близких к ней людей только с положительной стороны приводит к обратному эффекту:

Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова²⁴.

«И очень хорошая женщина» и «женщина редких добродетелей» — эти эпитеты матери и крестной Акакия исследователи принимают всерьез и именно на их основе делают выводы о происхождении Башмачкина «от благочистивых родителей», однако гоголевские эпитеты никогда не следует воспринимать буквально, это сарказм, блестящие примеры которого мы уже видели в *Мертвых душах*:

Будем называть даму, к которой приехала гостя, так, как она называлась почти единогласно в городе N.: именно, дамою приятною во всех отношениях. Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! [...] Другая же дама, то есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама²⁵.

²³ Н.В. Гоголь, *Петербургские повести*, Хабаровское книжное издательство, Хабаровск 1984, с. 127.

²⁴ Там же, с. 128.

²⁵ Н.В. Гоголь. *Мертвые души*, Детская литература, Москва 1968, с. 214.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

Точно так же, как «дама приятная» и «дама приятная во всех отношениях» не являются приятными ни в одном отношении, и автор сам подробно объясняет почему это так, то и две другие гоголевские дамы и господин из *Шинели* носят свои эпитеты незаслуженно: «очень хорошая женщина», «женщина редких добродетелей» и «превосходнейший человек» скрывают героев с прямо противоположными характеристиками. Не забываем, что «превосходнейший человек», «женщина редких добродетелей» — это говорится в адрес столоначальника в сенате и жены квартального офицера. То есть в адрес людей, от равнодушия коллег которых впоследствии Акакий и «претерпел».

Литературовед Михаил Вайскопф обращает внимание на то, что в сцене, которую исследователи принимают за сцену крещения, у Акакия Башмачкина нет живых родителей: «Отец «был», а мать «покойница»²⁶.

Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина²⁷.

Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уже если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий²⁸.

И если эпитет «покойница» можно принять, поскольку автор рассказывает о рождении Акакия Башмачкина спустя много лет и матери героя к этому времени могло бы не быть в живых (в отношении благочистой матери, покинувшей до срока этот мир, уместнее было бы сказать «светлой памяти» или «Царствия ей Небесного»), однако Гоголь просто пишет «старуха» и «покойница», вызывая у нас при этом ряд отрицательных коннотаций), но по отношению к отцу Акакия его матушка явно говорит в прошедшем времени: «Отец был».

Сцена «крещения» Акакия действительно довольно примечательна хотя бы тем, что здесь полностью отсутствует описание таинства, священник даже не упоминается, мать Акакия «удобно расположилась» (где? В храме?), да и дискуссия по поводу выбора имени в ходе таинства не предполагается, в любом случае без участия священника представить ее довольно трудно.

²⁶ М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст*, Радикс, Москва 1993.

²⁷ Н.В. Гоголь, *Петербургские повести*, Советская Россия, Москва 1978, с. 127.

²⁸ Там же.

Несмотря на то, что исследователь Владислав Кривонос в доказательство того факта, что в повести «крещальное таинство совершается в соответствии с установленным ритуалом, требующим присутствия священника»²⁹ справедливо приводит выдержку из черновой редакции *Шинели*, где видно, что мать Акакия посылает за приходским священником, нельзя принять этот черновой фрагмент во внимание, поскольку до окончательной редакции сцены выбора имени священник так и не добрался, а мы анализируем текст повести Гоголя *Шинель*, а не какой-то другой текст «по мотивам повести Гоголя», где, если за священником посылают, то присутствие его всеми предполагается, а если ребенок заплакал, то мы должны предположить, что это случилось исключительно по причине того, что его окунули в купель.

Сцена «крещения» Акакия ничего не говорит нам о его «благочистивых» родителях, скорее наоборот: автор сеет сомнения в наличии у них хоть каких-то добродетелей, намекает на «подлое» происхождение всего рода от непонятно как затесавшегося к ним башмака. Наречение же героя Акакием Акакиевичем говорит скорее не о его высшем жребии, поскольку согласно святкам предназначением свыше было бы для него имя Моккия, Сессия, или Хоздазат. Башмачкина назвали именем отца, что говорит более о равнодушии к его судьбе, чем о действительном предназначении свыше.

В. Должен имитировать «уход из мира».

Примеров «ухода из мира» Акакия Башмачкина в повести более, чем достаточно. Задачей является объяснить, почему это не «уход», а имитация ухода: «Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье...»³⁰. Для Башмачкина «казалось» ничего не существовало, подчеркивает автор, и тут же переходит к вопросу об одежде.

Эскапизм героя, его погружение в процесс переписывания, от которого он получал удовольствие и от которого его трудно было оторвать:

²⁹ В.Ш. Кривонос, *Бедный Акакий Акакиевич (об идеологических подходах к «Шинели» Гоголя)*, «Вопросы литературы» 2004, №6, с. 150.

³⁰ Н.В. Гоголь, *Петербургские повести...*, с. 130.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы³¹.

Эскапизм героя «как бы» защищал его до определенного времени от воздействия внешнего мира. Акакий не заботился о изменении своего социального статуса, его не волновали насмешки коллег, не заботило качество пищи, отсутствие контакта с родственниками и знакомыми. Однако от петербургского сырого холода с пронзительным северным ветром погружение во внутренний мир, сокрытый, кстати, от нас совершенно всезнающим автором, спасти совершенно не могло. И здесь очевидна прямая антитеза к житию святого, который с видимой легкостью переносит любые физические страдания, в том числе и холод, уповая на Бога и получая его помощь и защиту. Обращение к Богу помогло нечувствительно перенести ночь на льду озера, к примеру, сорока Севастийским мученикам³², а святому мученику Виленскому Евстафию³³ выдержать пытку утопления в холодной воде. Акакий Башмачкин же не готов к таким подвигам, у него нет «оружия» против подобного рода страданий. Он готов не обращать внимания на внешний мир ровно до тех пор, пока этот внешний мир не начинал приносить ему определенный дискомфорт.

«Аскеза» и «уход от мира» Акакия — это очередной сарказм Гоголя. Акакий не умирает от голода, у него есть какой-то род прислуги, он ходит на службу, включен, хотя внешне в них и не заинтересован, в социальные отношения, он получает жалование, занимается только такой работой, которая ему самому нравится. Автор нигде, ни разу не дает намека, что Акакий недоволен своей жизнью или как-то страдает и старается ее переменить. Нет, напротив: представляя собой прекрасный образец дауншифтера XIX века, Акакий живет так, как он хочет и по установленным им самим правилам, игнорируя внешний мир тогда, когда ему этого хочется. Нам кажется, что Башмачкин страдает от такой жизни, потому что такое существование на

³¹ Там же.

³² *О святых Севастийских мучениках*, <http://www.pravoslavie.ru/1661.html> (01.05.2018).

³³ *Православный календарь, Святые мученики Виленские*, <https://days.pravoslavie.ru/Life/life6441.htm> (01.05.2018).

первой ступеньке служебной лестницы нам кажется чем-то неестественным, при этом мы забываем спросить Башмачкина, а чем он в своей жизни не доволен? И выясняется, что он доволен всем.

К еще одной имитации ухода от мира необходимо присовокупить и «обет безбрачия» предполагаемого святого. Мы привыкли считать Акакия «иноком», не знакомым с женским полом, однако автор оговаривается и мне бы хотелось еще раз заострить внимание на этом отрывке: «И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки»³⁴. Каким образом шурин Акакия Башмачкина, то есть брат жены, мог носить ту же фамилию, что и главный герой, не понятно, однако автор упоминает этого «шурин» вовсе не просто «для пушшего комического эффекта», Гоголь ничего не делает «просто», автор показывает нам, что история жизни Акакия Башмачкина, приведшая его к теперешнему состоянию, далеко не так проста, и нам эта история совершенно неизвестна.

Истинный же смысл «ухода от мира», так называемого «иночества» Акакия Башмачкина, в его действительном безразличии к людям в то время, когда заслуга иноков для общества заключается в непрестанной творимой ими молитве о церкви и христианах — живых и мертвых. Говоря словами святителя Феофана Затворника: «Иноки — это жертва Богу от общества, которое, предавая их Богу, из них составляет себе ограду»³⁵. Никакой «ограды» для общества Акакий из себя не представляет, его эскапизм имеет целью исключительно создание максимального личного комфорта при минимальных трудозатратах.

С. Должен под личиной «боголюбия» скрывать свое безбожие.

«Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился»³⁶. Это почти единственный эпизод, когда мы понимаем, что Акакий Башмачкин действительно христианин. Подробно описывая быт и злоключения своего героя, Гоголь полностью исключает любое упоминание о его религиозности или отношении

³⁴ Н.В. Гоголь. *Петербургские повести...*, с. 127.

³⁵ Святитель Феофан Затворник, *Начертание христианского нравоведения*, https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravovoucheniya/5 (02.05.2018).

³⁶ Н.В. Гоголь. *Петербургские повести...*, с. 139.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

к церкви. Мы не видим его духовной жизни, участия в религиозных праздниках, он не ходит в церковь, он не совершает молитв, в суете имени Бога не поминает и надо заметить, что описание быта русского чиновника позапрошлого века, из которого исключены все признаки присутствия церкви, не могли быть случайными, настолько православный календарь, годичный цикл праздников, обрядов, был характерен для того общества. И в самых страшных своих испытаниях, когда имя Бога срывается с губ христианина непроизвольно, Башмачкин молчит. У Бога он не просит помощи, он обращается выше, к «значительному лицу». Для святого такие качества как «кротость», «незлобливость», «смирение», «книжность» и «аскеза», которые внешне проявляет и Акакий Башмачкин, это инструменты служения Богу. Акакий Башмачкин же скрывает за книжностью занятия каллиграфией, за аскезой — неряшливость и неприязнательность к бытовым условиям, за кротостью и смирением — отсутствие интереса к внешнему миру, за якобы послушанием — упорное нежелание заниматься чем-то другим, кроме каллиграфических упражнений. Посмотрите, как Башмачкин решительно отказывается от сложной работы:

Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать³⁷.

Никакого «послушания» здесь нет и в помине.

Д. Герой антижития обладает такими чертами характера, как «немиловитость», гордыня (ярость), алчность, злоба, внутреннее уродство.

Первый и последний раз Акакий Башмачкин показывает свое истинное отношение к коллегам-чиновникам в эпизоде встречи со «значительным лицом»:

Но, ваше превосходительство, — сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, — я ваше пре-

³⁷ Там же, с. 130.

восходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...³⁸.

Этот эпизод очень напоминает рассказ из жизни преподобного Аввы Дорофея, который пожелал встретиться с молодым монахом, прославившимся в монастыре своими смирением и послушанием:

Он никогда не гневался, никогда не возмущался, никогда не возражал, когда его порочили или унижали. И Дорофей, который был опытен в духовной жизни, не поверил; он вызвал этого монаха и спросил: «Каким это образом, при всей твоей молодости, ты достиг такого совершенства, что когда тебя порочат, унижают, оскорбляют, ты никогда не возмущаешься?» И этот молодой монах ответил: «Что мне возмущаться, когда какие-то псы на меня лают?»³⁹.

Равнодушие Акакия Башмачкина к окружающему миру, принятое читателями за смирение, оказалось смирением ложным. Его духовное состояние больше напоминает состояние гордыни, то есть совершенной свободы от человеческого мнения. Суждение коллег и начальства Башмачкин игнорировал точно так же, как и возможное существование родственников, друзей детства, товарищей по университету, и, повторяюсь, занимался исключительно своей любимой каллиграфией, в которой видел глубокий смысл, при этом сам был себе учителем, поклонником, сам был себе мерилom и собственным судьей. Это состояние предельного, замкнутого одиночества митрополит Сурожский Антоний назвал состоянием: «...когда у человека больше нет Бога и нет суда вне его самого»⁴⁰.

Е. Заклучает договор с дьяволом и поклоняется ему как Богу.

При такой немереной гордыне Акакий Башмачкин может поклоняться только самому себе. Он действительно заключает договор с самим собой и накладывает на себя ряд ограничений, которые помогут ему получить шинель, чтобы защититься от холода, при этом не прибегая к чьей-либо помощи:

Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыклось и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался

³⁸ Там же, с. 151.

³⁹ Митрополит Сурожский Антоний, *Человек перед Богом*, http://www.mitras.ru/pered2/pb_231.htm#2 (01.05.2018).

⁴⁰ Там же.

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один⁴¹.

Поклоняется ли Башмачкин новой шинели? Безусловно, нет. Поклоняется ли он себе в новой шинели? Это предположение больше похоже на правду. Хотя бы потому, что в антимире, созданным Гоголем специально для Башмачкина, некому больше поклоняться. Где нет места Богу, там не будет места и дьяволу.

Г. После его смерти от его могилы должен исходить смрад (вместо благоухания).

Умирает Акакий Башмачкин страшно — в бреду, сквернословя, без последнего причастия. Более того — как мы ничего не знаем о том, как крестили Акакия Башмачкина, так мы ничего не знаем о том, как его отпевали. Ситуация в отношении святого, блаженного, юродивого, любого христианина просто немыслимая. Но вполне допустимая, если речь идет о герое антижития.

Автор сухо сообщает нам, что от Башмачкина осталось очень немного наследства: «...пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот»⁴², — а потом добавляет: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было»⁴³. Это «как будто бы никогда не было» резко противоречит критериям канонизации христианских святых, одним из которых является наличие нетленных останков, и еще раз показывает, что Акакий Башмачкин является героем антижития — от него осталось так мало, как будто его вообще никогда не было.

Наконец, вместо благоухания от героя антижития должен исходить смрад:

Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но

⁴¹ Н.В. Гоголь. *Петербургские повести...*, с. 139.

⁴² Там же, с. 152.

⁴³ Там же.

ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою...⁴⁴.

Здесь комментарии излишни.

Г. Вместо чудес, присущих святым, должен совершать злодеяния.

Мертвый Башмачкин не совершает посмертных подвигов. Только злодеяния. И они не могут трактоваться нами ни как возмездие «значительному лицу», ни как месть социальной системе, не способной оградить граждан от бытового криминала. Мертвый Башмачкин чинит на улицах ночного Петербурга банальный грабеж и терроризирует граждан:

Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем⁴⁵.

Нам остается ответить на вопрос, а зачем мертвому Башмачкину шинель? Не слишком ли жарко ему будет в генеральской шинели «значительного лица» в тех местах, куда он, несомненно, направляется? Упорство покойника не кажется таким уж абсурдным, если мы помним, что это герой антижитийный, то есть он должен зеркально повторять за святым все, что тот делает и после смерти, но делать это наоборот. И если делатель послушания Акакий Синайский и после смерти лежит и ждет приказа старца умереть, то и у Акакия Башмачкина после смерти нашлось одно неисполненное дело — ему надо вернуть шинель, потому что и после смерти он продолжает служить только самому себе, своей страсти.

5.

Убедившись в полном совпадении построения структуры художественного образа Акакия Башмачкина со структурой образа героя антижития, предложенной Людмилой Черной, давайте наконец разберемся с «житийной» символикой имени гоголев-

⁴⁴ Там же, с. 156.

⁴⁵ Там же, с. 153.

ского персонажа. Литературовед Петр Палиевский выдвинул предположение, что имя и отчество Акакия Башмачкина связано прежде всего с «акакией» (греч. *ἀκασία*) — так назывался мешочек праха, пыли (символ бренности, ничтожности земного), который находился в руках византийского императора вместе с «державой», символом земной власти⁴⁶. Этот последний аргумент рассыпает образ Акакия святого, блаженного, юродивого в прах. Акакий-мученик буквально протекает у исследователей между пальцами.

Николай Гоголь при написании *Шинели* использует жанр антижития не для создания пародии на произведения патристической литературы. И здесь приставка «анти» (антимир, антигерой, антижитие) не означает против, а показывает максимальное удаление литературного мира от мира реального. Гоголь использует структуру антижития, чтобы создать иную культурную реальность — мир изнаночный, антимир: «Мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный, дурацкий»⁴⁷. Законы этого мира резко противоречат нашему миру, в нем нет Бога и дьявола, антимир живет по своим моральным законам, поэтому искать в *Шинели* какой-то намек на религиозный смысл тоже напрасно. В антимире, созданном Гоголем, вообще нет места церкви. Однако открытого противостояния «святой–антисвятой» Гоголь старается избежать, поэтому черты антигероя так неуловимы.

Находясь на самом пике своего творчества, Николай Гоголь создает совершенный по своей сложности антитекст, задачей которого является поиск ответа на вопрос: способен ли герой с определенным набором качеств выжить при заданных обстоятельствах. Задача решалась исключительно художественными средствами, поскольку в реальной жизни, все мы помним, ситуация имела банальную развязку: реальный прототип Акакия Башмачкина — бедный чиновник, копивший на ружье и потерявший его в первый день охоты, — так убивался, что коллеги быстро собрали нужную сумму и вернули ему потерянное сокровище. А сам Николай Васильевич, страдавший от лютого мороза, не копил необходимую сумму по копейке голодая, а просто в одном

⁴⁶ П.В. Палиевский, *Пушкин в движении европейского сознания // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов*, Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской Академии наук, Москва 2002, с. 125.

⁴⁷ Д.С. Лихачев, *Смех в Древней Руси...*, с. 14.

из своих писем слезно попросил денег у матери, при чем именно 150 рублей, потом снизил сумму до 80 рублей, и эти суммы навсегда врезались в его память:

Вы пишете маминька, что не получаете от меня письма за прошлый месяц; но я в конце мая писал к вам, извещая об заблаговременной присылке мне полтораста - 150 руб., потому что я хотел сделать себе и шинель. Но теперь вижу, что она мне в лето не понадобится, а лучше сделать ее к зиме, и потому теперь мне нужно не более 80 рублей для сделки платья летнего, которого у меня совершенно нет⁴⁸.

Только на первый взгляд кажется, что: «Идеал Гоголя странный: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство»⁴⁹, — но все странности исчезают если осознать, что идеалом Гоголя является творчество, и если для решения творческой задачи Гоголю-христианину предстоит написать «антижитие», или историю о том, как черт украл месяц с неба, или как семинарист боролся с ведьмой, Николай Васильевич эту задачу блестяще выполнит, отставляя свои личные религиозные переживания «в подкладке». Об этой особенности творческого метода Гоголя пишет и Юрий Манн: «...персонажи и события как бы существуют в своей собственной сфере, по ту сторону авторского сознания»⁵⁰, — поэтому искать в *Шинели* агиографические мотивы только на том основании, что мы твердо знаем, что Гоголь читал *Лествицу*, посещал церковь и регулярно постился, бессмысленно.

В тексте повести Николая Гоголя *Шинель* нет ни религиозного, ни антирелигиозного смысла, полностью отсутствуют житийные мотивы, любое сходство жизнеописания Акакия Башмачкина с житиями святых является надуманным и не находит своего подтверждения при анализе текста повести. Жанр антижития был выбран автором исключительно в целях наиболее эффективной реализации творческой задачи, которая и была блестяще выполнена.

В заключении хочется еще раз вернуться к предисловию к *Службе кабаку* в списке XVIII в., которое словно писалось для сторонников актуальных интерпретаций произведений классической литературы: «Увеселительное аще и возмнит кто приме-

⁴⁸ Н.В. Гоголь, *Письма 1820–1835 гг.*, http://rulibrary.ru/gogol/pisma_1820-1835_godov/30 (02.05.2018).

⁴⁹ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений*, Наука, Ленинград 1985, т. 24, с. 303.

⁵⁰ Ю. Манн, *Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою»*, «Вопросы литературы» 2002, № 4, <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/mann-pr.html> (11.05.2018).

АНТИЖИТИЙНЫЕ МОТИВЫ...

нити кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковой да не понуждается к читанию, но да оставит могущему и читати и ползоватися»⁵¹.

Walerij Sklarow

МОТИВЫ ANTYHAGIOGRAFICZNE W POWIEŚCI NIKOŁAJA GOGOLA *PLASZCZ*

Streszczenie

W artykule poświęconym opowieści Nikołaja Gogola *Plaszcz* weryfikowana jest hipoteza Fredericka Christoffela Driessena, Klause-Dietera Seemanna, Michaiła Dunajewa, Walentyny Wietłowskiej, Cinzia De Lotto, Pawła Buharkina, Aleksandra Piwowarowa i innych o obecności w tym dziele hagiograficznych motywów i religijnego sensu. Powołując się w swojej analizie tekstu na metodę Ludmily Czernoj, autor artykułu dochodzi do wniosku, że powieść nie posiada typowych cech charakterystycznych dla opisów żywotów świętych, jak sądzi wielu badaczy tekstów Gogola — uważa, że jest wręcz odwrotnie. Badając charakter rozwoju gatunku antyhagiografijnego w literaturze rosyjskiej, autor dochodzi do wniosku, że Nikołaj Gogol wykorzystuje strukturę antyhagiografijną w celu budowania antytekstu i tworzenia innej kulturowej rzeczywistości — antyświata, który pomaga mu rozwiązać założony literacki cel. Zdaniem autora powieść Gogola *Plaszcz* nie ma żadnego religijnego sensu, a motywy żywotów świętych mają w powieści inne funkcje niż wskazywane w literaturze przedmiotu.

Valeryi Sklyarov

THE OPPOSITE HAGIOGRAPHY IN THE NIKOLAI GOGOL'S STORY *THE OVERCOAT*

Summary

In the article based on the Nikolai Gogol's *The Overcoat* are being verified the hypotheses of Frederick Christoffel Driessen, Klaus-Dieter Seemann, Michail Dunayev, Valentina Vetlovskaia, Cinzia De Lotto, Pavel Buharkin, Aleksandr Pivovarov and others about the actual presence of hagiographic motifs and a religious sense in the story. After analyzing the text based on the methodology of the researcher Ludmila Chernaya, the author concludes that the story isn't providing the typical genre based on the descriptions of a saint's life as has been suggested by many researchers before, but is actually the opposite of the genre. This brings out the genre in Russian literature — «the anti-life». Exploring development of this genre in Russian literature, the author concludes that Gogol uses this structure in order to build and create a different cultural reality — «anti-world», which helps him to solve a certain literary goal. According to the author, in Gogol's story *The Overcoat* there is no religious meaning. Signs of typical for hagiography descriptions of a saint's life have different functions than scholars have found in the Gogol's story.

⁵¹ Д.С. Лихачев, *Смех в Древней Руси...*, с. 21.

ANNA ĆWIK
Uniwersytet Wrocławski

NIEŚWIADOMOŚĆ IDIOTY. MYSZKIN I ROGOŻYŃ

Idiota (*Идиот*, 1869) Fiodora Dostojewskiego, mimo że upłynęło już sto pięćdziesiąt lat, wciąż stanowi przedmiot dyskusji naukowych. Istota fenomenu utworu nie jest łatwa do określenia — liczne wątki i problemy nakładają się na siebie, tworząc dzieło wielowymiarowe, o złożonej strukturze. W centrum tej skomplikowanej sieci zawsze znajduje się tytułowy bohater, o którym Dostojewski słusznie pisał: „Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь”¹. Portret Myszkina cechuje wysoki stopień ambiwalencji, której przyczyna leży poza światem fikcjonalnym i należy do sfery znajdującej się na pograniczu pytań natury filozoficznej, społecznej i wreszcie — psychologicznej, dla nas najbardziej interesującej.

Dostojewski — twórca pełen rozterek egzystencjalnych — otworzył literaturze drogę do lepszego poznania człowieka dzięki podjęciu tzw. przeklętych problemów². Mniej więcej w tym samym czasie na polu psychiatrii uczynił to Sigmund Freud, przedstawiając swoją metapsychologię i stopniowo rozbudowując pojęcie aparatu psychicznego człowieka³. Nazywany ojcem nieświadomości, usystematyzował ten termin, rozumiejąc przez niego wszystkie wyobrażenia, które

¹ Ф.М. Достоевский, *Письма*, 1 (13) января 1868, Женева, w: tegoż: *Собрание сочинений в 15-ти томах*, Наука, Ленинград 1996, т. 15, <https://rvb.ru/dostoevski/o1text/vol15/o1text/468.htm> (15.09.2018).

² Zob. R. Przybylski, *Dostojewski i „przeklęte problemy”*, Sic!, Warszawa 2010.

³ Chronologicznie najpóźniejszy podział aparatu psychicznego obejmuje: kierujące się zasadą przyjemności *id*, związane z pierwotnymi, nieświadomymi procesami psychicznymi, częściowo połączone z nim *ego*, czyli instancję dążącą do samozachowania, oraz *superego* — będące efektem identyfikacji z rodzicami, nadzorujące i oceniające *ego*; zob. Z. Rosińska, *Freud*, Wiedza Powszechna, Warszawa 2002, s. 43–45.

nie mogą zostać uświadomione lub które zostały wyparte, jednocześnie wskazując, że są zorganizowane i aktywne. Doprowadziło to do zmiany w dotychczasowym postrzeganiu jednostki jako racjonalnej i w pełni samoświadomej⁴. Dziś za podstawowy błąd Freuda uznaje się przecenienie roli pragnień seksualnych, nie zmienia to jednak faktu, że jego wizja człowieka jako istoty psychicznie skomplikowanej, pełnej paradoksów i sprzeczności stała się zacznym do dalszego rozwoju myśli psychologicznej⁵.

Mimo że Dostojewski był przede wszystkim pisarzem, zaś Freud lekarzem, w ich myśli można odnaleźć pewne punkty styczne: rozważania obydwu wykraczały poza zakres wyznaczony dziedziną ich specjalizacji (znamiennie, że Dostojewski nazywany jest psychologiem, a Freud oskarżany był o zbyt humanistyczny charakter swoich prac), ich zainteresowania oscylowały wokół tematyki niepoznanych sfer ludzkiego istnienia (z jednej strony mowa zatem o człowieku z podziemia, z drugiej o nieświadomości), każdy z nich pozostawił trwały ślad w myśleniu o człowieku (choć zasługi Freuda są w tym względzie często niedoceniane).

Psychoanalityczne podejście w analizie i interpretacji dzieł Dostojewskiego znajduje uzasadnienie jako próba poszerzenia dostępnych sposobów rozumienia twórczości pisarza o nowe obszary i jest obecne na gruncie rosyjskim od początku XX wieku⁶. Zasadniczo wyróżnić można trzy podstawowe grupy tekstów. Pierwsza związana jest z początkową fascynacją psychoanalizą, są to prace najwcześniejsze, w znakomitej większości całkowicie wierne i podporządkowane teorii Freuda, które skupiają się na kwestii ojcobójstwa, kompleksie Edypa i epilepsji. Wydaje się, że ich autorów interesuje nie tyle twórczość pisarza, ile jego życie wewnętrzne, a poszczególne dzieła literackie są jedynie pretekstem do snucia przypuszczeń na temat jego ukrytych pragnień. Należą tu m.in. teksty Tatiany Rosenthal, Anny Kaszyny-Jewrieinowej czy prace Iwana Jermakowa — jednego z założycieli Stowarzyszenia Psychoanalitycznego w Rosji (1922) i największego

⁴ W. Szewczuk, *Zygmunt Freud i jego koncepcja człowieka*, w: S. Freud, *Psychopatologia życia codziennego. Marzenia senne*, przeł. W. Szewczuk, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1987, s. 13–16.

⁵ A. Guzek, *Świat bez Freuda. Demitologizacja ortodoksyjnej psychoanalizy z punktu widzenia psychoterapii przełomu XX i XXI wieku*, w: Z. Rosińska, J. Michalik, P. Bursztyńska (red.), *Freud i nowoczesność*, Universitas, Kraków 2008, s. 293–306.

⁶ Po raz pierwszy Freuda na język rosyjski przetłumaczono w 1904 roku (*Толкование сновидений*).

propagatora freudyzmu w kraju — oraz Alfreda Bema, uważanego za znawcę Dostojewskiego⁷.

Kolejną grupę tworzą takie prace, których autorzy usiłują rozwinąć podstawowy problem badawczy, wprowadzając kolejne pola zainteresowań. Charakterystyczne, że następuje w nich zwrot w kierunku Junga, powstają publikacje ogólniejsze, o charakterze typologicznym lub syntetycznym, mające na celu uporządkowanie zebranej wiedzy. Tutaj do głosu dochodzą archetypy i badania o kierunku kulturowym, jak na przykład u Aleksandra Etkinda czy Igora Smirnowa⁸. Na drugą połowę XX wieku przypada początek współpracy dwóch wielkich rosyjskich uczonych z dziedziny medycyny i psychologii — Olega Kuzniecowa oraz Władimira Lebediewa⁹. Ich wspólne teksty to przede wszystkim analiza utworów pisarza pod kątem typów psychologicznych. Już w XXI wieku powstaje wielka synteza Dmitrija Roźdiestwienskigo, w której Dostojewski i jego utwory pojawiają się w wielu różnych kontekstach i są bezpośrednim przedmiotem zainteresowania¹⁰.

⁷ Zob. Т. Розенталь, *Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование*, ERGO, Ижевск 2011; А. Кашина-Еврейнова, *Подполье гения. Сексуальные источники творчества Достоевского*, Терра, Москва 1991; И.Д. Ермаков, *Ф.М. Достоевский. Он и его произведения*, w: tegoż, *Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский*, Новое литературное обозрение, Москва 1999; А. Бем, *Драматизация бреда. „Хозяйка Достоевского”*, ERGO, Ижевск 2012. Na tym tle wyróżnia się uczeń i przyjaciel Freuda, Николай Осипов, który, krytykując innych badaczy za nadmierne skupianie się na poszukiwaniach tropów psychoanalitycznych w sferze seksualnej, podejmuje wątek tzw. życzenia śmierci, zob. Н. Осипов, „Двойник. Петербургская поэма” *Ф.М. Достоевского*, ERGO, Ижевск 2012; Н. Осипов, *Страшное у Гоголя и Достоевского*, w: В.М. Лейбин (ред.), *Классический психоанализ и художественная литература*, Питер, Санкт-Петербург 2002.

⁸ А.М. Эткинд, *Эрос невозможного. История психоанализа в России*, МЕДУЗА, Санкт-Петербург 1993; И.И. Смирнов, *Психоистория русской литературы: от романтизма до наших дней*, Научная библиотека, Москва 1994.

⁹ В.И. Лебедев, О.Н. Кузнецов, *Достоевский о тайнах психического здоровья*, Терра, Москва 1991; В.И. Лебедев, О.Н. Кузнецов, *Достоевский над бездной безумия*, Когито-Центр, Москва 2003. Z perspektwy typologii zob. także Н.А. Добролюбов, *Забитые люди*, w: *Сочинения Н.А. Добролюбова*, т. III, в типографии Иосафата Огризко, Санкт-Петербург 1862, s. 533–585; А.А. Григорьев, *Сочинения в 22 тт.*, т. 2: *Статьи; письма*, Художественная литература, Москва 1990; Л. Гроссман, *Творчество Ф.М. Достоевского*, Изд-во АН СССР, Москва 1959; В. Одинокоев, *Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского*, Наука, Новосибирск 1981.

¹⁰ Д.С. Рождественский, *Психоанализ в российской культуре*, ВЕИП, Санкт-Петербург 2009.

Ostatnia grupa, czyli prace najnowsze, zawierają już dość swobodną interpretację w duchu psychoanalitycznym, a nierzadko otwartą krytykę niektórych postulatów stawianych przez Freuda. Nie oznacza to jednak, że wartość psychoanalizy jako metody badawczej zostaje zanegowana. Chodzi raczej o przyznanie pierwszeństwa rzeczywistości literackiej i rezygnację z przesadnego biografizmu. Wskazać można tutaj teksty psychoanalityka Walerego Lejbina, antropologa Arona Brudnego i psycholog Angeliny Demilchanowej oraz Jurija Romanowa¹¹. W badaniach literackich nad Dostojewskim w perspektywie psychoanalitycznej istotny jest także wkład psychologów oraz psychiatrów amerykańskich, którzy starali się interpretować jego twórczość w możliwie jak najbardziej wiarygodny naukowo sposób, posilając się wynikami badań klinicznych¹².

Jeśli w Rosji analizuje się kolejno powieści „wielkiego pięcioksięgu”, zwłaszcza uznawanych powszechnie za największe osiągnięcie literackie Dostojewskiego *Braci Karamazow*, to badacze amerykańscy szczególnie interesują się *Sobowtórem*. Tak czy inaczej, niewiele miejsca poświęcono samemu tylko *Idiocie*, dlatego zasadne wydaje się zestawienie osiągnięć psychoanalizy z tak bogatym w znaczenia tekstem literackim rozumianym jako samodzielna całość. Zaczątek do refleksji stanowi wspomniana już ambiwalencja, widoczna w kreacji oraz recepcji postaci głównego bohatera utworu.

¹¹ В.М. Лейбин, *Фрейд и Достоевский*, w: tegoż (red.), *Психоанализ жизни и творчества Достоевского*, Московский институт психоанализа, Москва 2014; А.А. Брудный, А.М. Демильханова, *Феномен двойника и «стадия зеркала»*, «Историческая психология и социология истории» 2009, т. 2, №2, <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130340/> (25.06.2017); Ю.А. Романов, *Архетипический образ «подпольного» героя в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»*, «Вопросы русской литературы» 2003, nr 9(66), s. 146–160, http://fm-dostoevskiy.narod.ru/doc/Romanov_U_A_Arhetipicheskiy_obraz_podpolnogo_geroya_v_romane_Besyi.pdf (25.06.2017).

¹² Zob. L. Kohlberg, *Psychological Analysis and Literary Form: A Study of the Doubles in Dostoevsky*, „*Deadalus*” 1963, vol. 92, nr 2, s. 3453–3462, https://www.jstor.org/stable/20026782?seq=15#page_scan_tab_contents (05.08.2017); L. Breger, *Feodor Dostoevsky: The Author as Psychoanalyst*, New York University Press, New York, London 1989; R. Rosenthal, *Dostoevsky's Experiment with Projective Mechanisms and the Theft of Identity in The Double*, https://www.researchgate.net/publication/299559795_Dostoevsky's_experiment_with_projective_mechanisms_and_the_theft_of_identity_in_The_Double (05.08.2017). W Rosji podobne podejście reprezentuje m.in. Igor Kadurow, zob. И.М. Кадыров, „*Двойник*” Ф.М. Достоевского: попытка психоаналитической интерпретации, „*Консультативная психология и психотерапия*” 2002, nr 1.

„[И] слова, и дело, и ложь, и правда — всё у меня вместе, и совершенно искренно”¹³ — mówi do Myszkiń Lebiejew, postać należąca, jak zwykle u Dostojewskiego, do licznej galerii ludzi, których moralność stoi pod znakiem zapytania. Łajdak, ale dobry — tak można podsumować tego skrajnego konformistę i krętacza, który u księcia szuka współczucia. Co ważne, jest on swojego łajdactwa najzupełniej świadomy i to właśnie pomaga mu utrzymać się na powierzchni życia¹⁴. Nieustannie kłamie, by zaraz potem przyznać się do przewiny, bije się w piersi, by znów sięgnąć po alkohol, roni łzy nad losem swoich dzieci, by następnie potraktować je całkiem bezdusznie. A jednak zdaje się, że bohater podły, w swoim rażącym niedostatku tego, co (z braku lepszego słowa) moglibyśmy nazwać logiką, lepiej pasuje do świata niż jego słuchacz, książę Myszkiń — bez wątpienia dobry, ale jednak, jak mówią, idiota...

Myszkiń dla innych jest zupełnie niemożliwy w swojej dobroci. „Świętość jest takim samym skandalem jak najgłębszy grzech”¹⁵ — pisze Olga Siedakowa, sygnalizując jej niedościgniony charakter. Bohater chrystusową postawą prowokuje tak samo, jak choćby Nastazja Filipowna swoimi ekscesami¹⁶, ponieważ na tym właśnie polega jego nieprzystawalność — to cecha boska, zatem także nieludzka. Powiedzieć, że książę jest święty (w przeciwieństwie do ogółu) i na tym zakończyć, to jak powiedzieć tylko połowę prawdy, jak zacząć historię i pominąć zakończenie, a przecież losy wszystkich, z którymi się zetknął, rozwiązują się w sposób tragiczny¹⁷.

¹³ Ф.М. Достоевский, *Идиот*, w: tegoż, *Собрание сочинений в 15-ти томах*, Наука, Ленинград 1988, т. 6, <https://ilibrary.ru/text/94/index.html> (15.09.2018).

¹⁴ O. Siedakowa, „*Nieudana epifania*”: *dwie chrześcijańskie powieści — „Idiota” i „Doktor Żywago*”, przeł. J. Chmielewski, „Kronos” 2014, nr 1 (28), s. 192.

¹⁵ Tamże, s. 188–197.

¹⁶ Na temat tego, kogo i w jakim celu prowokuje Nastazja, zdania są podzielone. Wspomniana wyżej Olga Siedakowa upatruje w jej postaci uosobienie cierpienia, z jakim mamy do czynienia w Księdze Hioba i widzi w niej wyzwanie dla Myszkiń. Jednak z psychologicznego punktu widzenia postępowanie Nastazji to wyraz nieprzystosowania społecznego i w tym aspekcie jest to cecha, którą dzieli z Myszkińem; zob. A. Beveridge, „*Is everyone mad?*” *The depiction of mental disturbance in the work of Dostoyevsky*, „*Advances in Psychiatric Treatment*” 2009, vol. 15(1), s. 36, 38, doi:10.1192/apt.bp.108.005496 (05.05.2018).

¹⁷ Tragizm ten najbardziej widoczny jest na przykładzie losów kobiet: Agłai i Nastazji; zob. Т.А. Касаткина, „*И утаил от детей...*”: *причины непроницательности князя Льва Мышкина*, w: tejże, *Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций*, Российская Академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Наследие. Москва 1996, s. 202–208.

Najczęściej akcentowane cechy księcia to skrajna naiwność (wynikająca z jego „programowej” dobroci), bierność (pośrednio biorąca się z naiwności czy nieumiejętności przewidywania, nierozumienia społecznych konwenansów), a nawet całkowita obojętność (będąca kombinacją wymienionych cech)¹⁸. Bliżej mu przecież do pokornego cierpiętnika niż bojownika w walce o sprawiedliwość. Tym samym, w zależności od interpretacji, mówi się o nim jako o fałszywym Zbawicielu lub tym, który poległ w walce z cynicznym światem. Można jednak dostrzec w Myszkinie także inny rodzaj zmagania — mękę w walce z samym sobą, która Dostojewskiego interesowała tak samo, jak kwestie religijne czy socjologiczne.

Jakkolwiek postawa księcia nosi cechy dziecięcej ufności, Myszkin doskonale wie, jak postrzegają go inni, dysponuje również szczególnym rodzajem przenikliwości. Bywa bierny, ale na tle wrzaskliwych zachowań pozostałych i to jest wyrazistą reakcją. Zresztą i do zdecydowanych działań jest zdolny, co pokazuje np. powstrzymując Ganię przed uderzeniem siostry. Wreszcie — jego brak zanurzenia się w losy drugiego czy litość z obowiązku są właściwie niemożliwe do udowodnienia: tyle samo zliczyć można argumentów świadczących na korzyść tej tezy, jak i przeciw niej. Nie ma też wątpliwości co do tego, że Myszkin przejawia czasem pospolite ludzkie wady: niecierpliwość, gwałtowność, złość. To prowadzi do sprzeczności: święty, a jednak kontrowersyjny; niewinny, choć uwikłany w tak wiele mrocznych spraw; dziecinny, a tak wnikliwy.

Wydaje się, że rzeczywistą, najgłębiej skrywaną tajemnicą księcia jest jego własna osobowość, a zatem siła napędowa powieści leży w nim samym, nie zaś w zewnętrznych okolicznościach. Myszkin, jak Keller i Lebedew, przyznaje, że sytuacja, w której „две мысли вместе сошлись, это очень часто случается”¹⁹, oferując tym, którzy miotają się między dobrem i złem, całkowite zrozumienie. Z doświadczenia wie, że „с этими двойными мыслями ужасно трудно бороться”²⁰. Jednak dodaje: „Бог знает, как они приходят и зарождаются. Но вот вы же называете это прямо низостью! Теперь и я опять начну этих мыслей бояться”²¹.

¹⁸ Opinie badaczy przytacza w książce poświęconej Dostojewskiemu Michał Kruszelnicki; zob. M. Kruszelnicki, *Labirynty Myszkina*, w: tegoż, *Dostojewski. Konflikt i niespełnienie*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2017, s. 96–115.

¹⁹ Ф.М. Достоевский, *Идуом...*

²⁰ Tamże.

²¹ Tamże.

Książę jakby mimochodem wyznaje, że nad mieszkającym w jego umyśle złem zupełnie nie panuje i nie zna jego pochodzenia. Paradoksalnie to właśnie lęk, wyparcie niepoznawalnego pierwiastka prowadzi Myszkina do zguby. Podczas gdy inni bohaterowie Dostojewskiego dają upust swym mrocznym fantazjom, książę nie dopuszcza ich do siebie, a psychologicznie niemożliwe jest przecież, by nie istniały. Z takich założeń wychodzą przedstawiciele nurtów psychoanalitycznych, którzy nie bez przyczyny upatrują w księciu przykład rozbicia osobowości²². To, że postać ma swoje *alter ego* zostaje zasygnalizowane już na początku powieści, kiedy bohater spotyka Rogożyna: „[...] оба люди молодые, оба почти налегке, оба не щегольски одетые, оба с довольно замечательными физиономиями и оба пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор”²³.

Dalszy opis i rozmowa świadczą o zupełnie odmiennych charakterach i światopoglądzie, jednak mężczyźni nie czują wobec siebie niechęci. Jednocześnie do ledwie rozpoczętej znajomości wkrada się dodatkowy czynnik, którym jest postać Nastazji Filipowny. Jej uroda wywiera na obydwu podobne wrażenie:

Князь хотел было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорил и с шубой, которую поднял с полу, пошел в гостиную. [...] воротился и глядел на нее как истукан [...]”²⁴.

Только что приподнялась портьера и он увидел Настасью Филипповну — всё остальное перестало для него существовать, как и давеча утром, даже могущественнее, чем давеча утром²⁵.

„Czynnik” wydaje się właściwym określeniem dla bohaterki, jeśli wziąć pod uwagę fakt, że jej kreacja istnieje, by być generatorem nieustannych starć, stanowiąc dodatkową niewiadomą w i tak skomplikowanym labiryncie wzajemnych relacji²⁶. Jasne jest, że bohaterowie

²² Zob. E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot: A Study in Literature and Psychoanalysis*, Princeton University Press, Guildford 1979; A. Beveridge, ‘Is everyone mad?’..., s. 82–89.

²³ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

²⁴ Tamże.

²⁵ Tamże.

²⁶ Tak ujmuje ten problem Halina Brzoza: „Relacje „ja”–drugie „ja” (Drugi) oraz „ja”–zbiorowość zajmują wyraźne miejsce w świecie Dostojewskiego, tworząc w nim wielopoziomowe pole sił. Odbijają one w swej strukturze całościowej główny zespół cech wpisanego w świat ten systemu światopoglądowego, wyrażającego się w kategoriach myślenia i wartościowania, w wyobrażeniach kosmologicznych i antropologicznych, a także w szeregu wątpliwości i negacji”. H. Brzoza, *Dostojewski. Między mitem, tragedią i apokalipsą*, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 1995, s. 192.

działają na siebie w sposób wręcz magnetyczny i dysponują jakimś wyjątkowym rodzajem wiedzy o sobie nawzajem, szczególnie zaś sam książę, który od razu dostrzega w Nastazji głębię uczuć i zupełnie niespodziewanie wypowiada następujące słowa do Gani: „я думаю, и завтра же можно; [Рогожин] женился бы [на Настасье], а чрез неделю, пожалуй, и зарезал бы ее”²⁷.

Wraz z rozwojem akcji powieści więź staje się bardziej oczywista i właściwie stanowi jej oś fabularną. Akcja za każdym razem nabiera rozpędu, kiedy postaci spotykają się ze sobą; co więcej — każde ich zetknięcie naznaczone jest różnymi symptomami chorobowymi — takimi jak gorączka, irracjonalne zachowanie, nieświadome gesty, utrata świadomości, atak epileptyczny. Szczególnie dostrzegalne jest to w czasie jednego z „małych” punktów kulminacyjnych, wieńczącego pierwszą część powieści.

Można zatem postawić pytanie o wzajemne relacje bohaterów i funkcje psychologiczne, jakie pełnią wobec siebie. Myszkin i Rogożyn to dwie skrajności: pierwszy nosi miano świętego, drugi wręcz przeciwnie; jeden boi się swych myśli, drugi pyta wprost o wiarę w Boga, o możliwość zabójstwa, o najgłębsze uczucia. Innymi słowy: wszystko, co wypiera Myszkin, kumuluje się w postawie Parfiona. W ten sposób zyskujemy dodatkowy dostęp do tego, na co książę sam boi się spojrzeć: do jego własnej, najbardziej skrytej, najokropniejszej wersji „ja”, a więc do nieświadomości²⁸. Ignorując jej istnienie, Lew Nikolajewicz przyjmuje rolę samowychowującą²⁹. Wiwiskcyjna wręcz rozmowa z Rogożynem w Petersburgu obnaża ten mechanizm w pełni. W emocjach mężczyźni przekazują sobie Nastazję jak przedmiot, jednocześnie próbując dociec, gdzie tkwi źródło niecodziennej więzi, którą są z nią połączeni:

— [...] жалость твоя, пожалуй, еще пуще моей любви! — Что-то злобное и желавшее непременно сейчас же высказаться загорелось в лице его.

— Что же, твою любовь от злости не отличишь, — улыбнулся князь, — а пройдет она, так, может, еще пуще беда будет. Я, брат Парфен, уж это тебе говорю...

²⁷ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

²⁸ Warto dodać, że nieświadomość u Freuda nie jest jednoznaczna z *id*. Zarówno *ego*, jak i *superego* zawierają bowiem treści nieświadome, *id* ma jednak charakter filogenetyczny i całkowicie pierwotny; zob. S. Freud, *Ego i id*, przeł. J. Prokopiuk, w: Z. Rosińska, *Freud*, Wiedza Powszechna, Warszawa 2002, s. 317. Dla naszych rozważań oznacza to, że ilekroć mówimy o nieświadomych myślach Myszkina, nie stoi to w sprzeczności z tym, że jest on wcieleniem *superego*.

²⁹ E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot...*, s. 79–86.

— Что нарежу-то?
Князь вздрогнул³⁰.

W najbardziej wyraźny sposób dochodzi tu do artykulacji myśli o zabójstwie, ale to nie koniec. Dwa razy bezwiednie księżę sięga po nóż Rogożyna, by zacząć bezsensowny wątek:

— Ты листы, что ли, им разрезаешь? — спросил князь, но как-то рассеянно, всё еще как бы под давлением сильной задумчивости.
— Да, листы.
— Это ведь садовый нож?
— Да, садовый. Разве садовым нельзя разрезать листы?
— Да он... совсем новый.
— Ну что ж, что новый? Разве я не могу сейчас купить новый нож? — в каком-то иступлении вскричал наконец Rogożyn, раздражавшийся с каждым словом³¹.

Odczytania psychoanalityczne są w tym miejscu spójne: dla *superego*, którym jest Myszkın, to moment, w którym dopuszcza on do siebie pragnienie śmierci (wcześniej dał wyraz fascynacji tym tematem, opowiadając o karze ostatecznej)³². Od tej pory napięcie pomiędzy księciem i Rogożynem będzie rosło, aż dojdzie do konfrontacji i ataku epileptycznego, ponieważ to, co wpuścił do swojego serca Myszkın, jest dla niego nie do opranowania — „помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля, который вырвался из груди его сам собой и который никакою силой он не мог бы остановить”³³. Nie można jednoznacznie stwierdzić, czy przyczyna choroby jest zupełnie nieorganiczna, ale na pewno epilepsja księcia jest więc ściśle związana z jego stanem psychicznym i emocjonalnym. Podobną hipotezę na temat samego Dostojewskiego wysunął Freud w eseju *Dostojewski i ojcobójstwo*, gdzie posłużył się określeniem „reakcja epileptyczna” i zinterpretował ją jako jeden z przejawów nerwicy³⁴.

Osobną kwestię stanowi rola pełniona przez postać Nastazji. Elizabeth Dalton zauważa, że jest to postać samodzielna, zarazem jednak udowadnia, że upadła piękność symbolizuje matkę w rozwoju psychoseksualnym Myszkina oraz Rogożyna³⁵. Tym samym sprowa-

³⁰ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

³¹ Tamże.

³² E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot...*, s. 133–136.

³³ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

³⁴ Zob. S. Freud, *Dostojewski i ojcobójstwo*, w: tegoż, *Sztuki plastyczne i literatura*, t. X, przeł. R. Reszke, Wydawnictwo KR, Warszawa 2009, s. 231–244.

³⁵ E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot...*, s. 99–101.

dza jej rolę do obiektu seksualnego. Bez wątpienia książę jako *jurodiuwy* swoją seksualność spycha do podziemia — „ему, князю, любить страстно эту женщину — почти немисливо, почти было бы жестокостью”³⁶, podczas gdy Rogożynem kieruje szaleńcza zazdrość. Jeśli dosłownie zastosować teorię Freuda w odniesieniu do powieści, to okaże się, że wynika to z dwóch różnych realizacji kompleksu Edypa, czyli konfliktu towarzyszącemu rozwojowi dziecka, który polega na wykształceniu uczuć seksualnych wobec rodzica przeciwnej płci przy jednoczesnym poczuciu zagrożenia ze strony drugiego opiekuna (w przypadku chłopców jest to lęk kastracyjny)³⁷. Pojawia się on w momencie odkrycia własnej seksualności, a jego pozytywne rozwiązanie następuje w chwili uświadomienia sobie przez dziecko swojej przegranej pozycji w rywalizacji i znalezienia innego obiektu miłosnego — chłopiec rezygnuje z walki o względy matki i przestaje obawiać się ojca na rzec naśladownictwa. Zgodnie z tą koncepcją³⁸ w przypadku Myszkina lęk kastracyjny jest tak silny, że uniemożliwia identyfikację z ojcem i skutkuje aseksualnością (znamienne jest tutaj, że książę go nie znał); w przypadku Rogożyna natomiast dochodzi do przeniesienia wrogości na matkę i zachowań agresywnych: *eros* i *tanatos* splatają się ze sobą³⁹.

³⁶ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

³⁷ S. Freud, *Rozwój libido i organizacje seksualne*, w: tegoż, *Wstęp do psychoanalizy*, przeł. S. Kemperówna, W. Zaniewicki, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1997, s. 294–310; S. Freud, *The Dissolution of the Oedipus Complex. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIX: (1923–1925): The Ego and the Id and Other Works*, Psychoanalytic Electronic Publishing, s. 171–180, <http://icpla.edu/wp-content/uploads/2017/11/Freud-S-The-Dissolution-of-the-Oedipus-Complex.pdf> (05.05.2018).

³⁸ Kompleks Edypa to jednocześnie motyw literacki oraz teoria psychologiczna, warto jednak mieć na uwadze, że geneza konfliktu między rodzicami i dziećmi w zależności od przyjętego punktu widzenia w psychologii jest określana różnie (zob. D.M. Buss, *Psychologia ewolucyjna*, przeł. M. Orski, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk 2003, s. 145–147), a pierwotna idea Freuda ulega licznym przekształceniom, np. w odniesieniu do homoseksualności (zob. G. Shenkman, *Classic psychoanalysis and male same-sex parents: A reexamination of basic concepts*, „Psychoanalytic Psychology” 2016, 33(4), s. 585–598, <http://dx.doi.org/10.1037/a0038486> [05.05.2018]).

³⁹ W relacjach pomiędzy Rogożynem i jego ojcem można dostrzec realizację mitologicznego motywu uciezki przed niosącym śmierć ojcem, co dodatkowo uzasadnia naszą interpretację; zob. P. Б. Щетинин, *Развитие образов Мышкина и Rogożина в романе Ф.М. Достоевского „Идиот”*, „Вестник Томского государственного университета” 2007, №304, s. 26–27, http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/304/image/304_026-029.pdf (15.04.2018).

Myszkini i Rogożyn mogą reprezentować odmienne podejścia do seksualności, jednak taka interpretacja jest niekompletna, bowiem koncentruje się na biologicznym aspekcie teorii Freuda, w myśl której człowiek kierowany jest wyłącznie popędami⁴⁰. W powieści zaś dostrzec można wiele innych kontekstów, dlatego konieczne jest wyjście poza granice wspomnianego paradygmatu.

Zwróćmy zatem w pierwszej kolejności uwagę na fakt, że dla pozostałych bohaterów miłość idealna księcia jest nawet bardziej bulwersująca od instynktownych reakcji, które — choć nacechowane prymitywnym popędem — wydają się bardziej na miejscu niż platoniczne umiłowanie bliźniego. „Аглая Ивановна любила как женщина, как человек, а не как... отвлеченный дух” — konstatuje zszokowany Jewgienij Pawłowicz, a potem rozmyśla: „И как это любить двух? Двумя разными любовью какими-нибудь?”⁴¹. Nie dowierza Myszkiniowi, który zasłania się chorobą i jeśli przyjąć optykę psychoanalityczną, również mamy prawo mu nie wierzyć⁴². W tym kontekście rzeczywiście można postrzegać Nastazję jako swego rodzaju pole walki sprzecznych sił, które reprezentują mężczyźni, lecz wydaje się, że *eros* stanowi jedynie jedno z ich wcieleń.

Myszkini mówi: „Ах, кабы [Настасья] добра! Всё было бы спасено!”⁴³. Jego uwaga koncentruje się więc nie tylko na powierzchowności: od początku wyraża także troskę o stan jej duszy. Dokonuje na Nastazję projekcji własnej wizji świata, chce widzieć w niej więcej niż inni („она ‘не такая’”⁴⁴). Jednocześnie Rogożyn pragnie zatopić ją we własnej zaborczej namiętności, robi wszystko, by mieć ją dla siebie, przy tym o swojej miłości jest absolutnie przekonany. Tu

⁴⁰ Z. Rosińska, *Freud...*, s. 6–7.

⁴¹ Ф.М. Достоевский, *Идуот...*

⁴² Dyskusja nad seksualnością Myszkina jest ściśle związana z dyskusją nad jego świętością. Podczas gdy jedni bez zastrzeżeń przyjmują zdolność do idealnej, czystej miłości („Prawie wszystkie jego [Dostojewskiego] postacie są poligamiczne, to znaczy, że w zadośćuczynieniu za złożoność ich natury wszystkie zdolne są do wielu jednoczesnych miłości”), inni twierdzą, że książę w ogóle nie jest w stanie nikogo naprawdę (a więc po ludzku) kochać („Pociąga go współczucie”). Pozostali uważają, że aseksualizm jest tu tylko pozorny: „Wystarczy zauważyć, że książę jest zdolny do autentycznych erotycznych wzruszeń, czego dowodzić może choćby nadzwyczajna atencja, jaką oddarza on Wierę Lebediew”; zob. kolejno A. Gidé, *Dostojewski. Artykuły i wykłady*, przeł. K. Kot, Wydawnictwo KR, Warszawa 1997, s. 151; O. Siedakowa, „*Nieudana epifania*”..., s. 195; M. Kruszelnicki, *Labirynty...*, s. 106.

⁴³ Ф.М. Достоевский, *Идуот...*

⁴⁴ Tamże.

zaczyna się przedziwna rywalizacja dwóch różnych uczuć, ukrytych pragnień i wzniosłych dążeń. Rogożyn daje wskazówkę dotyczącą mechanizmu, na jakim opierają się relacje całej trójki: „С тобой она будет не такая, и сама, пожалуй, этакому делу ужаснется, а со мной вот именно такая”⁴⁵.

Na tym polega sekret Nastazji Filipowny. Kobieta upadła to za dużo powiedziane, kobieta czysta to nadinterpretacja. Pragnienie Myszkina, by była nie tylko piękna, lecz również dobra, to niemożliwe do spełnienia życzenie, w rzeczywistości bohaterka nie może być tylko dobra lub tylko zła⁴⁶. Nastazja nieustannie miota się między odkupieniem w cnocie i karą za grzechy poprzez wzięcie na siebie cudzego przewinienia, symbolizując rozdarte *ego*, nad którym kontrolę raz po raz przejmuje niedopuszczające występku *superego* lub mroczne *id*. To tłumaczy jej niesamodzielną status w powieści, a także uwalnia interpretację jej kreacji od aspektów wyłącznie seksualnych. Obok popędów równie istotne stają się problemy związane z normami obyczajowymi i społecznymi oraz religią, zatem można powiedzieć, że relacja Myszkina–Nastazja–Rogożyn ilustruje przepływ energii psychicznej jako takiej w powiązaniu ze światem zewnętrznym, co pozostaje w zgodzie ze społeczno-kulturowym odczytaniem myśli Freuda⁴⁷.

Oczywiście Nastazja nie wytrzymuje zbyt długo w żadnej konfiguracji. Nie można być drugim Chrystusem — z tego samego powodu Myszkina ponosi klęskę⁴⁸. Ale Dostojewski neguje też istnienie ontologicznego zła, pozostawiając swoich bohaterów z brzemieniem wolności, w imię której nierzadko postępują irracjonalnie. Zagadnienie psychiki ludzkiej zostaje włączone do szerszych rozważań o charakterze religijno-filozoficznym. Nastazja potrzebuje cierpienia tak jak przebaczenia. „Точно так, как я ее люблю теперь, точно так же она другого теперь любит. А другой этот знаешь ты кто? Это ты!”⁴⁹ — krzyczy do Myszkina Rogożyn, „Неужели вы не видите, что не

⁴⁵ Tamże.

⁴⁶ О.А. Богданова, „Образ чистой красоты” в романе Ф.М. Достоевского „Идиот”, „Знание. Понимание. Умение” 2007, nr 2, s. 103–104, http://www.zpu-journal.ru/zpu/2007_2/Bogdanova/15.pdf (15.04.2018).

⁴⁷ Z. Rosińska, *Freud...*, s. 47–49.

⁴⁸ Tej tezy dowodzi także wielu badaczy analizujących powieść w kontekście religijnym; zob. H. Paprocki, *Książę Myszkina jako zbawiciel fałszywy*, w: tegoż, *Lew i mysz, czyli tajemnica człowieka. Esej o bohaterach Dostojewskiego*, Bractwo Młodzieży Prawosławnej, Białystok 1997, s. 75–79.

⁴⁹ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

в меня она влюблена, а вас, вас одного она любит!”⁵⁰ — wtóruje mu Agłaja, a jednak sama Baraszkowa w przedsiönku swojego rajy na ziemi u boku nieskazitelnego księcia wykrzykuje: „Спаси меня!”⁵¹ — i znów rzuca się w ramiona Rogożyna. Człowiek jest tak skonstruowany, że sam siebie skazuje na mękę i potrafi odnaleźć w tym dziwnej przyjemność. Masochizm seksualny, który stanowił punkt wyjścia dla naszych rozważań, przechodzi w masochizm moralny⁵². Jak pisał Freud:

Jeśli miłość do obiektu, której nie można się wyrzec, podczas gdy sam obiekt stał się przedmiotem wyrzeczenia, ucieka w utożsamienie narcystyczne, wówczas na owym obiekcie zastępczym uaktywnia się nienawiść, czyniąc to w formie obzucania obiektu obelgami, upokarzania go, przysparzania mu cierpienia, i z tego cierpienia czerpiąc sadystyczne zaspokojenie⁵³.

W ten sposób niejednoznaczność postaci Nastazji zyskuje nowy wymiar. Obraz *femme fatale*, dla zabawy uwodzącej mężczyzn, trudno przecież pogodzić z tą wrażliwą osobą, która „глубоко убеждена, что она самое павшее, самое порочное существо из всех на свете”⁵⁴. Koreluje to z opisanym przez Freuda poczuciem winy wynikającym z napięcia pomiędzy chęcią spełnienia żądań *id* oraz podporządkowania się *superego*. Nastazja jest marionetką w rękach innych, sama zaś nie dysponuje żadną bronią oprócz szukania schronienia to u Rogożyna, to u Myszkina. Jej losy ilustrują prawdę, że nie można uciec od siebie samego. Dlatego ocalenie, które oferuje jej książę, jest nierealne, a on sam pada ofiarą własnej doskonałości.

Wszystkie jego dziecięco-naiwne cechy, a także choroba, którą jest napiętnowany, pozwalały mu ignorować zły świat dorosłych. Dopiero powrót do ojczyzny i zetknięcie z rzeczywistością pełną pułapek, manipulacji, ohydy i śmierci staje się doświadczeniem przypominającym bolesne dorastanie. Jeśli na początku ludzie są dla Myszkina zagadką, z biegiem czasu dochodzi do przekonania, że jego własna dusza pozostaje tajemnicą. Jak słusznie zauważa Anna Berman, pierwsza część *Idioty* to demonstracja tego, jakie uczucia w innych wywołuje

⁵⁰ Tamże, s. 485.

⁵¹ Tamże, s. 661.

⁵² Zob. E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot...*, s. 82.

⁵³ S. Freud, *Żaloba i melancholia*, w: tegoż, *Psychologia nieświadomości*, przeł. R. Reszke, KR, Warszawa 2009, s. 153.

⁵⁴ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

postać księcia, później jednak proces ten ulega odwróceniu⁵⁵. Stopniowo w jego osobowości zachodzą wyraźne zmiany. Bezcelowej włóczędze bohatera poprzedzającej atak Rogożyna towarzyszy okres dziwnego pobudzenia, halucynacji, fantazji i podejrzliwości wobec siebie i innych — prześladowające go oczy to echo tłumionych myśli. Wówczas jednak uruchamiają się w księciu mechanizmy obronne, które włączają jego umysł w uprzedni, potencjalnie komfortowy stan zawieszenia: „Но какое-то внутреннее непобедимое отвращение опять пересилило: он не захотел ничего обдумывать, он не стал обдумывать; он задумался совсем о другом”⁵⁶.

Wszelkie podejrzenia co do mroku rezydującego w Rogożynie książe w sobie dusi, a towarzyszy mu przy tym wstyd tak wielki, że nie może nawet artykułować swoich spostrzeżeń.

Zdaniem Dalton poczucie wstydu jest o tyle słuszne, o ile dotyczy samego księcia⁵⁷. Jego „idealne ja” blokuje wszelkie symptomy tego, co uznaje za niewłaściwe, Rogożyn jako zewnętrzna reprezentacja zła jest jednak tak samo nie do zaakceptowania jak wewnętrzne oznaki niemoralności. Moment ataku, w którym Parfion jawi się jako prymitywna, niepowstrzymana siła, mimo wszelkich wcześniejszych przeczuć zaskakuje wszak Myszkiną. Znowu następuje reakcja obronna, tym razem w postaci napadu epilepsji.

Szczególnie interesujący jest mistyczny moment niezwyklej radości, który na ułamek sekundy odczuwa Myszkin i za który — jak sam mówi — gotów byłby oddać całe swoje życie. Ma to być przejaw jakiegoś „doskonalszego bytu”, syntezy życia, niemożliwej do osiągnięcia w normalnym stanie umysłu. Można dopatrywać się w nim religijnego objawienia lub też, jak chciał Freud, cofnięcia się do stadium, w którym noworodek nie uzmysławia sobie jeszcze swojej odrębności od otoczenia. Powrót do najbardziej prymitywnej formy świadomości jest dla Myszkiną rekompensatą za doznaną traumę i doskonale wpisuje się w ten rys jego osobowości, który nawiązuje do dziecięcej niewinności. Jest to, posługując się językiem człowieka XXI w., ponowne uruchomienie umysłu, reset, a cały proces zapobiega konfrontacji z innymi, a więc i z *alter ego*. Jak pisze Freud:

⁵⁵ A. Berman, „*The Idiot's*” *Romantic Struggle*, „Dostoevsky Studies. New Series” 2008, vol. 12, s. 88, http://www.academia.edu/1989660/The_Idiots_Romantic_Struggle (25.03.2018). Cyt. za: M. Kruszelnicki, *Labirynty...*, s. 104.

⁵⁶ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

⁵⁷ E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot...*, s. 116.

Nasze dzisiejsze poczucie „ja” jest zatem jedynie skarłalą resztą uczucia znacznie bardziej rozległego, ba — wszechogarniającego uczucia, które odpowiadało ścisłemu związkowi „ja” z otoczeniem⁵⁸.

Wytlumaczenie to mieści w sobie zarówno mistyczno-religijny charakter doznań Myszkina, jak i psychologiczny aspekt związany z atakami epileptycznymi. Warto zauważyć, że według Freuda stan ten jest niepożądany jako przeszkoda we właściwym postrzeganiu rzeczywistości. Sam bohater jest świadomy faktu, że jego percepcja zostaje zaburzona, jednak nie potrafi wyzbyć się przekonania, że w gruncie rzeczy to przeżycie pozytywne. W wyjaśnieniu tej rozbieżności pomocne może być odwołanie się do psychologii analitycznej Carla Gustava Junga i przyjęcie, że świat wewnętrzny jest równoprawny względem zewnętrznego, a ponadto pełni niebagatelną funkcję przystosowawczą⁵⁹. W takim ujęciu introwertyczne doświadczenia księcia związane z napadem padaczkowym mają na celu zapobiec jeszcze głębszej formie odcięcia się od realności (choć ostatecznie zawodzą). Zatem nieświadome treści osobiste niekoniecznie muszą mieć charakter wyłącznie negatywny. To sprawia, że na przeżycia bohatera można patrzeć dwojako: z jednej strony rzeczywiście blokuje on to, co dla niego przykre, z drugiej zaś regresja sama w sobie nie musi być mechanizmem niepożądanym⁶⁰. Inaczej mówiąc, atak epileptyczny postrzegany jako pozytywne przeżycie, może być taki w istocie⁶¹.

Znamienne, że również wobec Nastazji księżę żywi ambiwalentne uczucia. Choć najpierw oferuje jej bezinteresowne przebaczenie, później nabiera przekonania, że jest obłąkana. Im bardziej oddala się ona od przyjętego przez niego ideału, tym bardziej próbuje bohater przypiąć jej łatkę szalonej. Jej oczy zaczynają przerażać go tak samo, jak wcześniej spojrzenie Rogożyna: „[...] представлялись ему ее глаза, ее взгляд, слышались ее слова — странные какие-то слова, хоть

⁵⁸ S. Freud, *Kultura jako źródło cierpień*, w: tegoż, *Pisma społeczne*, przeł. A. Ochocki, M. Poręba, R. Reszke, Wydawnictwo KR, Warszawa 1998, s. 168.

⁵⁹ A. Storr, *Jung*, przeł. A. Grzybek, Prószyński i S-ka, Warszawa 2000, s. 76–77; W. Dudek, *Psychologia integralna Junga*, ENETEIA, Warszawa 2006, s. 189–209; J. Jacobi, *Psychologia C.G. Junga*, przeł. S. Łypacewicz, Wydawnictwo Wodnika, Warszawa 2001, s. 37–40.

⁶⁰ Z. Rosińska, *Jung*, Państwowe Wydawnictwo „Wiedza Powszechna”, Warszawa 1982, s. 38–42.

⁶¹ Taki sposób myślenia można odnieść również do samego pisarza, przy założeniu, że Myszkina w tym wypadku pełni rolę autorskiego *porte-parole*, a padaczka miała u Dostojewskiego podłoże przynajmniej częściowo psychiczne.

и немного потом осталось у него в памяти после этих лихорадочных и тоскливых часов”⁶².

W rozmowie z Jewgienijem Pawłowiczem wyznaje: „я боюсь ее лица!”⁶³, by po chwili zapewnić: „я люблю ее всей душой! Ведь это... дитя; теперь она дитя, совсем дитя!”⁶⁴. Tak naprawdę Myszkina boi się własnej twarzy, ilekroć bowiem Nastazja zaczyna ulegać wpływowi Rogożyna, widzi w niej jeszcze wyraźniej odbicie swojego mrocznego sobowtóra. Miłość Lwa Nikołajewicza to miłość własna, ale idealna — taka, która hamuje wszelkie impulsy *id*: „‘Nad-ja’ — jak wyjaśnia Freud — to instancja, której istnienie zdołaliśmy wydedukować, sumienie to funkcja przypisywana jej oprócz innych, nadzorujących i osądzających czynności i zamiarów ‘ja’, instancja, która sprawuje aktywność cenzorską”⁶⁵.

Zatem Myszkina i Rogożyn to dwie myśli, które splatają się i istnieją naraz mimo jawnej sprzeczności. „Winą”, naiwnością, głupotą księcia jest wiara w to, że trzeba je od siebie oddzielić⁶⁶. W ten sposób możliwe staje się uwolnienie od grzechu, ale równocześnie egzystencja idioty staje się niemożliwa. Dlatego też inni go podziwiają, choć nie mogą się z nim **identyfikować**: „Я не согласен, и даже в негодовании, когда вас, — ну там кто-нибудь, — называют идиотом; вы слишком умны для такого названия; но вы и настолько странны, чтобы не быть, как все люди, согласитесь сами”⁶⁷.

W tym kontekście zakończenie utworu to bodaj jedyne psychologicznie uzasadnione wyjście. Scena, w której Myszkina i Rogożyn leżą twarzą w twarz tak blisko, że łzy księcia spływają po policzku Parfiona, pokazuje, że konieczne jest osiągnięcie wewnętrznej harmonii. Idealizm księcia sprowadził jego życie do wegetacji, pozbawił go świadomości. Jego posępne *id*, Rogożyn, od tej pory wiezie żywot skazańca, usuwa się w cień — a w metaforycznym sensie powraca do swojej nieokreślonej formy. Jeśli bowiem po raz kolejny pokusimy się o uzupełnienie topograficznej teorii Freuda o myśl Junga, można zaryzykować stwierdzenie, że Rogożyn jest cieniem, a mówiąc ściślej — stanowi reprezentację archetypowej postaci cienia⁶⁸. Jego

⁶² Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

⁶³ Tamże.

⁶⁴ Tamże.

⁶⁵ S. Freud, *Kultura jako...*, s. 220.

⁶⁶ Т.А. Касаткина, „И утаил от детей...”: причины непроницательности князя Льва Мышкина..., s. 208.

⁶⁷ Ф.М. Достоевский, *Идиот...*

⁶⁸ Sam Jung był zdania, że cień w jego rozumieniu odpowiada przedmiotowi zainteresowania freudystów, a więc można częściowo utożsamić go z popędowną stroną

wzrok prześladuje Myszkina właśnie wtedy, kiedy ten znajduje się na granicy snu i jawy, co tworzy wokół niego oniryczną aurę. Pełni on – tak jak archetypy – rolę doświadczenia zarówno o charakterze indywidualnym (wobec księcia), jak i zbiorowym (kiedy towarzyszy Hipolitowi podczas snu i zostaje przez chłopca wzięty za omen śmierci). Odarcie Rogożyna z realistyczności sprawia, że staje się on przede wszystkim symbolem utrapienia, które ciąży nad człowiekiem w ogóle:

Cień jest problemem moralnym, który rzuca wyzwanie całej *ego*-osobowości, albowiem nikt nie potrafi zrealizować cienia, nie rozwijając w poważnym stopniu stanowczości moralnej. [...] Akt ten jest nieodzowną podstawą wszelkiego rodzaju samopoznania i dlatego też z reguły spotyka się z poważnym oporem⁶⁹.

Odejście Nastazji równa się utracie tożsamości, a fabuła utworu to historia kryzysu osobowości, nieuchronnie prowadząca do jej załamania⁷⁰. Najbardziej porażające jest nie tyle samo morderstwo, jakkolwiek potworne i nieludzkie, ile śmierć *ego*, która dokonuje się wraz z nim. Znaczące wydaje się również pokonanie przez bohaterów drogi od miłości do śmierci, przez co dodatkowo podkreślona zostaje dwuznaczność ludzkiego życia psychicznego, nad którym panowanie mają zarówno siły witalne, jak i popędy destrukcyjne⁷¹. Ich rozróżnienie przestaje być oczywiste i decyduje o tragizmie ludzkiego losu, naznaczonego sprzecznością niemożliwą do pokonania. Dostojewski i Freud pokazują, że wybory często okazują się pozorne, a natura człowieka ograniczona i nieprzewidywalna zarazem.

Rozdwojenie osobowości pojawia się w wielu powieściach pisarza, lecz tylko w *Idiocie* przybiera formę tak zawoalowaną. Jeśli bohater *Młodzika* mówi wprost: „Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно

natury ludzkiej, która nie jest uświadamiana. Zasadnicza różnica polega na tym, że Jung personifikował to zjawisko psychiczne; zob. W. Dudek, *Psychologia...*, s. 189–209; J. Jacobi, *Psychologia...*, s. 151–156; Z. Rosińska, *Jung...*, s. 54–59; A. Storr, *Jung...*, s. 60–61.

⁶⁹ C.G. Jung, *Archetypy i symbole*, przeł. J. Prokopiuk, Spółdzielnia Wydawnicza „Czytelnik”, Warszawa 1981, s. 68.

⁷⁰ Д.А. Медведева, А.А. Казаков, *Проблема безумия в романах Ф.М. Достоевского 1865–1880 гг.*, „Вестник Томского государственного университета” 2011, № 351, s. 33–38, <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bezumiya-v-romanah-f-m-dostoevskogo-1865-1880-h-gg> (25.05.2018).

⁷¹ P. Dybel, *Freud i seksualność*, w: Z. Rosińska, J. Michalik, P. Bursztyka (red.), *Freud i nowoczesność*, Universitas, Kraków 2008, s. 172–173.

этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник"⁷², to książkę daje w tym względzie tylko drobne wskazówki. Podobnie jak inni bohaterowie Dostojewskiego Myszkina nie rozumie, że sobowtór — rezultat „podwójnych myśli” — w rzeczywistości tkwi w nim samym. Jak pisze Piotr Nowak, „diabeł nie ma twarzy innej niż twarz ludzka”⁷³.

W ten sposób *Idiota* staje się psychologicznym studium przypadku i rozprawą filozoficzną w jednym. Spojrzenie psychoanalityczne częściowo godzi sprzeczne wizje i znajduje oparcie także poza powieścią — Dostojewski stworzył kilka koncepcji fabularnych, a jedna z nich zakładała istnienie bohatera łączącego cechy Rogożyna oraz Myszkina⁷⁴. Freudowskie odczytanie zakłada, że bohaterowie — części aparatu psychicznego — tworzą system wzajemnych powiązań; jest to relacja niemal równorzędna, odzwierciedlająca napięcie między społeczeństwem czy kulturą oraz jednostką, która niejako magazynuje w sobie reprezentacje sprzecznych dążeń; myśl Junga może natomiast stanowić tło do rozważań o charakterze filozoficznym, gdzie na pierwszy plan wysuwają się kwestie doświadczeń mistycznych, a uogólnienie sięga procesów bezosobowych. Uchwycenie jednego sensu jest niemożliwe. Ostatecznie doświadczenie (również czytelniczne) wymyka się słowom i, jak stwierdza Myszkina, zawsze mówimy „jakby nie o tym”, o czym chcemy.

Анна Цвик

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ИДИОТА. МЫШКИН И РОГОЖИН

Резюме

В статье анализируется роман *Идиот* Федора Достоевского с точки зрения психоанализа. Объекты исследования — это князь Мышкин и Парфен Рогожин, воплощающие в себе двойственность человеческой природы. Такое видение героев считается общепризнанным. Автор статьи пытается определить точную конфигурацию, на основании которой созданы образы героев, с учетом наследия Зигмунда Фрейда, а также некоторых концепций аналитической психологии, разработанных Карлом Густавом Юнгом. Принимая во внимание структурную модель психики, юнгианские архетипы и идеи личного и коллек-

⁷² Ф.М. Достоевский, *Подросток*, w: tegoż: *Собрание сочинений в 15-ти томах*, Наука, Ленинград 1990, t. 8, <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol8/33.htm> (15.09.2018).

⁷³ P. Nowak, *O roli kłamstwa w twórczości Dostojewskiego*, „Kronos” 2014, nr 1 (28), s. 239.

⁷⁴ E. Dalton, *Unconscious Structure in The Idiot...*, s. 196.

тивного бессознательного, мы обнаруживаем, что Мышкина и Rogozhina можно рассматривать как Сверх-Я и Оно, тогда как Настасья Филипповна символизирует разрывающиеся между ними Я. Потеря связи героев с реальностью является яркой иллюстрацией философской темы романа.

Anna Ćwik

THE UNCONSCIOUSNESS OF THE IDIOT. MYSHKIN AND ROGOZHIN

Summary

The aim of the article is to present Fyodor Dostoevsky's *The Idiot* psychoanalytic analysis, focusing on the main characters of the novel. One idea is common for many interpretations, mainly the thought that Prince Myshkin and Rogozhin represent the duality of human nature. In this work the author makes an attempt to determine the exact configuration in which literary figures exist, taking into consideration Sigmund Freud's legacy, as well as some concepts of analytical psychology as developed by Carl Gustav Jung. Through the application of the structural model of the psyche, Jungian archetypes, and both the idea of personal and collective unconscious we find that Myshkin and Rogozhin may be seen as *superego* and *id*, whereas Nastasya Filipovna symbolises *ego* that is torn between them. As they fail to conform to the demands of reality, they also illustrate the philosophical theme in the novel.

JOANNA JĘDRA, EWA STAWINOĞA
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

ВСТРЕЧА ХРИСТИАНСТВА С ИСЛАМОМ — АНГЕЛЫ ИВАНА БУНИНА

Выдающийся религиозный философ — Николай Бердяев утверждает, «что в русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира»¹. Священное Писание, особенно Евангелие — это самая важная книга для многих русских авторов. С большим почтением к Библии относились классики — Александр Пушкин, Лев Толстой, Федор Достоевский². Она занимала важное место также в творчестве Анны Ахматовой, Михаила Булгакова, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама и др.

Книга Книг вдохновляющей оказалась и для лауреата Нобелевской премии по литературе 1933-его года — Ивана Бунина (1870–1953)³. Автору *Жизни Арсенева* особенно был близок Ветхий Завет, а среди книг Нового Завета самым интересным ему показался Апокалипсис⁴. Христианство, как пишет Юрий

¹ Н. Бердяев, *О характере русской религиозной мысли XIX века*, <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdno25.htm>, (3.04.2016).

² Л. Куваева, *Христианские традиции в русской литературе*, «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» 2010, вып. 10, с. 123–125.

³ В последнее время была опубликована интересная статья посвященная религиозному аспекту творчества Ивана Бунина, с которой, к сожалению, авторы данной работы не были знакомы в тот момент, когда она создавалась. См. О.А. Бердникова, *Духовный и географический векторы странствий И.А. Бунина «по следам Христа»*// О.А. Богданова, А.Г. Гачева (ред.), *Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма*, Индрик, Москва 2018, с. 172–189.

⁴ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв.*, Издательский совет Русской Православной Церкви, Москва 2003, с. 395–396. Электронная версия. В творчестве И. Бунина находим несколько «апокалиптических» стихотворений, например, *Из Апокалипсиса*,

Мальцев, «всегда привлекало Бунина своей обрядовой вещественной стороной, красотой и древностью»⁵, но отношение писателя к этой религии были сложными и противоречивыми⁶. Можно полагать, что причиной тому является то, что Эрнст Геккель определяет как «миксотеизм» или «смешение религиозных представлений, часто противоречащих друг другу»⁷.

Широко известно, что Бунин интересовали многие конфессии и их священные тексты, например, буддийские сказания⁸, древнеиндийские концепции человека и мира⁹. Однако особое внимание он уделял Библии и Корану. Последний привлекал его своей «орнаментальной загадочностью»¹⁰. Поэт ставил Коран наравне со священной книгой христиан, подчеркивая духовно-кровное родство основателей обеих религий¹¹ (стихотворение *Магомет и Сафия*¹²).

В 1907 году Бунин совершил паломничество на Восток¹³ в святые места трех наиболее значительных мировых рели-

День гнева, Сын человеческий, а также рассказ *Господин из Сан-Франциско*. См. В. Агафонова, *Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков в художественном сознании И.А. Бунина*, «Культура. Духовность. Общество» 2015, вып. 18, с. 27.

⁵ Ю. Мальцев, *Иван Бунин. 1870–1953*, Посев, Франкфурт-на-Майне–Москва 1994, с. 32.

⁶ Там же.

⁷ См. Э. Геккель, *Мировые загадки*, издание Д.П. Ефимова, Москва 1906, с. 282. Цит. по: Г. Карпенко, *Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков: Учебное пособие к спецкурсу «Литература и религиозное сознание» для студентов дневного и заочного отделений специализации «Русский язык и литература»*, Универс-групп, Самара 2005, с. 9.

⁸ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений...*, с. 395.

⁹ Г. Карпенко, *Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков...*, с. 45.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Там же, с. 8.

¹² Ср. «Все меня ругают, Магомет, жидовкой», — / Говорит сквозь слезы, не стирая слез. / Магомет, с усмешкой и любовью глядя, / Отвечает кротко: «Ты скажи им, друг: / Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя, Магомет — супруг». И. Бунин, *Магомет и Сафия* // того же, *Полное собрание сочинений в XIII томах*, т. 2: *Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910)*, Воскресенье, Москва 2006, с. 32. В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках названия стихотворения, аббревиатуры ПСС2 и номера страниц.

¹³ Интерес к Востоку в русской литературе появился намного раньше, он связан с Романтизмом. Павел Алексеев говорит о восточном стиле в поэзии этого времени. См. П. Алексеев, *Ислам в русской литературе: рождение гипертекста*, «Мир науки, культуры, образования» 2007, вып. 2, с. 68.

гий. Он посетил Константинополь, Палестину, Египет и Ливан, а свои замечания выразил в цикле очерков *Тень птицы*¹⁴. Вспоминаемое уже «смещение вер»¹⁵, а также приписываемый поэте «пантеизм», понимаемый как «страстное переживание божественной явленности мира, молитвенное созерцание одухотворенной красоты и величия природы»¹⁶, являются опознавательными чертами творчества автора *Жизни Арсенева*.

Оно отразилось также в его поэтическом образе ангелов, который наделен как христианскими, так и исламскими значениями. Крылатые вестники Бога появляются во многочисленных стихотворениях автора, относящихся к разным этапам его творческого пути¹⁷, и выступают во многих ипостасях. Это и ангел-хранитель [*Матери*; ПСС1, с. 253], и пустынный ангел [*Молчание*; ПСС2, с. 160], и ангелы служения [*Господь скорбящий*; ПСС2, с. 31], ангелы смерти и мести [*Бессмертный*; ПСС1, с. 218], ангел мятежный [*Беру твою руку и долго смотрю на нее*; ПСС1, с. 57], ангелы небесные [*На глазки синие, прелестные...*; ПСС1, с. 83.], серафимы и небесные силы [*В костеле*; ПСС1, с. 33], ангел гробовой [*На дальнем севере*; ПСС1, с. 59], ангел сна [*Вдовец*; ПСС1, с. 234], ангел лазурный [*На белых песках*; ПСС1, с. 132], шестикрылый [*Шестикрылый*, ПСС3, с. 44] и др.

Бунина, главным образом, привлекает вопрос о падении ангелов [*Сатана Богу*; ПСС1, с. 181], их сравнение с людьми [*Джор-*

¹⁴ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений...*, с. 395. Ср. В. Агафонова, *Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков в художественном сознании И.А. Бунина*, «Культура. Духовность. Общество» 2015, вып. 18, с. 28.

¹⁵ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений...*, с. 395. Синтез многих источников религиозных размышлений был характерен не только для творчества Бунина, но и для целой эпохи Серебряного века. См. В. Агафонова, *Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков...*, с. 26–27.

¹⁶ Г. Карпенко, *Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков...*, с. 11.

¹⁷ Ср. стихотворение: *Самсон // Полное собрание сочинений в XIII томах*, т. 1: *Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901)...*, с. 133. В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках названия стихотворения, аббревиатуры ПСС1 и номера страниц; см. стихотворения: *Благовестие о рождении Исаака* [ПСС2, с. 90], *Бегство в Египет* [ПСС2, с. 44–45]; *Белые крылья* [ПСС1, с. 182], *Священный прах* [ПСС1, с. 180], *Ночь Аль-Кадра* [ПСС1, с. 112]. Среди них есть и такие, в которых поэт ссылается на изображения ангелов в искусстве (*Михаил* [ПСС2, с. 120], *Шестикрылый* [ПСС2, с. 44], *Архистратиг средневековый...* [ПСС2, с. 86–87], *Могила поэта* [ПСС1, с. 118]).

дано Бруно; ПСС1, с. 192–194, *Маргарита прокралась в светелку...*; ПСС2, с. 176–177, *Матери*; ПСС1, с. 253–254], а также внешний вид и атрибуты крылатых духов. В основном поэт изображает их традиционно, т.е. ликующими в вышине [*Древний образ*; ПСС2, с. 132], пламенными [*Беру твою руку и долго смотрю на нее...*; ПСС1, с. 57], летающими и крылатыми:

Летел архангел Гавриил
И жгучий зной в пути далеком
Смягчал сияньем белых крыл
[*Белые крылья*; ППС1, с. 182].

В текстах Бунина — это чаще всего божественные воины — могущественные тонконогие существа, одетые в сталь [*Архистратиг средневековый...*; ПСС2, с. 86]. У них «грозные лики» [*Самсон*; ПСС1, с. 133], «красный меч из огня», как один из атрибутов, [*Михаил*; ПСС2, с. 120] и, конечно, сверхъестественные способности:

положил преграду
На буйные мои уста
[*Молчание*; ПСС2, с. 160].

Их задача — выполнять повеления Творца: „смертную страстью губить” [*Беру твою руку и долго смотрю на нее*; ПСС1, с. 57], сорвать планы Божьих врагов [*Бегство в Египет*; ПСС2, с. 45], истребить грешников во время Страшного суда [*Судный день*; ПСС2, с. 18; *Бессмертный*; ПСС1, с. 219].

Предметом нашей интерпретации в данной статье являются три стихотворения Бунина — *Михаил* (1919) [ПСС2, с. 120], относящейся к христианской традиции, а также *Бессмертный* (1906–1907) [ПСС1, с. 219] и *Сатана Богу* (1903–1906) [ПСС1, с. 181], отсылающие к традиции Корана.

Источником образа архангела Михаила в творчестве Ивана Бунина стали его христианские изображения. Как известно, это один из семи архангелов¹⁸ и один из трех небесных духов, чьи имена упоминаются в Библии¹⁹. Михаил (из иврита Mike’el) обозначает ‘Кто, как Бог?’. А значит, его имя «выражает [...]

¹⁸ О числе архангелов см. А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах. Опыт библейско-богословского исследования*, тип. И.И. Горбунова, Киев 1900, с. 363–364.

¹⁹ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł*, пер. G. Kania, Promic, Warszawa 2012, с. 9.

идею несравнимости Бога ни с чем тварным»²⁰. Оно также связано с ролью Михаила, какую он сыграл во время бунта Люцифера и части ангелов против Сотворителя²¹. Именно с таким окриком — пишет Gilles Jeanguenin, он повел верных Богу небесных духов на войну с силами зла, первым выступая против мятежников²². Как известно, битва завершилась изгнанием бунтовщиков с неба²³. Поэтому Михаил не только наивысший среди ангелов²⁴, но и ему присущ титул «архистратига», то есть вождя небесного воинства²⁵. Кроме того, он князь Израиля, то есть ангел-покровитель народа израильского²⁶. По мнению некоторых исследователей, Михаил считается также Ангелом Иеговы²⁷, то есть вестником Бога, «существом, обладающим божественными свойствами и проявляющим божеские действия»²⁸.

Византийская иконография первоначально изображала ангельского князя Израиля в виде юноши в пурпурной хламиде с распростертыми крыльями, мечом, лабарумом или земным шаром с крестом, а потом, во время правления Каролингов (753–987) и саксонской династии (866–1024), у ног архангела появляется также змей. Первые динамические представления Михаила в виде воина, побеждающего дьявола²⁹, датированы XII веком, в чем выражалась вера, что он является защитником перед Сатаной³⁰. В то время Михаил изображался также в латах с весами³¹, что, в свою очередь, отсылает к сюжету Страшного суда, во время которого он будет выполнять роль судьи³².

²⁰ А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах...*, с. 369.

²¹ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 7.

²² Там же.

²³ Ср.: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе» (Отк 12, 7–8).

²⁴ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 30.

²⁵ См. *Михаил* // С. Токарев (ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 2, Советская энциклопедия, Москва 1988, с. 159.

²⁶ См. больше об этом: А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах...*, с. 371–375.

²⁷ См. больше об этом: там же, с. 375–377.

²⁸ Там же, с. 16.

²⁹ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 54–55.

³⁰ Там же, с. 17.

³¹ M. Rojek, *Angelologia i demonologia. Skrypt dla studentów teologii*, Wydawnictwo Archidiecezji Przemyskiej, Przemyśl 1999, с. 76.

³² G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 17.

В русской иконографии позднего средневековья и Нового времени особенной популярностью пользовалось изображение Михаила Воеводы, т.е. «красноликого архангела, летящего на красном крылатом коне»³³, в доспехах и с короной на голове, с книгой, крестом, кадиллом и копьем в руках. Под копытами его коня лежит побежденный сатана, а сам Михаил трубит в трубу³⁴.

Такое же традиционное иконографическое изображение архангела Михаила в виде воина содержится и в стихотворении Ивана Бунина 1919 года под заглавием *Михаил* [ПСС2, с. 120]. Оно состоит из четырех строф и представляет собой воспоминание лирического «я» о впечатлении с детства — о фигуре/скульптуре или иконе архангела Михаила, которую, будучи ребенком, он увидел в церкви. Владимир Глаголев в связи с этим пишет, что сакральное искусство неоднократно «является источником религиозных переживаний верующих»³⁵. Так и в тексте Бунина: изображение ангела столь сильно пленило героя (в чем он признается в последней строфе стихотворения), что запомнил его на всю жизнь, а теперь, уже будучи взрослым человеком, передал его в поэтической форме:

Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый,
Где ты мое сердце пленил!
[ПСС2, с. 120]

Михаил из стихотворения русского поэта напоминает грозного римского legionера, вооруженного в «латы и меч». Он гро-

³³ П. Тычинская, *Древнейшие изображения Архангела Михаила — грозных сил воеводы*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» 2012, вып. 133, с. 165.

³⁴ Там же. Интересно упомянуть, что, согласно верованиям коптов, Михаил — это тот ангел, который вострубит Конец Времени и даст знак для начала Страшного Суда. Он также будет просить о помиловании грешникам, которые сделали хоть немного доброго на земле и Бог удовлетворит его просьбу. См. *Гомилия об архангеле Михаиле // Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке*, введение, перевод из коптского и комметарии А. Еланской, Алетейя, Санкт-Петербург 2001, с. 255–261.

³⁵ В. Глаголев, *Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // Д. Спивак (ред.), Фундаментальные проблемы культурологии в четырех томах*, т. III: *Культурная динамика*, Алетейя, Санкт-Петербург 2008, с. 11.

мадного роста, у него длинные волосы, «крупные, бурые и голые ноги»³⁶:

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял в клубах синеватых
И дивно глядел на меня. [...]

Ребенок, я думал о Боге,
А видел лишь кудри до плеч,
Да крупные бурые ноги,
Да римские латы и меч...
[ПСС2, с. 120]

Такой образ Михаила отсылает, например, к Книге Иисуса Навина, где он предстоит в виде главы небесных войск: «я вождь воинства Господня» (Нав 5,14). У него обнаженный меч — символ верховной власти³⁷, которую получил от Бога. В бунинском же стихотворении у Михаила огненный меч. У Хуана Керлота читаем, что это «символ оружия, охраняющего Рай (царство любовного огня) от земли (мир страдания)»³⁸. Напомним: меч как атрибут ангела, охраняющего вход в Рай, впервые появляется в Книге Бытия: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни»³⁹ (Быт 3, 24). Следовательно, можно полагать, что и Бунин следует традиции, согласно которой Михаил — это именно тот ангел, кому Бог повелел стеречь вход в Рай после изгнания первых людей⁴⁰.

³⁶ Похожий образ находим также в другом стихотворении Бунина, где он изображается крылатым, тонконогим, одетым в сталь. См. *Архистратиг средневековый...* [ПСС2, с. 86–87].

³⁷ См. *меч*, в: Х. Э. Керлот, *Словарь символов*, перевод Н. Богуна, Ю. Данько, С. Козунины и др., REFL-book, Москва 1994, с. 319–322.

³⁸ См. там же, с. 322. Огненный меч обозначает также очищение. См. *Меч* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов*, Вече, Москва 2006, с. 380.

³⁹ *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*, Москва 1997. В дальнейшем все цитаты из Библии приводятся по этому изданию. В круглых скобках обозначается сокращенное наименование книги, номер главы и стиха.

⁴⁰ В. Бортников, Е. Никольский, *Изображение Архангела Михаила в поэме Джона Мильтона «Потерянный рай»: аспект хронотопа*, «Вестник Удмуртского университета» 2014, вып. 4, с. 77. Согласно давней литургии, Михаил не только охраняет вход в Рай, но и выполняет ту роль, которая в греческой мифологии принадлежала Гермесу, а именно он сопровождает души покойных в потусторонний мир и ведет их перед престол Бога. См.

В стихотворении важную роль играет цветовая гамма. Изображенный здесь архангел окружен синеватыми клубами. Синий цвет ассоциируется с вечностью, чистотой, истиной, верой и духовностью⁴¹, что указывает на небесное происхождение Божьего полководца. В свою очередь клубы, под которыми понимаются клубы дыма, обладают «магической способностью предотвращать несчастья, нависшие над людьми, животными и растениями»⁴². Дым связан также с кадилом/кадильницей, то есть сосудом, предназначенным для сожжения благовоний перед Господом⁴³, а каждение понимается как очищающее действие — оно отгоняет злых духов. В Книге Товита (второканонической книге Ветхого Завета) читаем: «Он же, идя, вспомнил слова Рафила, и взял курильницу, и положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел» (Тов 8, 2–3). Уместно в этой связи напомнить, что Михаил — это ангел защиты, блаженный заступник и сверхъестественный защитник верующих в борьбе против Сатаны, что отражается, например, в молитвах экзорцизма, в которых призывается его имя⁴⁴.

Лирическое «я» стихотворения вспоминает, что описываемое им изображение Михаила-воина в детстве вызвало у него страх, уважение и одновременно восхищение. Могущественный, сильный и полон хвалы ангел в глазах ребенка предстает неким богатырем, гладиатором, а даже Богом. Jean Daniélou в связи с этим пишет, что такое отношение к ангелам особенно характерно для раннехристианских экзегетов, в том числе для Ерма, которые отождествляли архангела Михаила с Логосом-Христом⁴⁵.

G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 17; Б. Успенский, *Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Издательство Московского университета, Москва 1982, <http://www.krotov.info/history/11/uspensky/G12.htm> (3.05.2016).

⁴¹ См. *Цвета* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов...*, с. 37.

⁴² См. *Дым* // Х.Э. Керлот, *Словарь символов...*, с. 189.

⁴³ См. *Кадило* // Н. Глубоковский, *Библейский словарь*, Москва 2007, с. 130. Электронная версия.

⁴⁴ См. G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 61. Ср. также: *Молитвы Ахистратигу Божию Михаилу* // Т. Олейникова, *Архангелы — наши покровители*, Москва 2003, <http://www.wco.ru/biblio/books/archangels1/Main.html> (14.05.2016).

⁴⁵ См. больше об этом: J. Daniélou, *Teologia judeochrześcijańska*, пер. S. Basista, WAM, Kraków 2002, с. 179–185. Глаголев пишет, что также в Библии, напри-

Бунинский Михаил — это не только архистратиг — вождь небесного воинства, но и «Дух гнева, возмездия, кары!» [Михаил; ПСС2, с. 120], а значит, поэт ссылается и на иное традиционное изображение архангела — судьи во время Страшного Суда⁴⁶. Его гнев, однако, как замечает Gilles Jeanguenin, праведный; он — Ангел Божьей Справедливости⁴⁷, выступающий защитником хвалы Бога, в чем выражается его смирение и верность Всевышнему⁴⁸.

Напомним, что согласно народным верованиям, маленькие дети, которым свойственна еще невинность, в состоянии видеть ангелов⁴⁹. Видимо, этого же мнения придерживается и Бунин⁵⁰. Изображаемый в стихотворении ангел словно оживает на глазах героя-ребенка⁵¹ — смотрит на него: «дивно глядел» [ПСС2, с. 120]), а потом перемещается по храму и «является народу»:

Порой в алтаре он скрывался,
Светился на двери косою —
И снова народу являлся,
Большой, по колена босою
[ПСС2, с. 120]

В этом отражается также убеждение верующих в реальное существование ангелов. Согласно традиции, они призваны слу-

мер, в книге Даниила, по отношению к ангелам, появляется определение *elohim* (боги). См. А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах...*, с. 344–345.

⁴⁶ Поэтому Михаил иногда отождествляется с Христом и держит в руках весы правосудия, на которых взвешивает человеческие души. Б. Успенский, *Филологические разыскания в области славянских древностей...*, с. 25.

⁴⁷ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 13.

⁴⁸ Там же, с. 7.

⁴⁹ См. Старец Паисий Святогорец, *Дети и их обязанности*, http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_586.html (16.05.2016).

⁵⁰ См. например, рассказ *Цифры* [ПСС2; с. 228–237] или стихотворение *Ангел*, в: И. Бунин, *Собрание сочинений в 9 т.*, т. 1...

⁵¹ Так же и в другом стихотворении Бунина:

Да хмурил брови тонкие свои
На песни и кулачные бои.
Он говорил всей этой жизни брэнной,
Глухой, однообразной, неизменной,
Про дивный мир небесного Царя...]

[*Архистратиг средневековый...*; ПСС2, с. 86–87].

жить не только Богу, но и людям — защищать их от демонов, охранять от грозящих опасностей и т.д.: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (Евр 1, 14). Михаил же самый почитаемый и могущественный среди них. Христиане, уверены в его заступничестве, с давних времен обращаются к нему с просьбами о материальных и духовных благах⁵².

Резюмируя: стихотворение содержит традиционный образ архангела Михаила, сильно укорененный в иудеохристианских, а порой и апокрифических преданиях — крепкого солдата Бога, одетого в сталь, вооруженного мечом; ощущается атмосфера тайны, детского восторга и очарования в присутствии сверхъестественного, непознаваемого существа, чему добавочно способствует старый и темный храм.

Имя архангела Михаила (Микаил) появляется также в исламе, где, как и в ветхозаветной традиции, упоминается лишь о четырех архангелах, «близких» Богу⁵³. Кроме него, это Джибрил⁵⁴, Исафил⁵⁵ и Израил⁵⁶. Микаил заботится о мире природы, вместе со своими помощниками управляет растениями, ветрами, облаками и дождями⁵⁷.

Вера в существование ангелов — это один из фундаментов ислама⁵⁸. Они, однако, обладают другой природой, чем в иудаизме и в христианстве. Правда, небесные духи послушны

⁵² G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 20.

⁵³ J. Bielawski, *Islam*, Krajowa Agencja Wydawnicza, Warszawa 1980, с. 97.

⁵⁴ Он самый близкий Аллаху; это покровитель пророка Муххамада, передавший ему Коран. См. *Джибрил // С. Прозоров (ред.), Ислам. Энциклопедический словарь*, Наука, Москва 1991, с. 153. Его отождествляют с христианским архангелом Гавриилом. См. *Джибрил // Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 1..., с. 374.

⁵⁵ Это ангел, передающий другим ангелам повеления Аллаха. Его атрибутом является труба, на голос которой в День Суда все умрут, а потом воскреснут. См. *Исафил // Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 115.

⁵⁶ Подробнее о нем в дальнейшей части статьи.

⁵⁷ См. больше об этом: У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов*, перевод с арабского, вступительное слово и примечания Э. Кулиева, Мир, Москва 2008, с. 106.

⁵⁸ Там же, с. 17. В Коране читаем: «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали ваши лица на восток и запад, но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Судный день, в ангелов, Писание, пророков [...]» (2, 177). *Коран*, перевод с арабского и комментарий М.-Н.О. Османова, Ладомир, Москва 1995. В дальнейшем все цитаты из Корана приводятся по этому изданию. В круглых скобках обозначается номер суры и аята.

Богу, бесполое⁵⁹, наделены «огромной силой и удивительными способностями»⁶⁰, а также объединены в иерархическую систему⁶¹ и сотворены раньше человека⁶²; их главные задачи — восхвалять Аллаха и выполнять Его повеления, поддерживать Его престол, управлять миром⁶³; но, в отличие от христианских верований, они, как и люди, смертны⁶⁴, у них нет свободной воли, а «их природа не допускает неповиновения Всемогущему Создателю и греха»⁶⁵. Ангелы, согласно учению Корана, сотворены из огня или, как сообщается в хадисах⁶⁶, из света⁶⁷.

Два остальные, интересующие нас стихотворения, относятся к раннему периоду творчества Бунина, когда он живо интересовался миром мусульманского Востока⁶⁸. В первом из них — *Сатана Богу* (1903–1906) [ПСС1, с. 181] поэт поднимает вопрос о падении Сатаны и человека, причем он ссылается на историю, изложенную в Коране. Напомним, что в мусульманской традиции ангелы непогрешимы, а значит, их бунт против Творца невозможен. Однако, как известно, в Коране упоминается об Иблисе — взбунтовавшемся ангеле, напоминавшем христианского Люцифера⁶⁹. Поэтому в рамках исламского богословия возник спор о его природе, о том является ли он вообще ангелом или просто джинном⁷⁰. Итак, например, Аль-Хасан аль-Басри, счи-

⁵⁹ J. Bielawski, *Islam...*, с. 97.

⁶⁰ У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 9.

⁶¹ Там же, с. 8.

⁶² См. Малаика // *Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 154.

⁶³ P. G. Riddell, *Jak przemawia Allach: islamskie anioły, diabły i tsunami z 2004 roku* // P.G. Riddell, B. Smith-Riddell (ред.), *Anioły i demony w różnych religiach świata*, пер. M. Chojnacki, WAM, Kraków 2009, с. 199–200.

⁶⁴ У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 33.

⁶⁵ Там же, с. 11.

⁶⁶ Хадисы — это после Корана важнейшие тексты ислама, касающие жизни Пророка Муххамада. См. Хадис // *Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 262.

⁶⁷ См. Малаика..., с. 153.

⁶⁸ См. К. Кен-Тэ, *Тема Востока в творчестве И.А. Бунина. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Санкт-Петербург 1997, <http://www.dissercat.com/content/tema-vostoka-v-tvorchestve-i-bunina> (25.05.2016).

⁶⁹ Ср., например, А.Ж. Palla, *Pochodzenie zła*, http://eliasz.dekalog.pl/goscie/palla/poch_zla.htm (26.05.2016).

⁷⁰ См. Малаика (ангелы) // *Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 154. Согласно представлениям мусульман, вместе с ангелами Аллах сотворил из бездымного огня также другие духовные существа — джинны. См. Л. Кли-

тал его джинном, опираясь на то, что Иблис создан из огня как и джинны⁷¹. Другие богословы, в том числе Абдулла ибн ‘Аббас, Абдульмалик ибн Абдульазиз ибн Джурейдж Курейши, Катада ибн Диама, Абдуллах ибн Мас‘уд и Ибн Джарир ат-Табари, придерживались мнения, что Иблис был ангелом⁷². По некоторым преданиям, до момента бунта он был хранителем рая и одним из важнейших ангелов. Его звали Азазил⁷³.

Стихотворение под заглавием *Сатана Богу* начинается с эпиграфа, взятого из Корана:

И когда мы сказали ангелам:
падите ниц перед Адамом, все пали,
кроме Эблиса, сотворенного из огня
[ПСС1, с. 181]⁷⁴

В приведенном фрагменте говорится о том, как Аллах, только что создавший человека — своего наместника на земле⁷⁵, повелевает ангелам поклониться ему в знак уважения и почтения. Они, однако, пишет Ибн Касир⁷⁶ в *Истории о Пророках* (kisas al-anbija)⁷⁷, со страхом и недовольствием принимают новое «творение». Особенно враждебно относится к нему Иблис/Эблис,

мович, *Книга о Коране, его происхождении и мифологии*, Издательство политической литературы, Москва 1986, с. 96. Они обладают свободной волей, так что могут помогать людям или им вредить. См. J. Bielawski, *Islam...*, с. 97.

⁷¹ У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 10. Ср.: «[Иблис] ответил: ‘Я лучше его. Ты сотворил меня из огня, а его — из глины’» (38, 76).

⁷² Там же, с. 10.

⁷³ Эта версия, по мнению У.С. Аль-Ашкара, не имеет подтверждения в достоверных текстах и опирается на еврейские верования. См. там же, с. 10–11.

⁷⁴ Ср. в Коране: «И тогда Мы повели ангелам: ‘Падите ниц перед Адамом’. Все пали ниц, кроме Иблиса, [который] отказался [пасть ниц], возгордился и стал неверующим» (2, 34).

⁷⁵ См.: «И сказал твой Господь ангелам: ‘Я поставлю на земле наместника’. Они спросили: ‘Поставишь ли Ты на земле того, кто будет грешить и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой и святим Тебя?’ Аллах ответил: Воистину, Я ведаю о том, что вам неведомо’» (2, 30).

⁷⁶ Толкователь Корана и хадисов, живущий в XIV в.

⁷⁷ Это название историй о жизни предисламских пророков. Авторами самых известных kisas al-anbija были Абуль-Хасан Хамза ибн Али аль-Кисаи и Ахмад ибн Мухаммад аль-Талаби. См. A.G. Bannister, *Anioły w ustnej tradycji islamu, od Koranu aż po Al-Tha’labiego // Anioły i demony w różnych religiach świata...*, с. 228.

который отказывается поклониться человеку⁷⁸, что и становится причиной его изгнания из неба⁷⁹.

Бунин, ссылаясь на эту историю, поэтически ее осмысляет. Лирическое «я» стихотворения — Иблис считает себя лучше и выше человека по природе, поэтому не хочет ему поклониться, дерзко упрекая Аллаха (непосредственно не названного по имени), в том, что он велит ему это сделать. Человек, как утверждает Иблис, существо низшего ряда, так как оно сотворено из мертвой глины. Он же — из живого, страстного огня, который, между прочим, олицетворяет сексуальную энергию, либидо и плодовитость⁸⁰:

Я — из огня, Адам — из мертвой глины,
И ты велишь мне пред Адамом пасть!⁸¹
[ПСС1, с. 181]

Надменный ангел не только не выполняет волю Аллаха, но и, желая ему доказать, что он действительно выше человека, бросает Богу вызов, ставя под сомнение Его абсолютную власть над миром и созданными Им существами. Иблис желает овладеть Адамом и уверен в том, что ему это удастся, так как человек слаб и несовершенен. Он же — существо высшее, совершенное, знает, в чем заключается слабость Адама и как ее использовать. Это, как выясняется в тексте стихотворения, «живая страсть»,

⁷⁸ Ср. „So Allah shaped Adam into a human being, but he remained a figure of clay for forty years. The angels went past him. They were seized with fear by what they saw, and Iblis felt fear most. He used to pass by the figure of Adam, buffeting it, which would make a sound like pottery”. Al-Iman ibn Kathir, *Stories of the Prophets*, http://www.islamguiden.com/arkiv/stories_of_the_prophets.pdf (30.06.2016).

⁷⁹ По Корану, Аллах хотя и проклял Сатану, то не отнял у него власти над людьми — он ее лишь ограничил, то есть до Дня Суда, когда все живущие существа будут уничтожены, в том числе и ангелы. Иблис может искушать людей, но только заблудившихся, неверных Богу. Ср. «[Иблис] сказал: ‘Господи! За то, что Ты свел меня с пути истины, я [исхитрюсь] приукрасить [все дурное] на земле и непременно соврашу всех Твоих рабов, за исключением тех, которые искренни’. [Аллах] ответил: ‘Это тот путь, который [Я считаю] прямым. Воистину, нет у тебя власти над Моими рабами, за исключением заблудших, которые последуют за тобой’» (15, 39–42).

⁸⁰ См. *Огонь* // Х.Э. Керлот, *Словарь символов...*, с. 352.

⁸¹ Ср. в Коране: «[Иблис] ответил: ‘Я лучше его. Ты сотворил меня из огня, а его — из глины’» (38, 76) и дальше: «Ответил [Иблис]: ‘Не подобает мне поклоняться человеку, которого ты сотворил из сухой звонкой глины, из отлитого в форме ила’» (15, 33).

которую он ему внушает, что и является аллюзией на сексуальный характер первого греха⁸²:

И стал шайтан нашептывать им, чтобы открыть им глаза на их срамные части, на которые они [до того] не обращали внимания. И он сказал им: «Ваш Господь запретил вам [плоды] этого дерева лишь с той целью, чтобы вы не стали ангелами или не обрели бы вечной жизни» (7, 20).

Аллах, пытаясь спасти Адама перед взбунтовавшимся ангелом, старается «смирить» эту страсть («смирйяй листвою» [ПСС1, с. 181]), дав ему закон:

Тогда Мы сказали: «О Адам! Поселись вместе со своей супругой в райском саду, ешьте там вволю, чего бы вам ни захотелось, но не приближайтесь вот к этому дереву, а не то окажетесь в числе нечестивцев» (2, 35).

Предвестием и символом победы Иблиса над человеком является в стихотворении «сухая листва маслины» [ПСС1, с. 181]. Напомним, что маслина — это вечнозеленое дерево; в исламе оно отождествляется с Деревом Жизни⁸³. Тогда стоит задаться вопросом: почему она суха? Ответ, на наш взгляд, скрывается в огненной натуре Иблиса, который, говоря метафорически, сжигает листву маслины, предназначенную для человека, то есть приводит его к падению, лишая его чистоты и вечной жизни/бессмертия, которые символизирует маслина⁸⁴:

Что ж, сей в огонь листву сухой маслины —
Смирйяй листвою его живую страсть
[ПСС1, с. 181]

Во второй строфе Иблис опять непосредственно обращается к Аллаху. Он с гордостью утверждает, что человек не устоит перед его искушением. Сатана уверен в том, что им овладеет, а Богу не удастся его спасти:

⁸² Ср. «[...] И. Бунина привлекает больше всего эротическая грань темы первородного греха, открытие в человеке чувственности, пола как источника познания себя и мира». О. Бердникова, *Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» 2008, вып. 85, с. 282.

⁸³ См. *Олива // О. Вовк, Энциклопедия знаков и символов...*, с. 132.

⁸⁴ См. там же, с. 131.

ВСТРЕЧА ХРИСТИАНСТВА С ИСЛАМОМ...

О, не смиришь! Я только выше вскину
Свой красный стяг. Смотри: уж твой Адам
Охвачен мной! Я выжгу эту глину,
Я, как гончар, закал и звук ей дам
[ПСС1, с. 181]

Символом победы Сатаны, на этот раз, является высоко поднятый «красный стяг», то есть воинское знамя, с давних времен выступающее «в качестве залога победы и величия»⁸⁵, символизирующее не только военную силу, власть и победу, но и божественное покровительство⁸⁶. Символичен также цвет знамени. Красный, как известно, это «самый активный цвет»⁸⁷. Он олицетворяет жизнь и энергию, но, прежде всего, войну, революцию, опасность и кровь. Кроме того, любовь и сексуальность⁸⁸. К военной лексике относится здесь также слово «охватить», которое обозначает «обойти противника с фланга (флангов) для нанесения удара»⁸⁹. Иблис охватывающий Адама — это намек на первородный грех человека, к которому Сатане удалось его подтолкнуть. И лишь с греха, говорит дальше Иблис, начинается настоящая жизнь Адама, ибо до сих пор он был только мертвой, безвольной, вялой глиной. Именно Сатана, а не Аллах предстоит здесь в виде гончара⁹⁰, то есть настоящего творца/создателя человека. Напомним, что, согласно одной из библейских версий сотворения, это единый Бог является гончаром, вылепившим Адама из глины: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт 2, 7). У Бунина по-другому — поэт ссылается на присутствующий в разных традициях мотив сотрудничества

⁸⁵ См. *Знамена* // Г. Бидерманн, *Энциклопедия символов*, пер. В. Валькова, Ю. Вейнгольда, В. Гринько и др., Изд. Республика, Москва 1996, с. 98.

⁸⁶ См. *Знамя* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов...*, с. 433. Стяг вызывает также и другие ассоциации — как знак своей победы водружают его альпинисты, которым удалось покорить какую-то вершину. Ср.: О. Винокуров, *Национальный стяг — на высочайшем пике страны*, <http://turkmenistan.gov.tm/?id=3407> (10.06.2016).

⁸⁷ См. *Цвета* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов...*, с. 35.

⁸⁸ Там же, с. 35–36. См. также: *Красный* // Г. Бидерманн, *Энциклопедия символов...*, с. 131.

⁸⁹ См. *Охватить* // С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000, с. 769.

⁹⁰ Во многих мифологиях под образом гончара понимается «бог или культурный герой, который творит людей, либо все мироздание (или отдельные его части) из глины». См. *Гончар* // *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 1..., с. 309.

Бога и Сатаны при сотворении мира и человека. Он появляется, например, в древнеславянских легендах, согласно которым Сатана создал человеческое тело, а душу — Бог⁹¹. В стихотворении автора *Жизни Арсенева* наоборот — Аллах создает мертвую глину, а «дыхание жизни» — «закал» и «звук» человек получает от Иблиса. А значит, роль Бога значительно уменьшается. Это обладающий огненной натурой Иблис исполняет роль гончара и «выжигает» мертвую глину, то есть оживает человека, завершая тем самым акт творения. И как глина в процессе обжига приобретает новые свойства (жесткость, прочность, неспособность присоединять влагу), так и Сатана дарует Адаму новые качества. Ими являются упоминаемые уже «закал» и «звук» — «дыхание жизни», но надо подчеркнуть — новой жизни, вдали от Рая и Бога. Закалить — значит «придать [...] большую твердость»⁹². И таким же «твердым», то есть неуступчивым, упорным, равнодушным, гордым становится человек, послушавшийся голоса Сатаны. Дар «звука», как можем полагать, заключается в возможности говорить, но говорить от себя, собственным голосом, а не голосом Бога. Одним словом, это свободная воля, возможность соглашаться с Богом, но и отрицать Его заповеди, возможность молиться и богохульствовать. Оба дара Иблиса Адам получил, когда совершил акт неповиновения, который, говоря словами Эриха Фромма, стал началом осведомления, а следовательно — началом настоящей жизни человека и истории человечества⁹³. С той точки зрения, бунинский Сатана в некоем смысле положительный персонаж — внушив человеку грех, он завершил дело творения и тем самым человек мог начать жить по-настоящему. Как пишет, Ольга Бердникова, в этом стихотворении «Бунин отдает дань одной из универсалий Серебряного века — идее 'живой жизни', призванной реабилитировать естественные страсти человека»⁹⁴.

⁹¹ См. В. Кузнецова, *Сотворение мира в восточнославянских дуалистических легендах и апокрифической книжности* // В. Петрухин (ред.), *От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре*, ГЕОС, Москва 1998, с. 59–63.

⁹² См. *Закалить* // С. Ожегов, Н. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Азбуковник, Москва 1999, с. 206.

⁹³ См. E. Fromm, *Zapomniany język*, пер. K. Płaza, vis-a-vis/Etiuda, Kraków 2009, с. 188.

⁹⁴ О. Бердникова, *Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии...*, с. 283.

Героями последнего стихотворения под заглавием *Бессмертный* [ПСС1, с. 219] являются два ангела. Первый из них — это Ангел Смерти. Согласно исламской мифологии, им является Израил, получивший это звание в награду за то, что он принес Аллаху кусок глины для сотворения человека, чего раньше не удалось сделать ни Джibriлу, ни Микаилу, ни Исрафилу⁹⁵. Второй — это Ангел Мести, имя которого в священных книгах ислама не упоминается.

Стихотворение касается темы Страшного суда. По преданию, этот день будет выглядеть следующим образом:

Исрафил затрубит в трубу, звезды упадут с неба, моря переполнятся, горы сдвинутся с места, и все люди умрут. По второму гласу трубы все, кто когда-либо жил на земле, оживут и соберутся в одном месте (ал-махшар). Затем они долго будут стоять перед Аллахом (ал-маукиф), мучительно истекая потом (ал-арак). Аллах станет допрашивать людей (ас-су'ал) об их поступках, ангелы принесут книги, в которых записаны все добрые и злые дела людей. Потом грехи и добрые дела будут взвешены на весах (ал-мавазин)⁹⁶.

Автор книги — *Мир благочестивых ангелов* — Умар ибн Сулайман аль-Ашкар, добавляет, что в хадисах подчеркивается, что во время Страшного суда погибнут все живые существа, в том числе и ангелы⁹⁷. Последним же умрет именно ангел смерти⁹⁸.

Этой традиции следует в своем стихотворении также Иван Бунин. Ангел Смерти выступает здесь посланником Аллаха, который, согласно его повелению, в Судный день лишит жизни всех живущих. Выполнив свою задачу, он прилетит к своему Господу и, простирая свои крылья, умрет перед его лицом. Смерть Израила у трона, у ног Аллаха — это своего рода акт поклонения, подтверждающий полную подчиненность блаженных духов Всевышнему:

Ангел Смерти в Судный день умрет:
Истребит живущих — и со стоном

⁹⁵ См. *Изра'ил // Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 92.

⁹⁶ См. *ал-ма'ад (возвращение) // там же*, с. 149.

⁹⁷ Согласно христианским верованиям, знаком для Страшного Суда станет также звук труб, которые возвестят второе пришествие Христа. Все люди, которые когда-либо жили, восстанут с мертвых, соберутся перед тронном Бога и Он станет их судить. Его будут сопровождать небесные духи. См. *Страшный суд // Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 2..., с. 469.

⁹⁸ См. У. С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 33.

Прилетит к Аллаху — и прострет,
Бездыханный, крылья перед троном
[ПСС1, с. 219]

Во второй строфе появляется другой, вспоминаемый нами ангел — Ангел Мести. Как мы уже говорили, он не выступает в мусульманской традиции, о чем, наверно, знал Бунин, который хорошо разбирался в исламе. Ангел в тексте поэта назван «грозным судьей» и «единственным бессмертным». Его главным атрибутом является меч («стальной клинок») — «символ физического уничтожения и физической решительности, равно как духа и слова Божия»⁹⁹, на котором написано символическое имя ангела:

Ангел Мести, грозный судия!
На твоём стальном клинке иссечен
Грозный клич: «Бессмертен только Я.
Трепещите! Ангел Мести вечен»
[ПСС1, с. 219]

Стоит в связи с тем поставить вопрос — кем является этот ангел или, кто под ним скрывается. Если учесть, что, согласно учению Корана, бессмертный лишь Аллах: «Всякий живущий на земле — смертен. Вечен лишь лик Господа твоего, преславного и достохвального» (55, 26–27), можем сделать вывод, что под бунинским Ангелом Мести подразумевается именно он, то есть Единый Вечный, Всевластный и Бессмертный¹⁰⁰. В Коране многократно подчеркивается, что Аллах — это Бог милостливый и милосердный¹⁰¹, но только по отношению к верующим: «Воистину, тем, кто не уверовал и [предстанет] пред Аллахом [в Судный день], ни в чем не помогут ни их состояния, ни их дети. Быть им растопкой для адского пламени» (3, 10). Его также называют «властителем дня Суда» (1, 4), который отомстит грешникам¹⁰²,

⁹⁹ См. *Меч* // Х. Э. Керлот, *Словарь символов...*, с. 321.

¹⁰⁰ Традиция ислама приписывает Аллаху 99 имен являющихся одновременно его приметами. Некоторые богословы утверждают, что существует и сотое тайное имя, которое знают лишь избранные. См. Л. Климович, *Книга о Коране, его происхождении и мифологии...*, с. 94.

¹⁰¹ Все суры (за исключением 9) начинаются словами «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного».

¹⁰² Ср.: «Кто же несправеднее того, кому возведены были аяты его Господа, а он не принял их? Воистину, Мы воздадим возмездием грешникам» (32, 22).

а неверных ввергнет в адский огонь¹⁰³. И именно в таком облике грозного, мстительного, вызывающего страх судьбы, он предстает в стихотворении Бунина. Поэт сосредоточивает здесь внимание на моменте смерти последнего ангела и жесте торжества над миром Аллаха. Тем самым, он отходит от традиционных изображений Аллаха (милосердый и справедливый), и представляет его как грозного, вызывающего страх судьбу, которым он станет в день Срашного суда.

Подведем итоги: проанализированные нами стихотворения, содержащие мотив ангела, становятся примером бунинского «миксотеизма», о котором писал Геккель¹⁰⁴. Они отражают существование элементов христианства и ислама в его поэзии. Поэт придает небесным духам те же черты, которыми они обладают в обоих священных книгах, то есть они могущественные посланники Бога, вызывающие в людях страх и тревогу и одновременно их защитники. В ходе анализа мы доказали, что, изображая своих ангелов, Бунин — замечательный «мастер внешнего зрения»¹⁰⁵, по-разному относится к текстам-источникам, из которых черпал вдохновение. Иногда им следует (стихотворение — *Михаил*), в другой раз — они становятся для него лишь творческим импульсом (*Сатана Богу и Бессмертный*).

Joanna Jędra, Ewa Stawinoga

SPOTKANIE CHRZEŚCIJAŃSTWA Z ISLAMEM — ANIOŁY IWANA BUNINA

Streszczenie

Artykuł zawiera próbę interpretacji trzech utworów poetyckich Iwana Bunina z motywem anioła. Pierwszy z nich — *Михаил* (1919) — nawiązuje do tradycji chrześcijańskiej. Archanioł Michał zostaje ukazany jako Archistrateg zastępów niebieskich i Boży wojownik, swoim wyglądem przypominający cherubina z Księgi Rodzaju, strzegącego dostępu do Ogrodu Eden po upadku pierwszych ludzi. Dwa pozostałe utwory — *Сатана Богу* (1903–1906) i *Бессмертный* (1906–1907) — odsyłają do tradycji islamu. W obu przypadkach Koran służy jedynie za impuls

¹⁰³ Ср. «Если же вы этого не сделаете — а вам ни за что так не сделать, — то страшитесь адского огня, в котором горят люди и камни и который уготован неверным» (2, 24).

¹⁰⁴ См. Э. Геккель, *Мировые загадки...*, с. 282.

¹⁰⁵ См. И. Ильин, *О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин — Ремизов — Шмелев*, типография св. Иова Почаевского, Мюнхен 1959, с. 40.

twórczy. Pierwszy wiersz to poetycka wizja upadku aniołóW i człowieka. Drugi utwór prezentuje wizję końca świata. Poeta odchodzi od tradycyjnego – miłóściwego i sprawiedliwego – wizerunku Boga i przedstawia go jako budzącego strach, groźnego sędziego, przed którym nie umknie żaden grzesznik.

Joanna Jędra, Ewa Stawinoga

MEETING OF CHRISTIANITY WITH ISLAM – ANGELS OF IVAN BUNIN

Summary

This article is an attempt to interpret the three poems by Ivan Bunin, containing the theme of angel which so far has not been the subject of detailed studies of experts in his work. The first of the poems – *Михаил* (1919) – refers to the Christian tradition. Archangel Michael is shown as the Archistrateg of the heavenly hosts and God's warrior, by his appearance resembling a cherub from Genesis, guarding the access to the Garden of Eden after the fall of the first people. The other two works – *Сатана Бозу* (1903–1906) and *Бессмертный* (1903–1906) – refer to the tradition of Islam. In both cases, the Koran serves only as a creative impulse for Bunin. The first poem is a poetic vision of the fall of angels and man. The second work presents the vision of the end of the world. The poet departs from the traditional – the merciful and just image of Muslims' God and presents him as a fearful, threatening judge, before which no sinner escapes.

JOLANTA BRZYKCY
UMK Toruń

PRZEDSTAWIĆ NIEPRZEDSTAWIALNE.
PRZYPOWIEŚCI LWA GOMOLICKIEGO
JAKO ŚWIADECTWO ZAGŁADY

Interesujący mnie cykl wierszy powstał w latach 1942–1944 w Warszawie, w której Lew Gomolicki mieszkał od 1931 roku do ostatnich dni Powstania Warszawskiego. Lata II wojny światowej zamykały trzynastoletni okres warszawski, szczególnie ważny dla poety pod względem zawodowym, jako że właśnie w stolicy Polski dokonała się jego metamorfoza z twórcy właściwie nieznanego, przybyłego z wołyńskiej prowincji, do jednej z najważniejszych figur w literaturze rosyjskiej diaspory w Polsce, poety uznawanego i cenionego (choć także kontrowersyjnego) nie tylko wśród Rosjan, ale również w ówczesnych polskich kręgach literackich¹.

Wybuch II wojny światowej i okupacja hitlerowska, które położyły kres „rosyjskiej Warszawie”², znacząco wpłynęły na twórcze decyzje Gomolickiego. Rozpad rosyjskiego środowiska literackiego w stolicy Polski, z którym zresztą jeszcze przed wrześniem 1939 roku łączyły poetę więzi dość luźne, poczucie osamotnienia, narastające po śmierci Dmitrija Fiłosofowa, którego Gomolicki traktował niemalże jak ojca, a także zbliżenie z Polakami: Witoldem Jabłońskim, polskim sinologiem, z którym Gomolicki rozpoczął tłumaczenie traktatu Kon-

¹ Szczegółowo losy Gomolickiego w międzywojennej Warszawie, jego udział w rosyjskim i polskim życiu literackim, omawiają: P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy Lwa (Leona) Gomolickiego*, przeł. R. Szczęsny, Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa 2015, s. 91–193.

² Wymownym tego przejawem stały się losy jej czołowych przedstawicieli: jesienią 1939 roku podczas bombardowania stolicy samobójstwo popełniła Jewgienija Weber-Chirjakowa, w sierpniu 1940 roku zmarł jej mąż, wkrótce potem odszedł schorowany Fiłosofow, latem 1941 roku w warszawskim getcie zmarł Sołomon Bart, w 1942 roku w Smoleńsku — Władimir Brand.

fucjusza *Wielka nauka*, Leonardem Podhorskim – poetą, tłumaczem i biografem Adama Mickiewicza oraz Janem Michalskim – znanym w przedwojennej Warszawie bibliofilem, przyczyniły się do „przeszczepu” Gomolickiego z obszaru literatury rosyjskiej do polskiej oraz do jego kolejnej transformacji, tym razem z rosyjskiego poety w polskiego prozaika³.

Lata wojny stały się dla poety czasem zawodowego bilansu. Jeszcze w styczniu 1939 roku w liście do Alfreda Bema Gomolicki pisał, jakby w przeczuciu nadchodzącego kataklizmu:

Rok ten wynurza się jakiś trudny, wymagający. Nie wiem dokładnie, do czego zmusza, jednak od samego początku wziąłem się do różnych podsumowań, do ukończenia rzeczy rozpoczętych i przygotowuję trzy książki: wierszy, krytyki oraz powieść [...]⁴.

Z myślą o publikacji, która miała zamykać dotychczasowy etap jego twórczości, Gomolicki porządkował swoje teksty. Pisał o tym tak: „Stanowiłoby to podsumowanie wszystkiego. Teraz można zaczynać od nowa lub przestać w ogóle”⁵. Wkrótce okazało się, że „zaczynać od nowa” oznacza „zwrócić się w kierunku polskiej literatury i języka”. Zwrotu tego Gomolicki dokonał jednocześnie na trzech płaszczyznach: jako tłumacz, poeta i historyk literatury. Od 1942 roku przygotowywał przekład *Sonetów krymskich* Mickiewicza, jednocześnie pracując nad poświęconym mu dramatem poetyckim (*Mickiewicz w Taurydzie*) oraz gromadząc materiały, w zbiorach wspomnianego wyżej Michalskiego, do pracy nad twórczością polskiego wieszczka.

Wojna nadała „tragicznej ostrości procesowi podsumowywania doświadczeń i poszukiwania nowej poetyki”⁶ i jednocześnie pchnęła twórczość Gomolickiego na nowe, polskie w znaczeniu językowym, tory. *Przypowieści* stały się ważnym przejawem procesu przeinstalowania poety z rosyjskiego na polski obszar językowy. Z jednej strony cykl ten był jednym z ostatnich tekstów poetyckich i rosyjskojęzycznych Gomolickiego, niejako zamknięciem jego aktywności jako rosyjskiego poety na emigracji. Dodać należy, że związek *Przypowieści* z okresem rosyjskim nie wyczerpywał się w samej li tylko płaszczyźnie

³ Więcej na temat funkcjonowania Gomolickiego na pograniczu rosyjskiej i polskiej przestrzeni kulturowej piszę w artykule: *Lew Gomolicki: twórca pogranicza*, „Slavia Orientalis” 2014, nr 3, s. 367–379.

⁴ Cyt. za: P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy...*, s. 204.

⁵ Cyt. za: tamże, s. 203.

⁶ Tamże, s. 205.

językowej, ważną rolę odgrywały tu także „kotwice” genologii i poetyki, o czym jeszcze będzie mowa. Powstały podczas wojny cykl był kontynuacją *Przypowieści* przedwojennych, tzn. siedmiu utworów wydanych w 1938 roku w odrębnym tomiku pod tym samym tytułem⁷ oraz dwudziestu jeden innych tekstów, zatytułowanych analogicznie, nad którymi poeta pracował w latach 1933–1938 i których nie opublikował. Z drugiej strony powojenne losy omawianego cyklu wpisywały się w nowy, polski etap drogi twórczej Gomolickiego. Poeta, nie mając w nowej sytuacji politycznej w Polsce możliwości wydrukowania wierszy w oryginale, opublikował je dwukrotnie w swoim tłumaczeniu na język polski: najpierw w tomiku wierszy *Czas spopielały* (1957)⁸ – jedynym, jaki wydał po polsku i zarazem ostatnim w ogóle w jego karierze literackiej – gdzie znalazło się dziewięć z dwudziestu jeden części cyklu, później zaś w autobiograficznej powieści *Horoskop* (1981)⁹, w której cykl pojawił się prawie w całości (20 z 21 części).

W ten sposób *Przypowieści* stały się utworem-ogniwem, spajającym rosyjski i polski etap drogi twórczej Gomolickiego, odzwierciedlającym zaistniałą w niej przemianę. W niniejszym artykule interesuje mnie jednak nie „pograniczny” charakter cyklu, lecz jego przynależność do literatury Holocaustu. Przystępując do analizy *Przypowieści* jako tekstu mieszczącego się w ogromnym zbiorze literackich reprezentacji Zagłady, trzeba wziąć pod uwagę kilka kwestii, dyktowanych przez specyfikę tychże reprezentacji. Trwająca od dziesięcioleci dyskusja nad nimi toczy się równocześnie w płaszczyźnie etycznej, filozoficznej i teoretycznoliterackiej, dotyczy zarówno samej przedstawialności Zagłady i etyczności tego aktu, jak i znalezienia adekwatnych dla opisu Shoah form wyrazu. Przestrzeń dyskursu wytyczyło z jednej strony stwierdzenie Theodora Adorno o barbarzyństwie uprawiania poezji po Oświęcimiu¹⁰, z drugiej – zaprzeczająca

⁷ Л. Гомолицкий, *Притчи*, [książka litografowana], Варшава 1938.

⁸ L. Gomolicki, *Czas spopielały*, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1957. Warto zwrócić uwagę na semantykę popiołu, wykorzystaną przez Gomolickiego w tytule: popioły – jak pisał Jacques Derrida w książce *Popioły* (*Feu la Cendre*, Éditions des femmes-Antoinette Fouque, Paris 1987) – są jedynym śladem, który pozostał z Holocaustu-„całopalenia” (tamże, s. 43). Aleksandra Ubertowska ze stwierdzenia tego wyprowadza refleksję, że popioły są „figurą myślenia o nicości i śmierci” (też, *Świadectwo-trauma-głos. Literackie reprezentacje Holocaustu*, Universitas, Kraków 2007, s. 44).

⁹ L. Gomolicki, *Horoskop*, PIW, Warszawa 1981, s. 86–92. Pomijam tutaj kwestię odmienności trzech wersji cyklu, wymagałaby ona odrębnego studium.

¹⁰ Mam na myśli zdanie: „napisanie wiersza po Oświęcimiu jest barbarzyństwem” pochodzące z artykułu *Krytyka kultury a społeczeństwo* z 1949 roku (Th. Adorno,

mu twórczość Paula Celana, Primo Leviego, Victora Klemperera, Czesława Miłosza, Michała Głowińskiego oraz świadectwa setek innych świadków i ocalałych, a także ich potomków¹¹. Jako że kateryczne sądy Adorna i jego zwolenników o niestosowności lub wręcz obscenicznosci przedstawień Shoah zostały już zdyskredytowane¹², w ostatnim czasie debata koncentruje się już nie wokół pytania, czy pisać o Zagładzie, lecz jak to czynić, jakim głosem mówić po Holocaustcie¹³, jak opisać doświadczenie, którego nie ma¹⁴. Na pierwszy plan wysunęły się kwestie natury genologicznej i językowej, dyskutuje się przede wszystkim nad „stylem dawania świadectwa”¹⁵, nad wyborami gatunkowymi, wskazując zazwyczaj jedną z dwóch opcji: literaturę faktu bądź fikcji, język dyskursywny bądź metaforyczny.

Jak wobec nakreślonych tu zagadnień sytuuje się cykl Gomolicckiego? Jeśli spojrzeć na niego w kontekście rozważań Adorna o niestosowności artystycznych przedstawień Zagłady, odpowiedź jest oczywista: samo istnienie *Przypowieści* jest przecież głosem Gomolicckiego w tej dyskusji. W odróżnieniu od niemieckiego filozofa, który

Kulturkritik und Gesellschaft, w: tegoż, *Gesellschaftstheorie und Kulturkritik*, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1975, s. 65). W tym samym duchu wypowiedzieli się między innymi Maurice Blanchot, Jean-Francois Lyotard oraz Claude Lanzmann. Przeglądu stanowisk na temat (nie)wyrażalności Holocaustu dokonuje: A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 26–66. Badaczka zwraca uwagę, że Adorno kilkakrotnie powracał do tego zdania, próbując je doprecyzować i objaśnić jego sens. Por. także: „Znana uwaga Adorno o niemożliwości pisania poezji ‘po Auschwitz’ skierowana była oczywiście przeciwko pewnego rodzaju romantycznej, sentymalnej i tandetnej lirycy, która wykorzystywała wstrząsające komentarze o przerażających wydarzeniach jako dowód na wrażliwość komentatora. (Adorno stopniowo prostował i modyfikował swoje twierdzenia, co częściowo było efektem lektury dzieł Celana)”. H. White, *Realizm figuralny w literaturze świadectwa*, w: tegoż, *Proza historyczna*, red. E. Domańska, przeł. R. Byrosławski, Universitas, Kraków 2009, s.218.

¹¹ Zob.: J. Leociak, *Dlaczego pisali?*, w: tegoż, *Tekst wobec Zagłady. (O relacjach z getta warszawskiego)*, Leopoldinum, Wrocław 1997.

¹² J. Leociak nazywa je „jałowymi, opartymi na poetyckich formułach, brzmiących jak tajemne zaklęcia” (tegoż, *Doświadczenia graniczne. Studia o dwudziestowiecznych formach reprezentacji*, Akademia Humanistyczna: Instytut Badań Literackich PAN, Warszawa 2009, s. 5–6).

¹³ Pytanie to zadał Geoffrey Hartman w książce *The Fateful Question of Culture* (1997). Przywołuje za: A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 26.

¹⁴ R. Nycz, *Jak opisać doświadczenie, którego nie ma?*, „Teksty Drugie” 2004, nr 5, s. 4–8.

¹⁵ V. Tozzi, *Przywileje świadectwa. Historia, pamięć i literatura w sporach o konstruowanie nieodległej przeszłości*, przeł. E. i J. Zięba, A. Calderón Puerta, „Teksty Drugie” 2010, nr 6, s. 15.

kwestionował wartość sztuki „wykorzystującej cierpienie w funkcji artystycznego tworzywa”¹⁶, odrzucał ją jako przejaw „narcystycznej kontemplacji ludobójstwa”¹⁷, poeta był przekonany o słuszności literatury świadectwa. Fakt, że *Przypowieści* powstały, zanim rozpoczęła się debata o estetyce „po Oświęcimiu”, zainicjowana przez Adorna w 1949 roku, traci na znaczeniu, jeśli pamiętać o późniejszych, powojennych publikacjach wierszy w języku polskim. Nawet jeśli uznamy, że nie można odnosić refleksji Adorna do chronologicznie wcześniejszych *Przypowieści*, to powtarzne (i dwukrotne) wydanie cyklu w *Czasie spopielałym* i w *Horoskopie* unieważnia ten argument. Wprowadzenie wierszy w obieg literatury polskiej, tak silnie przecież nasiąkniętej tematyką Zagłady (postrzeganej w czasie PRL jako składowa tematu szerszego: martyrologii narodu polskiego¹⁸), należy traktować jako gest znaczący. Gest ten był zresztą spójny z całą powojenną prozą Gomolickiego, wyrastającą wprost z doświadczeń wojny i pomyślaną w znacznej mierze jako świadectwo o Zagładzie¹⁹.

Kwestia (nie)etyczności pisania o Holocauście dla Gomolickiego zatem nie istniała. W *Przypowieściach* poeta przyjął postawę świadka, który „[...] zdaje relację z wydarzenia, biorąc tym samym na siebie moralne zobowiązanie, zawierające się w nakazie zapisywania i przekazywania informacji o wydarzeniach Szoa [...]”²⁰. Tak właśnie Gomolicki rozumiał swoje zadanie: jako „gest oporu wobec rzeczywistości”²¹, „akt etyczny, wymierzony w świat opanowany przez zło”²². Pisał o tym po latach we wspomnianym już *Horoskopie*, wyjaśniając genezę powstania cyklu:

¹⁶ A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 34.

¹⁷ Tamże.

¹⁸ S. Buryła, *Literatura wojenna — szanse na powstanie syntezy*, „Forum Poetyki” 2017, nr 8, s. 40.

¹⁹ Pisze o tym obszernie Jerzy Rzymowski w monografii prozy Gomolickiego: *Erynie historii i człowieka. O pisarstwie Leona Gomolickiego*, Wydawnictwo Łódzkie, Łódź 1973. Zob. m.in.: „W twórczości Gomolickiego ‘potop’ to kataklizm drugiej wojny światowej, to słowo-klucz do odczytania centralnej problematyki interesującego nas pisarstwa” (s. 65); „Dzieciństwo spędzone na Wołyniu i okupacja hitlerowska — to dwa źródła doświadczeń życiowych, z których uformowała się świadomość bohatera prozy Gomolickiego, tworząc ‘balast pamięciowy’ [...] stale obecny w jego powojennym życiu, mimo prób wyzwolenia poprzez ucieczki w samotność i dalekie podróże” (s. 77).

²⁰ A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 236.

²¹ Tamże.

²² Tamże, s. 237. Więcej o „dylematach świadectwa” zob.: tamże, s. 234–241.

Człowiek powinien być przygotowany na to, aby ponieść treść swego życia z godnością i z pożytkiem dla innych ludzi. [...] Większość z tego pokolenia musiała zginąć i ci, którzy przetrwali, żyli kosztem zgładzonych, w świadomości, że nałożono na nich obowiązek, by stali się głosem tych, którzy umilkli na zawsze z zastygłym pytaniem na ustach: jak mogło się stać to, co się stało?²³

Gomolicki nazwał *Przypowieści* „notesikiem z wierszami przepisanymi drobnym maczkiem, właśnie z myślą o ocaleniu”²⁴, „nocnymi notatkami świadka, w dzień ukrywanymi w jakiejś kryjówce”²⁵, „śladem owych dni gniewu, zaskoczenia i grozy”²⁶. Wyrastały one z przeświadczenia autora, że „otarł się o niezwykłość i musi to być tak samo ważne dla reszty świata”²⁷. Takie stanowisko poety było pochodną jego estetyki, która opierała się na hasłach społecznej roli poezji, powinności twórcy wobec współczesnych. Przekonanie o tym, że talent pisarski nie jest prywatną sprawą twórcy, lecz nakładem na niego obowiązek reagowania na świat zewnętrzny, szło w parze z przemożną potrzebą pisania odczuwaną jako kwestia osobista, wręcz intymna. Gomolicki przyznawał więc: „[...] piszę tylko dlatego, gdyż nie mogę milczeć”²⁸ oraz deklarował: „literatura nie jest niczym innym, jak wywracaniem siebie na nice. [...] literatura to akt czysto etyczny. [...] to nie prywatna kolekcja obrazków. Jest więzią i porozumieniem”²⁹.

Omawiając genezę cyklu, należy także poszerzyć perspektywę o wcześniejsze utwory Gomolickiego, przede wszystkim o wspomnianą wyżej pierwszą część *Przypowieści*, opublikowaną w 1938 roku, w której tak wyraźnie wybrzmiały przeczucia zbliżającej się katastrofy. Uosabiała je między innymi postać Kasandry („na gruzach zgłiszcz Kasandra waży świat”³⁰). Katastrofizm przedwojennego cyklu odzwierciedlał nastroje obecne w rosyjskiej literaturze emigracyjnej, ale także wśród twórców polskich³¹.

²³ L. Gomolicki, *Horoskop...*, s. 78.

²⁴ Tamże, s. 77.

²⁵ Tamże, s. 78.

²⁶ Tamże.

²⁷ Tamże, s. 108.

²⁸ Fragment listu Gomolickiego do Bema z 4 września 1934 roku. Cyt. za: P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy...*, s. 135.

²⁹ L. Gomolicki, *Horoskop...*, s. 108.

³⁰ Tu i poniżej cytaty z cyklu w polskim brzmieniu zaczerpnęłam z *Horoskopu* Gomolickiego.

³¹ Szerzej o nurcie katastroficznym w poezji polskiej późnych lat trzydziestych zob.: P. Matywiecki, *Poetyka Zagłady. Motywacje, funkcje, konteksty*, w: S. Buryła,

Wśród czynników, które legły u podstaw *Przypowieści* i które rzucają dodatkowe światło na ich wymowę, istotny jest także impuls natury osobistej: żona Gomolickiego, Ewa, była Żydówką, poeta ukrywał ją przez całą okupację po stronie aryjskiej, udało mu się ją uchronić przed przesiedleniem do getta³². Należy przypomnieć, jakie konsekwencje groziły w okupowanej Polsce za ukrywanie Żydów oraz jaki status miały osoby pozostające w związkach małżeńskich z nimi³³. Uwzględnienie tych okoliczności prowadzi do ważnego wniosku: Holocaust dotyczył Gomolickiego właściwie bezpośrednio, małżeństwo z Żydówką zacierało w jego przypadku granicę między pozycją postronnego świadka i ofiary, czyniło go przynależnym do struktury samego wydarzenia³⁴.

Gomolicki przekonany o słuszności dawania świadectwa o Holocauście nie uniknął jednakże dylematu jego wiarygodnego i przemaszającego do czytelnika zrelacjonowania. Miał świadomość tego, że — by sparafrazować Fiodora Tiutczewa — myśl wypowiedziana może brzmieć jak kłamstwo. Pisał:

doświadczenia ludzi to systemy, które ze sobą się nie kontaktują. [...] każdy człowiek w podobnych okolicznościach doświadcza inaczej, [...] istnieje nieprzekraczalny próg doświadczeń, dzielący ludzi³⁵.

Zagadnienie to nabiera bolesnej ostrości w przypadku doświadczenia Zagłady³⁶, w którym „[...] ujawnia się nacechowany traumatycznym przeżyciem kontakt ze światem w najbardziej ekstremalnym z jego przejawów (jako czymś nie do pojęcia, nie do wyobrażenia, nie

D. Krawczyńska, J. Leociak (red.), *Literatura polska wobec Zagłady (1939–1968)*, Fundacja Akademia Humanistyczna: Instytut Badań Literackich PAN, Warszawa 2012, s. 174–178.

³² P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy...*, s. 226–227.

³³ Zgodnie z oświadczeniem, wydanym przez okupanta na terenie Generalnego Gubernatorstwa 24 VII 1940 roku, za Żyda był uważany każdy, kto „posiadał dwoje ‘pełnożydowskich’ dziadków albo kto sam 1 IX 1939 należał do gminy żydowskiej, posiadał żydowskiego współmałżonka [...]”. T. Szarota, *Okupowanej Warszawy dzień powszedni. Studium historyczne*, Czytelnik, Warszawa 1988, s. 45.

³⁴ O statusie świadka, ofiary i sprawcy w literackich reprezentacjach Holocaustu zob.: A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 234–241.

³⁵ L. Gomolicki, *Horoskop...*, s. 109.

³⁶ W ponowoczesnym dyskursie o Holocauście powszechna, wielokrotnie powtarzana stała się teza o tym, że nie sposób go, jako wzorcowego doświadczenia granicznego, przedstawić. Przegląd stanowisk w tej kwestii prezentuje A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 26–66.

do wypowiedzenia — nie do zniesienia)”³⁷. Ścierają się tu dwie przeciwstawne siły: bezradność świadomości i języka wobec koszmaru Holocaustu oraz ponawiany wciąż wysiłek ujawnienia i artykulacji tego, „czego pojąć niepodobna”³⁸.

Przypowieści są więc efektem zetknięcia się poety z doświadczeniem granicznym, rozumianym — za Bruno Betelheimem — jako sytuacja krańcowego zagrożenia, unieważniająca wszelkie znane człowiekowi strategie przetrwania i mechanizmy adaptacji, prowadząca do dezintegracji osobowości i do poczucia gwałtownego wyrwania z kultury i świata wartości. Sytuacja ta niesie w sobie — na co zwraca uwagę Dominick LaCapra — „potężny, obezwładniający i niemający precedensu potencjał gwałtu i przemocy”³⁹. Holocaust jest uznawany za modelowy przykład doświadczenia granicznego, także w tym sensie, że „wystawia na próbę tradycyjne kategorie poznania i kategorie reprezentacji, zmusza do przemyśleń ontologicznych i etycznych przesłanek, które leżą u podstaw przedstawienia”⁴⁰.

Pisanie o Holocaustcie, „pisanie katastrofy” — by zacytować tytuł znanego zbioru Maurice’a Blanchota⁴¹ — jest dla Gomolickiego próbą pokonania „nieprzekraczalnego progu doświadczenia, dzielącego ludzi”⁴², poszukiwaniem „złotej nieśmiertelności słowa”, które byłoby zdolne oddać podróż poety „po okupacyjnych kręgach”⁴³. W dalszej części artykułu przyjrzy się, w jaki sposób surowe fakty sytuacji granicznej zostały odzwierciedlone w mowie wiązanej, w języku metafor, figur poetyckich i tropów retorycznych.

Temat Zagłady uobecnia się w cyklu na kilku płaszczyznach. Najbardziej czytelną z nich, choć zapewne — z punktu widzenia zasygnalizowanej powyżej dyskusji nad literackimi reprezentacjami Holocaustu — najbardziej konwencjonalną, tworzą bezpośrednio opisy scen okupacyjnego terroru i eksterminacji. Pojawiają się one w cyklu nie od razu, rozpoczyna się on bowiem dość obszerną, bo obejmującą siedem części (a więc jedną trzecią całości), relacją z wizyty podmiotu lirycznego w wesołym miasteczku. Ukazując typowe dla lunaparku rozrywki — loterię fantową z małpką, która wybiera losy,

³⁷ R. Nycz, *Jak opisać doświadczenie...*, s. 5.

³⁸ Tamże, s. 6.

³⁹ J. Leociak, *Doświadczenia graniczne...*, s. 15–16.

⁴⁰ Tamże, s. 16.

⁴¹ M. Blanchot, *L'écriture du désastre*, Gallimard, Paris 1980.

⁴² L. Gomolicki, *Horoskop...*, s. 108.

⁴³ Tamże, s. 100.

salę krzywych luster, karuzelę, a także stoiskowe słodycze — Gomolicki buduje nad nimi atmosferę zagrożenia, niebezpieczeństwa. Sygnalizują je leksemy „strach” i „śmierć”, pojawiające się w zaskakujących kontekstach („оставь на нынче страх где шляпа”⁴⁴, „перед смертью вафли есть”), postać żandarma, który dopiero po chwili okazuje się kartonową atrapą, oraz unoszący się nad lunaparkiem dym/pożoga („и надо всем как в лимонаде / тумана розовый огонь”). Nieodparcie nasuwa się tu skojarzenie ze słynnym wierszem *Campo di Fiori* Czesława Miłosza, napisanym w 1943 roku, a więc w tym samym czasie, co *Przypowieści*, i opartym na motywie beztrioskiej zabawy warszawiaków pod murami getta pacyfikowanego przez Niemców. Utwór polskiego poety był reakcją na konkretne wydarzenie, zaobserwowane parę dni po wybuchu powstania w getcie. Miłosz zobaczył wówczas na Placu Krasińskich, w miejscu bezpośrednio sąsiadującym z murami getta, „kręcącą się karuzelę łańcuchową i wzlatujące na niej pary”⁴⁵. Wydaje się, że omawiane części *Przypowieści*, spięte motywem świątecznej zabawy w obliczu śmierci, wyrosły, w jakiejś mierze, z tych samych wydarzeń historycznych oraz z podobnego poczucia nieprzystawalności dwóch porządków świata: tragedii ginących powstańców i beztrioski bawiących się tłumów⁴⁶.

Pierwsza część *Przypowieści*, oparta na motywie wesołego miasteczka, cechuje się swego rodzaju aluzyjnością, przypomina „nie-

⁴⁴ Ten i wszystkie pozostałe cytaty z cyklu podaję wg wydania: Л. Гомолицкий, *Сочинения русского периода в трех томах*, Водолей, Москва 2011, t. I, s. 561–574.

⁴⁵ C. Miłosz, *Spizarnia literacka*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2004, s. 64. O wierszu i polemice wokół niego zob. m.in.: N. Gross, *Dzieje jednego wiersza*, w: tegoż, *Poeci i Szoa. Obraz Zagłady Żydów w poezji polskiej*, OFFMAX, Sosnowiec 1993, s. 84–89; T. Szarota, *Karuzela na Placu Krasińskich. Czy „śmiały się tłumy wesołe”? Spór o postawę warszawiaków wobec powstania w getcie*, w: tegoż, *Karuzela na Placu Krasińskich. Studia i szkice z lat wojny i okupacji*, Oficyna Wydawnicza Rytm: Fundacja „Historia i Kultura”, Warszawa 2007, s. 149–169; K. Kuczyńska-Koschany, „Nareszcie ktoś nas zauważył”, w: tejże, „*Все поэты — жиды*”. *Antytotalitarne gesty poetyckie i kreacyjne wobec Zagłady oraz innych doświadczeń granicznych*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2013, s. 130–135.

⁴⁶ Warto dodać, że w obu powojennych polskich wersjach wierszy spiętych motywem wesołego miasteczka Gomolicki dokonał znamienitych zmian: utwór otwierający cykl opatrzył tytułem *Zaproszenie na zabawę* i wprowadził do niego obraz muru („gdzie wczoraj dzień za murem konał” — L. Gomolicki, *Czas spopielały...*, s. 17) oraz „żandarma trupiołowego”, odsyłającego zapewne do słynnych Totenkopf — insygniów armii niemieckiej.

bezpośredni dyskurs ocalonego, w którym ani razu nie wspomina się o źródle problemu⁴⁷. W dalszych partiach cyklu poeta rezygnuje z tej strategii na rzecz przekazu dosłownego. Składają się nań obrazy znane z niezliczonych świadectw Holocaustu: egzekucja, przed którą skazańcy są zmuszeni do kopania własnego grobu i rozebrania się przed rozstrzelaniem, cmentarz z nagrobkami zniszczonymi podczas nalotu, zbiorowy mord na ludziach wyprowadzonych z kryjówek, dzieci zasypane w piwnicach zbombardowanych kamienic i zbiorowe bezimiennie mogiły, wypełnione bezładnie zwalonymi w dół ciałami o strzaskanych czaszkach. Poeta odnotowuje także inne przejawy wszechobecnej przemocy, „nerwicowe draśnięcia sygnałami Zagłady⁴⁸: rozlany na ulicznym bruku mózg, odgłosy wystrzałów, cień wisielca widoczny na obwieszczeniu. Korespondują z nimi turpistyczne obrazy nieba zbryzganego gwiazdami niczym masarnia krwią, okrwawionych gałęzi, krwawego deszczu.

Rozrzucone po całym cyklu mikro zdarzenia powodują, że cykl można odbierać jako zbiór „mikronarracji”, krótkich, nieciągłych, punktowych opowieści, „form częściowych i prowizorycznych, z których żadna, wzięta oddzielnie, nie jest w stanie wyrazić Holocaustu w pełni, ich suma przemawia jednak z wielką siłą⁴⁹. *Przypowieści* składają się z „kawałków i części ukazujących w swej oddzielności i fragmentaryczności niezliczone małe tragedie, które razem tworzą coś większego, niż pojedyncze fragmenty zdolne są w sobie zawrzeć⁵⁰. W takim zamyśle wyraża się ograniczona perspektywa poznawcza podmiotu, nade wszystko zaś — rozpad świata, „obsunięcie się fundamentów, na których wpięrało się życie przed wojną, przed Zagładą⁵¹.

Relacjonowanie faszystowskich zbrodni zostało podporządkowane dwóm nadrzędnym regułom. Pierwsza to niezwykle oszczędność przekazu, stwarzająca pozór beznamietności, przypominająca zasadę sformułowaną później przez Theodora Adorno i Maxa Horkheimera, w myśl której „chłodny dystans narracji, która przedstawia największą groźbę, jakby i ona była przeznaczona ku rozrywce, sprawia,

⁴⁷ D. LaCapra, *Writing History, Writing Trauma*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London 2001, s. 173, cyt. za: A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 140.

⁴⁸ P. Matywiecki, *Poetyka Zagłady...*, s. 194.

⁴⁹ A. Rosenfeld, *Podwójna śmierć. Rozważania o literaturze Holocaustu*, przeł. B. Krawcowicz, Wydawnictwo „Cyklady”, Warszawa 2003, s. 48.

⁵⁰ Tamże.

⁵¹ A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 168.

że groza wydarzeń [...] może się w całej pełni ujawnić⁵². Doskonałym przykładem tej taktyki jest epizod zabójstwa małego dziecka, siłą zabranego matce i roztrzaskanego o kamień (mur?). Zbrodnię tę poeta ujmuje w pełnej dramatyzmu elipsie: „от груди отняв / младенца — за ногу — о камень”.

Niekiedy jednak — i jest to drugie rozwiązanie, do jakiego ucieka się Gomolicki — „chłodny dystans” ustępuje miejsca sarkazmowi, gryzącej ironii, zdradzającej gniew i rozpaczliwą bezradność wobec opisywanych faktów. Tak oto nalot bombowy upodabnia się w optyce rozgoryczonego poety do wizyty gości („тревога гости налетают”), zbiorowy grób, w którym Żydzi grzebani są bez trumien, prowokuje do gorzkich słów o większej dzięki temu przestrzeni dla trupów („могила общая без досок / свободно голым мертвецам”), postępowanie Niemców, którzy rozstrzelują grupę mężczyzn po uprzednim oddzieleniu od nich kobiet, zostaje ironicznie nazwane rycerskim („капрал был рыцарь и настолько / что дамам выйти приказал”). Ze zderzenia różnych porządków: dosłownego znaczenia słowa i jego niewyrażonego wprost, ale rozpoznawalnego dla czytelnika znaczenia właściwego, rodzi się ekspresja i nośność emocjonalna wymienionych scen. Ich łańcuch ustanawia w tekście momenty szczególnego napięcia.

Temat Holocaustu ujawnia się także w warstwie refleksyjnej cyklu, na którą składają się przede wszystkim różnego rodzaju środki metaforyczne i figury retoryczne, a także wtrącenia podmiotu lirycznego. Są one silnie zrośnięte z warstwą opisową i obdarzone wyraźnym ładunkiem aksjologicznym, wyrażają postawę podmiotu lirycznego wobec prezentowanych zdarzeń. Gomolicki porusza w nich cały kompleks zagadnień moralnych, religijnych i kulturalnych, ewokowanych przez Holocaust, sięgając przy tym po postaci, wydarzenia, symbole, toposy i archetypy z najróżniejszych systemów religijnych i kulturowych. Odnajdziemy w *Przypowieściach* odwołania do mitologii starożytnej, judaizmu i chrześcijaństwa, do literatury i filozofii starożytnej oraz nowożytnej, do wybranych koncepcji ezoterycznych (astrologia, Tarot). Poeta wykorzystuje między innymi mity o Orfeuszu i Eurydyce, Deukalionie, Prometeuszu, biblijne prorocтва i postaci (Adam i Ewa, Chrystus, Jahwe), wątki z utworów Ajschylosa, Epikteta i Szekspira, odwołuje się do koncepcji roku platońskiego,

⁵² T.W. Adorno, M. Horkheimer, *Dialektyka oświecenia: fragmenty filozoficzne*, przeł. M. Łukasiewicz, posłowie M. Siemek, Wydawnictwo Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, Warszawa 1994, s. 95.

nawiązuje do kilku, zakodowanych w zbiorowej nieświadomości, wydarzeń archetypowych (koniec świata, sąd ostateczny, potop) i do rozpowszechnionych w sztukach plastycznych alegorii (*dance macabre*, kostucha).

Ich całościowe omówienie wymagałoby odrębnego studium, wskażmy więc tylko trzy najważniejsze wątki interpretacyjne. Po pierwsze, znaczna część wykorzystanej przez poetę symboliki pojawia się w różnych, nie zawsze pokrewnych tradycjach kulturowych i religijnych, co wynika z uniwersalnego znaczenia tych symboli, a zarazem je potwierdza. Do takich symboli należy na przykład drzewo życia z dwunastej części cyklu („не защищаеш больше нас / о древо жизни! ты листьями”), które pojawia się w tradycji judaistycznej i chrześcijańskiej, w islamie, wierzeniach pogańskich (Egipt, Mezopotamia, starożytna Grecja, podania ludów nordyckich, słowiańskich, syberyjskich — Jakuci) i w mitologii hinduskiej. Symbolika drzewa życia, jaka wykształciła się przez tysiąclecia pod różnymi szerokościami geograficznymi, jest niezwykle bogata, można w niej jednak wychwycić kilka stale powtarzających się konotacji: nieśmiertelność, życiodajność, płodność, mądrość, sprawiedliwość, ochrona przed złymi mocami i jedność świata. Otoczone kultem, uważane za mieszkanie duchów, łączyło sferę chthoniczną i niebiańskie sfery kosmiczne, było osią świata.

Drzewo z *Przypowieści* jest bez wątpienia umocowane w wymienionych systemach religijnych, w tym również w hinduskim, o czym świadczy fakt, że, podobnie jak w tradycji indyjskiej, jest ono odwrócone do góry nogami, tkwi korzeniami w „łękach niebieskich” („руно и поле голубое / в которое ты вверх вросло / покрыты брызгами сухими”). Zarazem jego usychanie („тот сук опустошон и высох / а эти — та же ждет судьба”) narzuca konkretny, eschatologiczny trop interpretacyjny. Umierające, skrwawione drzewo, upodobnione do torturowanego człowieka („растерзанная птицей плоть / летит с ветвей окровавленных”)⁵³, traci moce opiekuńcze, samo podlega zniszczeniu, staje się więc jednym z wielu dostrzeganych przez podmiot znaków dokonującego się końca świata.

Ten i inne występujące w cyklu archetypy, topoty i symbole, ze względu na właściwy im uniwersalizm, pozwoliły Gomolickiemu ukazać zagładę warszawskich Żydów nie tylko jako tragedię jednego narodu, ale jako rzecz dotyczącą bez wyjątku każdego, sięgającą fundamentów człowieczeństwa.

⁵³ Co ważne, w torturze tej poeta uaktywnia mīt prometejski: ciało podmiotu lirycznego (zbiorowego) jest rozrywane przez ptasi dziób.

Po drugie, zasadą organizującą cykl w jedną całość jest Tarot, talia kart pierwotnie przeznaczonych do gry, od XVIII wieku zaś interpretowanych w duchu ezoterycznym i pod dziś dzień szeroko wykorzystywanych przez wróżbitów⁵⁴. Gomolicki odwołuje się do grupy dwudziestu jeden kart nazywanych Arkanami Wielkimi, na związek ten wskazuje liczba przypowieści, odpowiadająca liczbie Arkanów oraz wiele postaci i atrybutów zapożyczonych przez poetę z poszczególnych kart. W różnych częściach cyklu odnaleźć można odwołania do ikonograficznych wyobrażeń Arkanów, jak na przykład Mag, Junona, Koło Fortuny, Eremita, Wieża, Wisielc i Skiz. Według znawców Tarota Arkana Wielkie są zbiorem archetypowych sytuacji, jakich doświadczają ludzie w swojej życiowej wędrówce, karty odzwierciedlają relacje między człowiekiem i kosmosem, stanowią „królewską drogę” życia, drogę do doskonałości i mądrości, której celem jest oświecenie duszy.

Wreszcie, po trzecie, alegoryczność cyklu wynika także w pewnej mierze z jego przynależności gatunkowej. Zgodnie z poetyką przypowieści przedstawione w wierszach „postaci i zdarzenia nie są ważne ze względu na swe cechy jednostkowe, lecz jako przykłady uniwersalnych prawideł ludzkiej egzystencji, postaw wobec życia i kolei losu”⁵⁵, „[ich — J.B.] świat przedstawiony stanowi zbiór sytuacyjnych wykładników jakiejś prawdy moralnej, filozoficznej czy religijnej”⁵⁶. Ta paraboliczność, kondensacja sensu uwidacznia się w omawianych wierszach w daleko posuniętej ogólnikowości opisu, uniemożliwiającej niekiedy ustalenie, na ile sceny płonących domów, zasypanych piwnic, ulicznych egzekucji odnoszą się do powstania w getcie, na ile zaś do Powstania Warszawskiego. Pod piórem Gomolickiego opowieść o Holocauście przeradza się w rozważania o kondycji ludzkiej.

Wymieńmy także inne ważne wyróżniki gatunkowe cyklu, jak wykorzystanie narracji w funkcji dominującej formy podawczej i spo-

⁵⁴ Na związek cyklu z Tarotem wskazuje sam Gomolicki: „Poczuwam się jeszcze do obowiązku konwencjonalnego komentatora spod kreski odnośnika, że coś to za emblematy, alegorie zaludniają te odświeżone impresje? Zapożyczone przeważnie z jednego źródła dość pospolitego, tyle że nie do wszystkich przemawiającego. Jest nim tarok, karty do gry używane jeszcze gdzieś w Europie, a właściwie ich obrazkowe atuty, nazywane przez ezoteryków arkanami” (tegoż, *Horoskop...*, s. 92–93).

⁵⁵ *Przypowieść*, [hasło w:] *Słownik terminów literackich*, red. J. Sławiński, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo, Wrocław–Warszawa–Kraków 2002, s. 450.

⁵⁶ Tamże.

sobu budowania informacji⁵⁷, postulowanie (kształtowanie pewnego modelu postępowania) czy niewielką objętość utworów z ich równoczesną pojemnością znaczeniową i funkcjonalną.

Zarówno cechy genologiczne cyklu, jak i ich rys ezoteryczny, niezwykle istotny dla pełnego zrozumienia cyklu, i — co warto podkreślić — wyrastający z wcześniejszych filozoficznych i religijnych fascynacji Gomolickiego⁵⁸, czekają na wnikliwe zbadanie.

Wracając do obrazu Holocaustu, jaki wyłania się z opisanych w cyklu mikrodarzeń, wskazać należy, że poeta ukazuje go jako czas całkowitego zniszczenia ładu etycznego i ontologicznego, zniesienia podstawowych antynomii, na których wpierał się dotychczasowy porządek ludzki. Odzwierciedlają to metaforyczne obrazy zbudowane na pomieszaniu pojęć przynależnych do historii i natury, do tego, co kulturowe i pierwotne. Tak oto w publicznej toalecie „szemrzą źródła” i „wieje przeciąg zaśpiewem fletów” („в уборной нежные потоки / ладонь сиринга флейт сквозняк”), w ruinach domu bije źródło rozerwanego przez wybuch bomby wodociągu („из лопнувших водопроводов / в развалинах текли ключи”), podczas ulicznej egzekucji „lufę miłościwą wyciąga fujarką automat” („поднял пулемет / свирельное благое дуло”), wreszcie samoloty bombowe to czarne ptaki o oprancerzonych skrzydłach i żelaznych dziobach („слетаются все чаще птиц / крылопанцирных стада”, „к нам черная слетает птица / железным клювом нас когтит”).

Zanik wszelkich wartości moralnych znajduje wyraz w metaforach botanicznych i animalistycznych. Obrazy usychającej winorośli, obumierającego drzewa, przeplatają się ze wzmiankami o prześladowanych, których cierpienie i upodlenie upodabnia do zwierząt, odbiera im resztki ludzkiej godności. Umierają oni jak psy i są grzebani nie w mogiłach, lecz w dołach, psich jamach (por.: „вот брат [...] идет на казнь / но от удара черной плетки / в собаку обратясь бежит / [...] и как узнать какая легче / людская иль собачья смерть”, „не имени тебе не камня / собачья яма и лежи”). Zwróćmy uwagę na pojawiające się w tych obrazach, sygnalizowane wcześniej, przemie-

⁵⁷ J. Trzynadłowski, *Bajka i przypowieść*, w: tegoż, *Male formy literackie*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1977, s. 109–121.

⁵⁸ Od wczesnej młodości poeta interesował się filozofią staroindyjską, hebrajskimi tekstami mistycznymi i naukami okultystycznymi, czytał między innymi *Upaniszady*, *Mahabharatę*, dzieła żydowskich kabalistów i teozofów, nauki Lao Tse, *O naśladowaniu Chrystusa* Tomasza a Kempis i *Filokalia* mnicha Ewagriusza. Szerzej o tym zob.: P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy...*, s. 39–46.

szanie dwóch odmiennych porządków: przyrodniczego i ludzkiego. Warte odnotowania są także metafory, by tak rzec, bankowe/finansowe, znamionujące całkowitą degenerację człowieczeństwa: „и в погреб рушимся спасать / мы обанкрутившие кости”, „валюта павшая человека”.

Wojna dzieli ludzi na oprawców i ofiary, udaremniając jakiegokolwiek między nimi porozumienie. Rozmowa, jaką w szesnastej części cyklu prowadzą nienazwani bliżej dwaj bohaterowie liryczni (kontekst rozmowy pozwala dopatrzeć się w nich Niemca i prowadzonego na śmierć Żyda), to pełne gorzkiej ironii metonimiczne ujęcie nieprzystawalności dwóch odmiennych systemów wartości. Jeden z nich wspiera się na hasłach miłości i pokoju (Gomolicki przywołuje tu prorocтво z Księgi Izajasza i Micheasza o mieczach przekuwanych na lemiesz), drugi sięga po argumenty bezwzględności, przemocy i pogardy dla Innego. Wymiana replik obu rozmówców jest więc czysto mechaniczna, nie przeradza się w obopólną wymianę myśli, nie prowadzi do spotkania z Innym w dialogu. Jeden z bohaterów kończy rozmowę strzałem wymierzonym w swojego oponenta („а другой / шаг отступив приклад примерил/ тут диспут кончился”). Równie bezcelowe są rozważania bohaterów innej części cyklu, ukrywających się przed Niemcami, nad istotą zła. Nie da się ona uchwycić, w świecie ogarniętym nienawiścią wiadomo tylko jedno: zło jest wszechobecne, dla jednych staje się wszechpotężną bronią, innych czyni bezbronnymi.

Silnie wybrzmiewa w cyklu motyw krachu oświeceniowego mitu o potędze ludzkiego rozumu, który miał zmieniać świat na lepsze i udoskonalać ludzką naturę, w rzeczywistości jednak dostarczył narzędzi umożliwiających masowe unicestwienie. Samoloty i bomby, niosące zniszczenie i śmierć, trudno uznać za dowód postępu technologicznego, świadczą one raczej na niekorzyść człowieka, skoro swoje zdolności intelektualne potrafi on obrócić przeciw dobru i w zaślepieniu przekreśla swoje wcześniejsze dokonania. Duchową miałość człowieka poeta obnaża między innymi w ostatniej części cyklu:

крушится дело человека
от громов нижних: что гроза!
страшней небесных эти громы
что сеет умный человек [...].

Z rozważaniami tymi w ścisłym związku pozostają te fragmenty cyklu, które dotyczą upadku kultury. Wojna zanegowała wielowieko-

we dziedzictwo kulturowe ludzkości, reprezentowane przez starożytną filozofię i dramaturgię (Ajschylos, Epiktet), twórczość Szekspira i Leonarda da Vinci. W przypowieści opatrzonej numerem 11. poeta ujmuje dzieje kultury świata w skondensowanym skrócie: jako drogę od bukoliki i tragedii starożytnych, od wspaniałych pałaców Leonarda (da Vinci?)⁵⁹ i grzmiących dźwięków szekspirowskich strof do zburzonego mauzoleum i rozwartych trumien:

вот что осталось от привычек
 великолепнейших веков:
 от буколических овечек
 и трагиков потрясших свод
 о евмениды о елены
 и добрый пастырь эпиктет
 цимбал что огненной свирелью
 в шекспировской ночи звучал
 чертог прозрачный леонарда
 органа сотрясенный пик [...]
 разбито бомбами кладбище
 гроба зияя вопиют [...]

Człowiek, który nadawał słowu moc sprawczą, upodobniając się w akcie kreacji do Stwórcy („язык дерзнувший мир спасти / все-ленной строгие проекты”), teraz, martwy za życia, może jedynie „grać na fujarce swoich kości”. Słowo, które stało na początku wszystkich rzeczy⁶⁰, dane człowiekowi na to, by „uczyć — grzmieć — urzekać” („учить — греметь — пленять”), **teraz jest nie więcej niż obozowym numerem, „tatuazem skazańców”** („клеймо машинное”).

W podobnym skrócie poeta ukazuje rozwój — choć bardziej adekwatne byłoby tu słowo „upadek” — sztuk plastycznych. Mające początek w boskiej ingerencji („лазурь крылатый обронил / пером цветком безвиднотканым”), przez wieki służyły człowiekowi do utrwalania piękna świata na witrażach, freskach, płótnach prerafaelitów, teraz zaś zostały zdegradowane do celów militarnych, służą do pokrywania wojskowych pojazdów barwami ochronnymi („все чтоб чудовищных амфибий / бока расписывать под луг”).

⁵⁹ Według przypuszczenia redaktorów tomu wierszy Gomoliczkiego *Сочинения русского периода* imię to może odnosić się do bohatera *Nieboskiej komedii* Zygmunta Krasieńskiego (tamże, s. 340).

⁶⁰ Mam na myśli fragment: „в начале слово бе веками”, który nawiązuje zarówno do pierwszych słów Tory (zaczyna się ona od słowa „bereszit”, oznaczającego między innymi początek świata), jak i Ewangelii wg św. Jana rozpoczynającej się zdaniem „В начале было слово”.

PRZEDSTAWIĆ NIEPRZEDSTAWIALNE...

Miary duchowego upadku ludzkości dopełnia futurystyczna wizja Europy z osiemnastej części *Przypowieści*. Na odrodzonym po potopie kontynencie znów pojawiają się „geniusze sztuki lazurowi” i „mędracy ubrani w laur siwizny”, poeta nie ma jednak złudzeń, że będzie to „Europa małych spraw”, wsparta na równie antyhumanitarnych fundamentach, co obecnie:

возникнет малых дел европа
до дней последнего потопа
стяжать гнести и убивать

Koszmar wojny Gomolicki ujmuje także w perspektywie religijnej, postrzega bowiem rozgrywające się wokół niego wydarzenia jako rezultat grzechu pierworodnego („не защищаешь больше нас / о древо жизни!”), jako spełnienie biblijnych (pojawiających się między innymi w Ewangelii według św. Mateusza) prorocत्व o końcu świata oraz jako dowód nieposłuszeństwa człowieka względem Boga:

восстал опять на человека
с петель и камнем человек
восстал но в мерах небывалых
в злодействах от которых свет
плененный виденьем вселенной
ослепнув рухнуть обречен [...].

[...] духовных математик гений [...]
дал косному подобию мысли [...]
и вот: малейшее из умных
хитрейший винтик из очков [...]
восстал
ползучим и летящим
на сушах в водах и с небес
круша и план и дом и тело
и дело своего творца.

Odpowiedzialnością za dokonującą się tragedię Gomolicki obarcza właśnie człowieka⁶¹. Bezczynność Boga, który pozwala na triumf zła, jest Jego odpowiedzią na zerwanie przez ludzi zawartego niegdyś przymierza: zagniewany Bóg odwrócił wzrok od narodu wybranego („когда в великий полдень Ветхий / увидит снова свой народ”).

⁶¹ W *Przypowieściach* zawartych w *Horoskopie* Gomolicki pisze wprost: „osлепiony obrabowany z rozsądku i wiary w człowieka siedzę na podłodze zaraz nastąpi koniec świata” (tegoż, *Horoskop...*, s. 92). W pierwowzorze rosyjskim brak analogicznego fragmentu.

Ale bierność Stwórcy jest zarazem prowokująca, rodzi wątpliwości już nie tylko w Jego opatrność, ale i w moc sprawczą, prowadzi do zanegowania dogmatu o Bogu wszechmogącym. W czasach śmierci wszystkich wartości degradacji ulega także Bóg, „wzorzec i kreacyjna matryca człowieka”⁶²: staje się krzyżykiem, nieledwie talizmanem, zaciśniętym w dłoni („**вот на ладони между линий [...] / лег сморщенный окоченелый / иссохший тельцем ветхий бог**”). Poeta kwestionuje tym samym sens ofiary poniesionej przez Chrystusa na krzyżu. Co więcej: mimo że Bóg gotów jest powtórnie dopuścić, by dokonała się tajemnica odkupienia i zmartwychwstania, Gomolicki odrzuca ten dar, kwitując tę ewentualność sarkastycznym anakolutem: „**но можно ли еще во гробе / в который истину искать**”. **Bóg nie jest w stanie pokonać śmierci, która stała się wszechmocna i wszechobecna.**

Pogrążanie się świata w chaosie odzwierciedlają także obrazy schodzenia pod ziemię, zbiegania po schodach do piwnicy, zawalających się kamienic, krwawego deszczu, spadających liści, wisielca („спускаемся кружат ступени”, „и в погреб рушимся спасать [...] кости”, „человек вместе с крышей сползает вниз”, „свет рухнуть обречон”, „вот башня рушится”, „сидеть поглубже под землей”, „скрываться под землей”, „я видел человека висящего головою вниз”, „кто-то вверх пятой”). Ich wspólnym mianownikiem jest ruch w dół, oznaczający upadek, utratę gruntu, załamanie się świata, jego osuwanie się „w ciemną otchłań barbarzyństwa”⁶³. Piwnica, miejsce ciemne, duszne, usytuowane pod ziemią, miast przynosić ocalenie przed śmiercią, staje się jej przedsionkiem, jest metonimią grobu (por. scenę ratowania zasypanych w piwnicy dzieci w dziewiątej części cyklu). Schodzenie do niej jest równoznaczne z zejściem do piekieł (por.: „спускаемся кружат ступени [...] / еще ступеней в жизни сколько?”).

Tym samym wektorem i ładunkiem aksjologicznym obdarzone są obrazy zapadającego się dachu-sklepienia niebieskiego („пропался балаганный свод”), lawiny zodiaków („хлещут лавой зодиак”) oraz nieba zasnutego chmurami („больше в небе нет пропех”), które dodatkowo aktywizują skojarzenie z biblijnym potopem⁶⁴. Świat opi-

⁶² A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 31.

⁶³ Tamże, s. 29.

⁶⁴ Por. opis początku potopu w Księdze Rodzaju: „[...] trysnęły z hukiem wszystkie źródła Wielkiej Otchłani i otworzyły się upusty nieba” (Rdz 7, 11). Fragment ten, w nieco innym brzmieniu, przytacza Gomolicki w *Przypowieściach w Horoskopie*: „upusty niebios stanęły otworem” (*Horoskop*, s. 86).

sany w cyklu jest więc czasem „załamania i nieodwołalnej utraty wyobrażeń, jakie europejska kultura stworzyła dla samej siebie”⁶⁵, Holocaust staje się paradygmatem całkowitego zniszczenia, anihilacji.

Zniszczenie to odzwierciedla także stylistyczna i językowa tkanka *Przypowieści*, uderzająca przede wszystkim śmiałym odrzuceniem wszystkich zasad interpunkcyjnych i wielu ortograficznych. Gomolicki rezygnuje z wielkiej litery, nie używa przecinków ani kropek, z rzadka sięgając po wykrzykniki i myślniki, wiele słów podaje w formie naruszającej reguły pisowni („защищаеш», „ещо», „обречон», „крылопанцырный”). Utrudnia to lekturę cyklu, spowalnia jej tempo i zakłóca płynność, zmuszając czytelnika do uważnego cezurowania tekstu, mozolnego dzielenia go na samodzielne segmenty znaczeniowe. Wychwytywanie z płynącego nieprzerwanie potoku słów odrębnych całości semantycznych utrudnia także zmienny rytm wiersza: w niektórych partiach cyklu Gomolicki stosuje liczne przerzutnie, w innych wykorzystuje bezprzerzutniowe członowanie składowo-wersowe, typowe dla rosyjskiej poezji ludowej (frazowik).

Istotną cechą stylistyki *Przypowieści* jest ponadto skrótowość, eliptyczność, która stwarza wrażenie pośpiesznego notowania napływających zewsząd bodźców i nadaje monologowi lirycznemu pozór wypowiedzi potocznej, „sztucznie prostackiej”⁶⁶, jak pisał sam poeta. Upodobnieniu temu służą także, jak się wydaje, anakoluty, monorymy i powtórzenia wyrazów.

Gomolicki wiązał poetykę *Przypowieści* z okolicznościami, w jakich powstały:

to, co przechowałem, co wyniosłem z płonącego miasta, traktować należy jako zarys zaledwie tamtych wypadków [...] jego ostateczną formę miałem znaleźć później, korzystając z tych surowych notatek. Forma ich, przypadkowa, nie sprecyzowana, jest tylko szyfrem, znamieniem tego czasu, śladem owych dni zaskoczenia, gniewu i grozy⁶⁷.

Nie wiemy, czy rzeczywiście *Przypowieści* były zaledwie konспекtem potencjalnego, nigdy nieukończonego tekstu, czy też poeta próbował tymi słowami, wypowiedzianymi po latach, zyskać przychylność czytelnika dla „przebrzmiałych manier stylistycznych”⁶⁸. Z pewnością okupacja, strach o żonę i siebie, konieczność ukrywania

⁶⁵ A. Ubertowska, *Świadectwo...*, s. 29.

⁶⁶ L. Gomolicki, *Horoskop...*, s. 79–80.

⁶⁷ Tamże, s. 78.

⁶⁸ Tamże, s. 80.

się nie sprzyjały spokojnej, systematycznej pracy twórczej, wskaźmy jednak, że — po pierwsze — Gomolicki zdołał w tym samym czasie przygotować do druku trzynomowe wydanie swoich dzieł i równocześnie pracował na innymi utworami, po drugie — publikując po latach (odpowiednio: trzynastu i trzydziestu siedmiu) obszernie fragmenty cyklu w *Czasie spopielałym* i jego całość w *Horoskopie*, nie zdecydował się na deklarowaną obróbkę literacką pierwowzoru. Za tym, by traktować *Przypowieści* jako całość skończoną, przemawia wreszcie — poza wskazanymi argumentami — wcześniejsza poezja Gomolickiego, pełna podobnych i innych eksperymentów językowych⁶⁹. Właściwie od początku swojej twórczości, od młodzieńczego cyklu *MiniatURY* (*Миниатюры*, 1921), poeta nieustannie szukał nowych form wyrazu, próbował poszerzyć możliwości poetyckiej ekspresji poprzez coraz to nowe rozwiązania w zakresie stylistyki, wersyfikacji, prozodii i genologii. Gatunek przypowieści był kolejnym, po miniaturze, poemacie, odzie, balladzie, po który Gomolicki sięgnął w staraniach o odnowienie poezji rosyjskiej.

Poetykę wojennych *Przypowieści* traktować należy, jak sędzę, jako wypadkową twórczych poszukiwań poety i oddziaływania tragicznej epoki, która je ukierunkowała i głęboko wdarła się w tkankę wierszy, nie tylko poprzez tematykę, ale i za sprawą zewnętrznych niedogodności przy pracy nad wierszami (przeprowadzki motywowane ukrywaniem żony po stronie aryjskiej, piekło Powstania Warszawskiego, podczas którego poeta dopisywał ostatnie części cyklu).

Chropowaty, szorstki, niewykończony i miejscami niepoprawny styl wojennych *Przypowieści*, tak silnie różniący się od części przedwojennej⁷⁰, okazał się szczególnie poręczny nie tyle dla ukazania

⁶⁹ Badacze zauważają, że w *Przypowieściach* ujawniła się jedna z dwóch tendencji, krystalizujących się w twórczości Gomolickiego od połowy lat 30.: pogłębienie hermetyczności i abstrakcyjności wypowiedzi z jednoczesnym zwiększeniem bagażu znaczeniowego słowa (P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy...*, s. 188).

⁷⁰ Na różnicę tę zwracał uwagę zarówno poeta („Jeśli pierwsza przemawia głosem kasandrycznego podniecenia, zachłystującego się patosem nawiedzenia, to druga usiłuje wyrzec się wszelkiego przerysowania, wpadając w drugą skrajność — sztucznego prostactwa”. L. Gomolicki, *Horoskop...*, s. 79–80), jak i badacze, piszący o „radykałnym przełamaniu systemu artystycznego”, przejawiającym się w osłabieniu — w stosunku do pierwszej części cyklu — nurtu archaicznego, w skomplikowaniu języka i hermetyczności, w surowym ascetyzmie. Cechy te wiązały się z pragnieniem zerwania „z wszelką poetycznością jako reliktem twórczego i egzystencjalnego ‘dobrobytu’” (P. Mitzner, L. Fleishman, *Metamorfozy...*, s. 206).

Zagłady (tu bowiem poeta nie mógł być pewien rezultatów), ile dla odzwierciedlenia stanu porażenia jej koszmarem. Poetyka *Przypowieści* stała się ekwiwalentem bezradności poety wobec Katastrofy, wyrazem doznanego pod jej wpływem „naglego paraliżu poetyckich narzędzi mowy”⁷¹. Zadziałała tu zasada afazji, która ujawniła się w wielu innych poetyckich przekazach Holocaustu. Pisze o niej badaczka:

Poezja nie miała od czego zaczynać. Na pewno nie od figur poetyckich. Stała z odciętym językiem na Umschlagplätzen, w bydłących wagonach, na rampach, w rurach, przed komorami gazowymi, krematoriami. Jej racją bytu stało się jękanie, wypowiedzianie słów niepojętych, niemożliwych, w dotychczasowym rozumieniu antypoetyckich. To, co mogłoby sprostać Zagładzie, unieść miliony zaduszonych, spalonych, roztrzaskanych o mur, zagłodzonych, osieroconych, nie mogło być pełnym poetyckim słowem, całkowicie wypowiedzianym, retorycznie i gramatycznie poprawnym, pięknym. Nie mogło uragać nieistnieniu⁷².

Destrukcyjny wymiar Holocaustu wkroczył więc na obszar języka. Styl cyklu, pełen zniekształceń, niewolny od dysonansów, niejako powtarza proces zniszczenia, któremu ulega świat, staje się też odzwierciedleniem doświadczenia jego końca, które badacze proponują nazwać abisalnym (od „abyss” — otchłań, rozdarcie, w którym giną wszystkie wartości, normy, znaczenia, kultury)⁷³.

Siła *Przypowieści*, jako tekstu przynależnego do literatury świadectwa o Holocaustcie, tkwi w metaforyzacji realnych faktów, w alegorycznym powiązaniu własnych doświadczeń z losami bohaterów mitycznych i literackich, w mariażu figuratywności (obecności obrazów poetyckich) z precyzją i dosadnością w opisie rzeczywistych wydarzeń.

Cykl był głosem Gomolickiego „z wnętrza katastrofy”, ponieważ powstał w czasie okupacji, w mieście terroryzowanym przez Niemców, dokumentował straszliwe przejawy tego terroru. Właśnie ta jednoczesność faktów z ich opisem, zbieżność w czasie akcji i reakcji,

⁷¹ K. Kuczyńska-Koschany, „Все поэты жиды...”, s. 248.

⁷² Tamże, s. 246.

⁷³ Zob.: „Doświadczenie abisalne to doświadczenie, które dowodzi, że czas jest śmiertelny. Jest to bowiem najdosłowniej doświadczenie końca czasu, końca świata, który był. [...] Wydaje mi się, że właśnie rozdarcie, *abyss*, otchłań — to najbardziej adekwatne określenie tego doświadczenia, które podkreśla rozłączność dwóch światów, dwóch okresów życia: przed i po Zagładzie”. B. Engelking, „Czas przestał dla mnie istnieć...”. *Analiza doświadczenia czasu w sytuacji ostatecznej*, Wydawnictwo Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, Warszawa 1996, s. 240.

czyni *Przypowieści* tekstem absolutnie wyjątkowym w rosyjskiej literaturze o Holocauście. Niewiele jest w niej utworów o Zagładzie⁷⁴,

⁷⁴ W Związku Radzieckim, w którym antysemityzm był częścią polityki państwowej, a obraz II wojny światowej w oficjalnym przekazie mitologizowany i fałszowany, Holocaust nie należał do tematów szczególnie popularnych. W latach późnego stalinizmu był całkowicie zakazany, co było rezultatem antysemickiej polityki Stalina, prowadzonej pod oficjalnymi hasłami „walki z kosmopolityzmem”. Przejawem tej kampanii było między innymi wstrzymanie publikacji *Czarnej księgi*, jednego z pierwszych dokumentów mówiących o eksterminacji narodu żydowskiego na terytorium ZSRR w czasie II wojny światowej, oraz likwidacja w 1948 roku Żydowskiego Komitetu Antyfaszystowskiego, utworzonego niespełna sześć lat wcześniej, i rozstrzelanie jego członków. Atmosfera późnego stalinizmu nie sprzyjała, nazywając rzecz eufemistycznie, poruszaniu tematu Zagłady Żydów, także późniejsi pisarze nie mieli możliwości otwartego mówienia o Shoah, a czytelnicy — swobodnego dostępu do tego typu publikacji. Rzadko pojawiały się one w oficjalnym obiegu, zwykle krążyły w samizdacie. Spośród rosyjskich literackich reprezentacji Holocaustu wymienimy tylko kilka najważniejszych. W pierwszej kolejności są to utwory dotyczące Babiego Jaru nieopodal Kijowa, miejsca kaźni kilkudziesięciu tysięcy Żydów: poemat *Кирилловские яры* (1943) Ołgi Anstej — jedno z pierwszych literackich świadectw przeprowadzanych tam masowych egzekucji, wiersz Ilji Erenburga (*Бабий Яр*, 1945), napisany w ostatnich miesiącach wojny, poematy *Бабий яр* Lwa Ozierowa i *Теряются следы в тысячелетиях* Pawła Antokolskiego, opublikowane w 1946 roku, oraz różniejsze teksty Jewgienija Jewtuszenki (*Бабий яр*, 1961), Anatolija Kuzniecowa (powieść *Бабий Яр*, 1966), Andrieja Wozniesińskiego (*Зов озера*, 1965; *Ров*, 1985–1986) i Anatolija Rybakowa (powieść *Тяжелый песок*, 1978). Holocaust jest istotnym motywem w twórczości Ilji Selwskiego, zainicjowanym przez wiersz *Я это видел!* (1942) o masowych mordach Żydów we wsi Bagierowo pod Kerczem na Krymie. Szerzej na ten temat zob.: М.Д. Шпраер, *Илья Сельвинский, свидетель Шоа*, „Новый мир” 2013, nr 4, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/4/m11.html (20.06.2018). Rosyjską literaturę świadectwa Holocaustu reprezentują także teksty odnoszące się do polskich odsłon Zagłady, jak obóz w Treblince (*Треблинский ад* Wasilija Grossmana) czy postać Janusza Korczaka (*Кадиси* Aleksandra Galicza, *Варшавский набат* Wadima Korostylowa). W najnowszej literaturze rosyjskiej temat Shoah, także bytujący na jej peryferiach, podejmowali między innymi: Boris Chiersonski (cykl *Семейный архив*) i Paweł Goldin (*Убивали жидов, жгли, хоронили в лесах, в оврагах...*), Aleksandr Barasz, Grisza Bruskin, Stanisław Lwowski (*Кольбельные и другие*) i Leonid Griszowicz (*„Вуй”. Вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя*). Więcej o Holocauście w literaturze rosyjskiej zob.: М.Д. Шрайер, *I Saw It: Илья Selvinsky and the Legacy of Bearing Witness to the Shoah*, Academic Studies Press, Boston 2013; A. Epelboin, A. Kovrigina, *La litterature des ravins: Écrire sur la Shoah en URSS*, Éditions Robert Laffont, Paris 2013. Por. jej recenzję: A. Афанасьева, „Вопросы литературы” 2015, nr 2, s. 394–397, <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/2/25a-pr.html> (20.06.2018); М. Гринберг, *Вычитывая Слуцкого: Борис Слуцкий в диалоге с современниками*, „Крещатик” 2008, nr 3, http://magazines.russ.ru/kreschatik/2008/3/gr23.html#_ftn4 (20.06.2018). Por.: *Звезды над Холокостом* [rozmowa Swietłany Aleksijewicz, Ilji Owczinnikowa, Pawła

PRZEDSTAWIĆ NIEPRZEDSTAWIALNE...

jeszcze mniej takich, które — pisane nie *post factum*, lecz w sytuacji *hic et nunc* — cechują się przywilejem naocznego świadectwa, przez co obdarzone są „indeksalną mocą legitymizacji”⁷⁵, mocą bezpośredniego zaświadczenia w poetyckich obrazach o tragicznych faktach i o tym, „co się odczuwało, stojąc w obliczu konieczności znoszenia tych ‘faktów’”⁷⁶.

Йоланта Бжикцы

IZOBRAZIT'Ь NEIZOBRAZHAEMOE. ПРИТЧИ ЛЬВА ГОМОЛИЦКОГО КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ХОЛОКОСТА

Резюме

В статье предпринята попытка проанализировать и истолковать цикл стихотворений Льва Гомолицкого под заглавием *Притчи*. Написанный в 1942–1944 годах в оккупированной немцами Варшаве цикл является поэтическим свидетельством оккупационного террора и истребления нацистами варшавских евреев. Гомолицкий, изображая фашистские зверства, видит в них проявление тотальной деградации человека и культуры, всеохватывающего разрушения этического и онтологического миропорядков. *Притчи*, будучи лирическим выражением предельного события, рассматриваются как часть литературы о Холокосте.

Jolanta Brzykcy

TO PRESENT THE UNREPRESENTABLE. LEO GOMOLITZKY'S PARABLES AS A TESTIMONY OF THE HOLOCAUST

Summary

The article attempts to analyze and interpret a series of poems by Leo Gomolitzky entitled *The Parables*. The cycle, written in 1942–1944 in Nazi-occupied Warsaw, is a poetic record of the occupation terror and extermination of Warsaw Jews. Gomolitzky reports on fascist crimes, while at the same time recognizing in them the manifestation of the total collapse of humanity and culture, the degradation of the ethical and ontological order. *The Parables* belong to the Holocaust literature, they are the result of Gomolitzky's contact with the so-called border experience.

Czuchraja, Leonida Prudowskiego, Ilji Kukulina i Władimira Trachtenberga], <https://lechaim.ru/events/zvezdy-nad-holokostom/> (20.06.2018).

⁷⁵ R. Nycz, *Jak opisać doświadczenie...*, s. 7.

⁷⁶ H. White, *Realizm figuralny...*, s. 218. Świadectwo eksterminacji Żydów warszawskich niosą wiersze Sołomona Barta i jego listy z getta. Zob.: S. Bart, *Nieuniknione*, przeł. Z. Dmitroca, E. Skalińska, M. Kisiel, oprac. D. Hessen, L. Fleishman, Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa 2016.

MONIKA KNUROWSKA
Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie

«СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ». ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО *ГОНЦЫ*

Название статьи заимствовано из небольшого эссе Эльвиры Мороз (редактора «Советского писателя»), опубликованного в журнале «Дружба народов» в 2006 году¹. Автор кратко описывает перипетии, связанные с публикацией малоизвестных рассказов Юрия Домбровского о казахских художниках. Написанию этой статьи послужило эссе Эльвиры Мороз, а также отсутствие литературоведческих анализов сборника *Гонцы*. Тезис статьи — Домбровский как автор и художник слова во многом похож на художников, о которых пишет.

Юрий Осипович Домбровский (1909–1978) известен главным образом как автор дилогии *Хранитель древностей* (1964) и *Факкультет ненужных вещей* (1978), и человек, чья судьба была трагичной. Писатель провел в ссылке и лагерях более двадцати лет. Через год после окончания Высших государственных литературных курсов Домбровский был выслан из Москвы в Алма-Ату (1933 год). В 1936 году последовал первый арест, в 1939 — второй, а в 1949 — третий². Тем не менее, писатель сумел не только выжить, но и оставить после себя целый ряд прозаических и поэтических произведений. В перерывах между арестами были написаны роман *Державин* (отдельные главы книги напечатал журнал «Литературный Казахстан» в 1937 году; полное издание произведения — при том, что этот роман не окончен — вышло в 1939 году в Алма-Ате в издательстве КИХЛ), *Обезьяна*

¹ Э. Мороз, *Счастливые люди*. Ю. Домбровский «Гонцы», «Дружба народов» 2006, № 7, <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/7/mo21.html> (06.06.2018).

² Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, *Современная русская литература 1950–1990-е годы. В двух томах*, т. 2, АКАДЕМИА, Москва 2003, с. 204.

*приходит за своим черепом*³, была начата работа (в 1946 г.) над циклом новелл о Шекспире *Смуглая леди*. В 1992 году издательство ТЕРРА выпустило шеститомное собрание сочинений Домбровского.

Согласно некоторым исследованиям, творчество писателя условно можно разделить на два периода: казахский (1937–1955 гг.) и московский (1956–1978 гг.)⁴. Условность деления заключается в том, что действие знаковых романов Домбровского, ознаменовавших московский период, происходит в Алма-Ате. В 1956 году писатель был реабилитирован и получил разрешение вернуться в Москву.

Первый приезд Домбровского в Алма-Ату и впечатления от города, от южной природы запечатлены на первой странице романа *Хранитель древностей*. Москвич Домбровский сразу и навсегда влюбился в Алма-Ату, и с этим городом была связана вся его жизнь — личная и творческая. В Алма-Ате он был по-настоящему счастлив: активно включился в культурную жизнь Казахстана, сотрудничал с газетой «Казахская правда» и журналом «Литературный Казахстан», которые печатали его рецензии, литературно-критические статьи и первые рассказы. В Казахстане, в частности в Алма-Ате Домбровский нашел друзей, среди которых были известные казахстанские ученые: первый казахский академик Ермухан Бекмаханов, фольклорист Есмагамбет Исмаилов. Домбровский перевел на русский язык монографию Исмаилова *Акыны* и лучшие произведения казахской литературы — романы Сабита Муканова *Школа жизни*, *Восхождение*, *Сыр-Дарья*, Ильяс Есенберлина *Схватка* и *Опасная переправа*, роман Бердибека Сокпакбаева *Мертвые не возвращаются*⁵, дружил с писателями Муратом Ауэзовым, которого очень ценил за его труд, вложенный в написание романа-эпопеи *Абай*⁶, Абдижамалом Нурпеисовым, Тахави Ахтановым, режиссером Шакемом Аймановым.

³ Роман *Обезьяна приходит за своим черепом* Юрий Домбровский начал писать в больнице в Алма-Ате. Его по болезни выписали из лагеря.

⁴ Л.П. Кременцов (ред.), *Русская литература XX века. В двух томах*, т. 2: *1940–1990-е годы*, АСАДЕМІА, Москва 2003, с. 289.

⁵ Ж. Ергалиева, *Литературная жизнь Казахстана в творчестве Юрия Домбровского*, «Вестник КазНУ». Серия филологическая, 2012, № 3(137), с. 36–40, <http://kaznu.kz/ru> (05.06.2018).

⁶ О Ауэзове и его герое, Абае Кунанбаеве, Домбровский написал статью *Творческий подвиг*, впервые изданную в журнале «Дружба народов» 1958, № 11.

Друзья, работники газет, с которыми сотрудничал, и просто знавшие писателя, единогласно отмечают некую безалаберность Домбровского в быту, невезучесть, неустроенность в жизни⁷. Аресты и ссылки усугубляли и без того его тяжелое положение. Жизнь писателя, как и других ссыльных, была скудна материально и полна лишений. Время было голодное⁸, не хватало жилья. С конца 1920-х до начала 1950-х годов Алма-Ата стала местом ссылки политических заключенных, в основном, представителей интеллигенции. Художники, писатели, политики, ученые обогатили качество жизни этого азиатского города: отобразили его быт, колорит казахского народа в различных произведениях искусства и в воспоминаниях. В знакомство с этими людьми, с историей полюбившегося ему края, покорившего его своей красотой, Домбровский «кинулся с жадностью археолога, которому повезло наткнуться на свою Трою. Причем он уже в те годы узрел, что эта сказочная Атлантида мало-помалу исчезает»⁹. В Алма-Ате в то время жили и работали историк Евгений Тарле, советский экономист Александр Чаянов, востоковед, академик Александр Самойлович, театральный режиссер Наталия Сац, а самыми именитыми писателями считались

⁷ «В жизни Юрий Домбровский был очень разный. Один — когда вальяжно появлялся в московском Доме литераторов, другой — серьезно штудирующий книжные богатства Казахстана, третий, некий странный, всклокоченный человек, рассеянно бродивший по улицам Алма-Аты. Обыкновенно с чайником, в поисках свежего жигулевского пива. О том, что он писатель, почему-то знали все, хотя никто его книг не читал. И само понятие это применительно к типу в замызганном, жутко мятом 'белом' костюме вызывало у людей приятное ощущение своего превосходства над ним [...]. Отсюда, из Алма-Аты, его неоднократно изгоняли в разные населенные пункты страны ГУЛАГ, и сюда же он возвращался больным и битым». См. В. Проскурин, *Нечаянно прописанный земляк*, <http://proskurin.ucoz.kz/publ> (05.06.2018).

⁸ Павел Косенко, друг Домбровского, так пишет о ситуации писателя после приезда в Алма-Ату: «В Казахстане был голод. Работы для подозрительного ссыльного не находилось. Приезжий снял угол в Тастаке, в домике вдовы-казашки с пятерыми ребятишками. Каждое утро из остатков муки эта женщина пекла большую лепешку и ломала ее на шесть равных кусков — своим детям и этому чужому и малопонятному ей русскому парню. Когда Домбровский в старости рассказывал об этом, в глазах его стояли слезы». См. П. Косенко, *Юрий Домбровский, хранитель древностей*, «Родина» 2004, № 2, <http://http://ermitazh.theatre.ru/people/creators/writers/dombrovsky/15062/> (06.06.2018).

⁹ Н. Кузьмин, *Алма-Атинская повесть. Голгофа писателя Домбровского*, Граница, Москва 2010, с. 59.

Николай Анов, Иван Шухов и Дмитрий Снегин¹⁰. В Алма-Ате Домбровский познакомился с художником Валентином Антощенко-Оленевым, который согласился иллюстрировать роман писателя *Державин*. Им не повезло, поскольку в 1938 году Оленев был арестован¹¹.

В столице Казахстана Домбровский работал научным сотрудником в Центральном музее, принимал участие в археологических раскопках, читал лекции в театральной студии, «вникал в прошлое города и не было пригорка в его окрестностях, дома, здания, улицы или арыка, о которых он не знал бы столько, сколько неведомо его старожилам»¹². Его открытия и находки, связанные с культурой Семиречья, описаны на страницах произведений. Связь Домбровского с Казахстаном не прервалась после реабилитации и переезда в Москву. С конца пятидесятых годов, в течение десятилетия, пока были силы, он каждое лето приезжал в Алма-Ату и проводил в городе месяц или два. Писатель, желая поделиться сокровищами культуры Казахстана, брал с собой друзей — Юрия Казакова или Владимира Дудинцева¹³.

В 1974 году в Алма-Ате была издана книга Домбровского *Факел* — в бумажной обложке и на газетной бумаге¹⁴. Писатель был сильно разочарован — сборник рассказов вышел незначительным тиражом, «в каком-то замызганном оформлении» и, к тому же без иллюстраций, без репродукций работ художников, о которых он писал¹⁵. Книга писалась с перерывами между романами и является последней, напечатанной при жизни писателя книгой на родине. Эти рассказы дошли до русского читателя много

¹⁰ Там же, с. 207.

¹¹ Владимир Проскурин вспоминает, что Домбровский был огорчен и считал, что ему фатально не везет с оформлением книг: как-то так вышло, что пропали работы Всеволода Теляковского к *Смулой леди*, а потом иллюстрации Александра Заковряшина к *Хранителю древностей*. См. В. Проскурин, *Нечаянно прописанный...*

¹² Там же. Ср. также: «Здесь, в Алма-Ате началось его капитальнейшее образование — не казенное, для ‘корочек’, а основательное, для себя, для будущей работы: самообразование. Как раз для этого ссыльная Алма-Ата предоставила ему редкостные возможности [...]. Неприхотливый в быту, Юрий Осипович наслаждался покоем и бешено работал». См. Н. Кузьмин, *Алма-Атинская повесть...*, с. 68.

¹³ П. Косенко, *Юрий Домбровский, хранитель...*

¹⁴ Э. Мороз, *Счастливые люди...*

¹⁵ П. Косенко, *Юрий Домбровский, хранитель...*

лет спустя — после выхода шеститомника писателя¹⁶. Домбровский назвал книгу *Гонцы. Рассказы о художниках*, но название сборника изменил редактор Павел Косенко. Дело в том, что в то же время издательство выпускало два казахских романа с подобным заглавием¹⁷. В шестом томе собрания сочинений, в который вошли рассказы, восстановлено авторское название. Во вступлении к книге Домбровский приводит фрагмент своего разговора с одним из героев сборника, художником Всеволодом Теляковским: «Вы знаете древнюю притчу о гонцах? — спросил он меня. — Ну, бежит человек с факелом, бежит и когда уже рушится от усталости, то его факел на лету подхватывает другой и снова бежит, бежит и так дальше, дальше»¹⁸.

Слова Теляковского выражают одну из сокровенных мыслей Домбровского — его убежденность в том, что обязанностью, долгом человечества и, в особенности, творческих людей, является сохранение непрерывности развития культуры во что бы то ни стало. Эльвира Мороз метко подметила: «он ведь и сам был таким гонцом с факелом»¹⁹. Открыв для себя, и полюбив культуру и искусство Казахстана, писатель счел своим долгом сохранить, сберечь драгоценные познания от забвения, запечатлеть то, что разрушает время. Домбровский был удивлен как мало, в сущности, почти ничего местные не знают о казахских художниках и деятелях культуры, о людях, которые жили с ними бок о бок иногда полвека. Сведения о некоторых из них, как об архитекторе деревянных построек Андрее Зенкове, Домбровский собирал по крупицам в архивах в течение двадцати лет²⁰. Мысль о том, что «времени и так потеряно предостаточно» (с. 7), что многое упущено и забыто послужила толчком к написанию им сборника *Гонцы*.

Сборник содержит пять рассказов о пяти художниках, которые жили в Казахстане, и чьи судьбы были с ним связаны: о скульпторе Исааке Иткинде, театральном декораторе Всево-

¹⁶ Т. Сотникова, *Непойманный хранитель. О Юрии Домбровском*, «Вопросы литературы» 1996, № 5, с. 12.

¹⁷ Э. Мороз, *Счастливые люди...*

¹⁸ Ю. Домбровский, *Гонцы. Рассказы о художниках* // того же, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 6, ТЕРРА, Москва 1993, с. 19. Далее цитаты приводятся по этому изданию, в скобках указывается страница.

¹⁹ Э. Мороз, *Счастливые люди...*

²⁰ Ж. Баянбаева, *Алма-Ата в прозе Ю.О. Домбровского*, <http://cyberleninka.ru/article/v/alma-ata-v-proze-yu-o-dombrovskogo> (06.06.2018).

лоде Теляковском, живописцах: Сергее Калмыкове, Абылхане Кастееве и Алексее Степанове. Всех этих художников автор *Хранителя древностей* знал лично; «знали их и другие — пишет Мороз — но никто почему-то не увидел в них то, что увидел Домбровский»²¹. Наибольшее внимание в статье уделяется Сергею Калмыкову, который был для писателя идеалом художника.

В настоящей статье рассматривается образ художника в восприятии Юрия Домбровского. В сборнике автор демонстрирует два подхода к этой теме: интерес исследователя и художника. Знатоки творчества Домбровского неоднократно обращали внимание на особенность художественного мышления писателя, которая заключается в том, что у него разум исследователя, а натура художника. Как точно выразился Станислав Поремба: «Домбровский пытался овладеть волнующей его темой интеллектуально и эмоционально», был замечательным филологом и «проверял то, о чем рассказывал методом истинного филолога, тут же хватаясь за книжку или документ»²². Эта двойственность художественного мышления писателя, сочетание принципов научности и публицистичности с принципами художественности, отразилась в сборнике, в котором, цитируя слова ученого, нет ни одного рассказа, его содержание почти целиком составляют очерки-портреты²³. Очерк, как известно, «стоит на грани рассказа и исследования»²⁴; это полухудожественный полудокументальный жанр с ярко выраженной, организующей ролью авторского «я». Очерк основан на фактах, документах и личных впечатлениях автора²⁵.

Домбровскому — исследователю интересно буквально все, что связано с жизнью и деятельностью «его художников». Писатель искал информацию о них в научной, публицистической, библиографической литературе. Его радовала возможность открытия неизвестных фактов, важна была любая деталь, любая мелочь. Очерки пронизаны любовью к Казахстану и к художникам, о которых он пишет. О том, что в основу сборника лег фак-

²¹ Э. Мороз, *Счастливые люди...*

²² S. Poręba, *Юрий Домбровский: заметки, воспоминания, рефлексии*, «Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze» 1988, т. 12, с. 126.

²³ Там же, с. 122.

²⁴ Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев (ред.), *Словарь литературоведческих терминов*, Просвещение, Москва 1974, с. 254.

²⁵ А.Н. Николюкин (ред.), *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, НПЦ Интелвак, Москва 2001, с. 707–708.

тографический материал, свидетельствуют слова автора, написанные в начале книги:

Эти рассказы²⁶ возникли, можно сказать, сами по себе. Они отпочковались от совсем другой работы, до которой у меня так и не дошли руки. А между тем, думал я о ней давно, материал собирал для нее прилежно, хотя и исподволь, и он оседал в моих блокнотах, тетрадках, скоросшивателях. Вероятно, он и до сегодняшнего дня так бы и остался материалом, т.е. записями и вырезками, если бы я вдруг не наткнулся на две книги [...] (с. 7).

Речь идет об альбоме народного художника Казахской ССР Нагим-Бека Нурмухаммедова *Искусство Казахстана*, изданном в Москве в 1970 году, и книге искусствоведов Любови Плехотной и Ираиды Кучис *Казахская художественная галерея им. Шевченко* (Советский художник, Москва 1967). Домбровский, как правило, намеренно прерывает сюжетное действие, ссылаясь на источники, приводит полные библиографические описания прямо в «теле» очерка, но, самое главное — ведет постоянный диалог со специалистами в области искусства. Писатель активно включается в разговор об археологии²⁷, живописи, культуре, отсылает читателя к своим статьям, опубликованным в «Новом мире», «Дружбе народов», цитирует фрагменты писем, воспоминаний. Домбровский словно пытается удовлетворить собственную любознательность и полагает, что читатель разделит его любопытство и восторг, оценит стремление всесторонне охватить проблему. Метод работы писателя с документами можно проследить на примере очерка о Сергее Калмыкове: Домбровский приводит и сопоставляет мнения разных источников, как будто стремясь к объективности, но каждый раз ему принадлежит последнее слово. Писатель защищает Калмыкова от нападений несправедливой, на его взгляд, критики и упрекает авторов статей в поверхностности суждений и непонимании

²⁶ У Домбровского термины «очерк» и «рассказ» выступают как взаимозаменяемые.

²⁷ Интересна полемика между Домбровским и археологом профессором Александром Бернштамом (точнее, между их статьями), разворачивающаяся вокруг «карагалинской находки» — погребения жрицы, датированного II в. до н.э. — I в.н.э., обнаруженного в 1939 г. в горах Заилийского Алатау. Профессор Бернштам был первым исследователем диадемы, принадлежавшей, как он предполагал, шаманке. Работавший в том году в Центральном музее Казахстана (куда попал клад), писатель охотно подключается к расследованиям тайны погребения.

искусства художника. Домбровскому можно доверять, он не дилетант. Все специалисты, занимающиеся творчеством писателя и хорошо знавшие его биографию, дружно говорят об его эрудиции, энциклопедических знаниях в области права, философии, истории, литературоведения и искусствоведения (в местных газетах Домбровский публиковал очерки, посвященные современной живописи²⁸). Публицистическая, документальная сторона очерков Домбровского, бесценна по нескольким причинам. Как человек знавший героев своих очерков лично, иногда сотрудничавший с ними, писатель пополнил их биографии новыми сведениями, некоторых из них открыл. Многих из этих художников Домбровский обессмертил и в другом смысле — увековечил их на страницах своих художественных произведений. Важная роль в романе *Факультет ненужных вещей* отведена Сергею Калмыкову²⁹. Художник появляется в финале романа, волей — неволей становится свидетелем непростой ситуации, в которой оказались герои: на скамейке в парке сидят зэк, следователь и стукач. Этим троим героев «на листе картона нарисовал для Истории»³⁰ Калмыков. Живописец, как нельзя лучше, уловил и запечатлел абсурд и трагизм тридцатых годов.

Со знанием дела Домбровский рассказывает об истории искусства Казахстана, одного из самых древних, умело приближает читателю происхождение орнамента, особенности наскальных изображений и скульптуры древнего Семиречья, специфику работы усуньских мастеров. Предметы древнего искусства, описанные в книге Нурмухаммедова, прошли через руки Домбровского, он их фотографировал и инвентаризовал. Для исследователя творчества писателя ценность данных документального характера, заложенных в очерках, проявляется еще и в том, что дает возможность получить сведения о жизни Домбровского в Алма-

²⁸ Cp. S. Poręba, *Jurij Dombrowski* // P. Fast, L. Rożek (ред.), *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*, Śląsk, Katowice 1994, с. 62.

²⁹ Домбровский напечатал также статью *Художник Калмыков*, «Простор» 1970, с. 58–67. Игорь Смекалов, автор нескольких книг о творчестве Калмыкова, утверждает, что стремительной переоценке творчества художника, произошедшей в конце XX века, и рождению его посмертной славы во многом способствовал роман Домбровского *Факультет ненужных вещей*. См. И. Смекалов, *Лекция-беседа С. Калмыков: Художественный проект «Похвала Оренбургу»*, <http://orenlib.ru/news/sobytiya-i-meroprijatija/a-1062.html> (15.06.2018).

³⁰ *Русская литература XX века...*, с. 295.

Ате из первых рук; тут довольно много автобиографического материала, разбросанного по тексту³¹. Наконец, по очеркам можно в какой-то степени восстановить топографию города 30–40-х годов прошлого века. На фоне творческих биографий художников дан облик города, изображены места, которых больше не существует, места дорогие писателю по воспоминаниям, например, гостиница Ала-тау:

этакий двухэтажный каменный барак, избушка на курьих ножках [...], но в то время она была самой большой в городе и слова: Я живу в гостинице «Ала-тау» — звучали шикарно. Во время войны эта гостиница превратилась просто в жилуправление номер такой-то. И ютились в ней артисты, киношники, торговые работники, работники науки и искусства, даже прокуроры и следователи, ну, словом, все те счастливицы, которым удавалось либо вырвать ордер, либо как-то просто сговориться с директором. На последнем основании жил в этой гостинице и я (с. 32).

Домбровский никогда не жаловался на условия жизни, напротив, научился замечать в своей жизни то хорошее, что она преподносит. Он принадлежал к породе «онтологических оптимистов»³², людей, которые умеют любить жизнь и находить поводы для радости в сущих мелочах, чувствовал также ответственность за благополучие других людей³³. В очерках нет непосредственной авторской оценки политической ситуации 30–40-х годов; всего лишь несколько намеков (например, «два молодых парня, попавшие в этот конец света не помню уж по каким, но безусловно случайным и чрезвычайным обстоятельствам»).

³¹ Воспоминания друзей о Домбровском, фрагменты писем писателя к ним и к жене напечатаны в шестом томе собрания сочинений и содержат скудную информацию о его жизни и творчестве. Юрий Осипович не оставил мемуаров, не затрагивал, например, тему лагеря. В эссе Эльвиры Мороз упоминается, что Солженицын, работавший над *Архипелагом ГУЛАГ*, приехал к Домбровскому, чтобы «попенять ему на неисполнение великой миссии летописца эпохи». Написанная Николаем Кузьминым книга *Алма-Атинская повесть. Голгофа писателя Домбровского* порой разочаровывает; большая ее часть посвящена озвучению политических убеждений Кузьмина.

³² Е. Ермолин, *Последние классики. Русская проза последней трети XX века: вершины, главные тексты и ландшафт*, Совпадение, Москва 2016, с. 21.

³³ С облегчением Домбровский принял известие о том, что скульптору Иткинду (ему негде было ночевать) удалось устроить квартирные дела. Повествуя об этом писатель в своем стиле — с добротой и присущим ему юмором: «Как-то раз он [Иткинд] пошел в кино и просидел с утра до вечера все сеансы, а через несколько дней объявил, что женился на билетерше и переходит к ней» (с. 38).

Вторая составляющая очерков — это размышления Домбровского об искусстве отдельных художников. Соображения писателя на тему искусства и культурной роли художника можно выявить, а заодно и определить некоторые компоненты его мировосприятия, проанализировав его восприятие художников, о которых пишет, его способ изображения их произведений, в котором доминируют, на наш взгляд, экфрастические описания.

Рассказ о художниках (на момент завершения написания *Гонцов* никого из них уже не осталось) имеет характер воспоминаний. Домбровский перебирает в памяти встречи и разговоры с ними, так как они ему интересны также как люди. Скульптор Исаак Иткинд, с которым судьба свела писателя в 1945 году, запомнился ему как человек с ясным, резким, насмешливым умом, который не был в состоянии долго скорбеть, всегда только смеялся. Умел Иткинд смеяться и над собой — художник любил рассказывать историю о том, что его, Иткинда, «в рай никогда не пустят, ибо не тот он художник...» (с. 28). Больше всего ценил Домбровский Иткинда за то, что художник, обычно многословный, никогда ни с кем не говорил об искусстве: «он просто работал и все, и работал споро, самоотверженно, и всегда с удовольствием, весело» (с. 46). Домбровский, считавший, что искусство надо полюбить, чтобы в нем разобраться по-настоящему, долго подбирался к скульптурам Иткинда, испытывая искреннюю радость открывателя и первопроходца:

И тут я вдруг от удивления даже воскликнул про себя — как же я не понял, что вот это и есть его излюбленная тема: косная материя и живая душа! И я вспомнил одну его скульптуру. Не скульптуру даже, пожалуй, а просто деревянный обрубок, может, даже слегка зачищенное полено с абрисом лица [...]. Полено это стояло в углу мастерской, и я никак не мог понять, что же это такое, — то ли просто испорченный скульптором кусок дерева, то ли еще что-то. «Душа тополя, — сказал Иткинд, подходя. Вот рос, рос тополь и вдруг в нем зародилось такое что-то... такое...». И он даже как будто слегка прищелкнул пальцами. Да, это было дерево, в котором забрезжило сознание, — вот-вот оно должно вырваться из деревянного плена и выйти из душной опилочной тьмы. Оно уже пробилось через тугую сердцевину, прошло через все кольца и круги, через кору и неподатливые волокна — тонкая, смутная тополияная душа, — но она еще не собрала себя в одну точку, еще несколько мгновений, еще одно усилие, рывок, и оно, может быть, прорвет шершавые кольца и откроет глаза (с. 16).

Лишь человек художнического склада мог придумать, досказать столь живописную, картинную историю зарождения души.

Во Всеволоде Теляковском³⁴ Домбровского восхищала скромность в жизни и искусстве, воспитанность и безукоризненное чувство стиля. О феноменальном чутье художника писатель имел возможность убедиться во время совместной работы над повестью о Шекспире *Смуглая леди* (Теляковский иллюстрировал книгу). Домбровского поражало огромное трудолюбие Теляковского, который, работая в театре, «сам строгал, лепил, клеил, сколачивал, прописывал холсты, все сам, сам!» (с. 54). С болью пишет Домбровский о последних годах жизни художника, его одиночестве, усталости — Теляковский «словно оглох и ослеп», тем не менее, думая о его нелегкой судьбе, писатель высказывает одну из своих сокровенных мыслей о смысле жизни и роли художника:

И все-таки он был счастливым человеком, потому что обладал поистине железной волей. И притом такой естественной и простой, что ее никто не замечал. И он, конечно, тоже не считал себя силачом, просто жил и все (с. 72).

Помимо творчества, в художниках, чьи судьбы изображены в сборнике, привлекает Домбровского «некий общий для них тип отношения к жизни»³⁵ и «в каждом проглядывает сам Домбровский не потому что писал их ‘под себя’, а потому, что люди эти были одной крови»³⁶. Развитие мысли писателя о счастье находим в послесловии к книге:

Это были все счастливые люди. [...] разве быть талантливым само по себе не величайшая удача? Я даже думаю, что тем и хорошо жить на свете, что талантливых, способных и даже гениальных становится все больше и больше. Поэтому и жить с каждым годом становится все интереснее. Несмотря ни на что. Ни на что (с. 126).

Талантливых, творческих людей Домбровский считал счастливыми. Любил «своих» художников за то, что жили и творили вопреки всему, не требуя ни наград, ни похвал, несмотря на лишения и непризнание. В этом смысле писатель воспекает ве-

³⁴ В.В. Теляковский (1894–1963), театральный художник, сын последнего директора Императорских театров. В московской квартире Домбровского висело свыше десятка его картин.

³⁵ А. Зайцева, *Художественные искания неофициальной литературы середины XX века*, Директ-Медиа, Москва–Берлин 2015, с. 93.

³⁶ Э. Мороз, *Счастливые люди...*

ликое бескорыстие художника. Для Домбровского очень важны общая культура человека и чисто человеческие качества. Талант и культура с хамством и вульгарностью в его системе ценностей — понятия несовместимые. Сам писатель ни при каких обстоятельствах не перестал верить в людей и добро (в лагере заслужил прозвище Дон Кихота)³⁷. Мечтателю, идеалисту Домбровскому нравилось проводить время с художниками. Рядом с ними он чувствовал себя свободным и счастливым. Писатель ценил в людях выдержку, мужество, отзывчивость, чувство собственного достоинства, не выносил показухи, не терпел фальши. Притягивали его — жизнерадостность Иткинда, железная воля и естественность Теляковского, целеустремленность и вера в себя Абылхана Кастеева. На писателя производит впечатление отвага Кастеева, нарушающего Коран, запрещающий изображать людей и животных.

Эстетическим идеалом Домбровского была свобода мироощущения и самовыражения Сергея Калмыкова³⁸. Николай Кузьмин утверждает, что Домбровский дружил с Калмыковым и в своих записках даже называл себя его двоюродным братом. Художник, с его репутацией городского сумасшедшего, сильно интересовал писателя³⁹. Вот как Домбровский описывает пер-

³⁷ Ср. фрагмент из письма Домбровского другу — лагернику, Леониду Варпаховскому от 7 мая 1956 года: «Ожидаю всего хорошего, ибо оно, конечно, так же неизбежно и исторически обусловлено, как и то плохое, что мы с Вами пережили. Худ. Страшен. Беззуб. Не женат (вернее, был много раз женат и поэтому холост), но все равно повторяю из Сервантеса — на титульном листе первого издания *Дон Кихота* был нарисован сокол со скинутым колпачком и написано по латыни: 'После мрака надеюсь на свет'. Ведь мы тоже не то Дон Кихоты, не то Кюхельбекеры. Ничего! За битого двух небитых дают. В искусстве-то это, во всяком случае, так». Ю. Домбровский, *Собрание сочинений в шести томах...*, т. 6, с. 371–372. Ср. также строки из стихотворения Домбровского *Пока это жизнь*: «Но стараясь и телом, и чувством / И весь разлетаясь, как пыль, / Я жду, что зажжется Искусством / Моя нестерпимая боль». См. Ю. Домбровский, *Собрание сочинений в шести томах...*, т. 5, с. 631.

³⁸ А. Зайцева, *Художественные искания неофициальной литературы...*, с. 98.

³⁹ «Обитал он [Калмыков] в узкой, как пенал комнатке деревянного барака, на задах оперного театра. Барак был старый, покосившийся, времен генерала Колпаковского [...]. На голых грязных стенах комнатки висело единственное украшение: таблица Менделеева. В углу лежала кипа старых газет, на ней художник спал [...]. Калмыкова в театре опекали композитор Брусиловский и художник Теляковский. Теляковский порою упрекал его, что с ним невозможно не только спорить, но и просто разговаривать: он по-

вую встречу с Калмыковым — на улице, где художник предпочитал рисовать:

И тут я увидел художника над мольбертом. Об этом чуде я уже слышал. Месяц тому назад он подал объяснение в милицию (жаловались соседи) и подписался так: Гений I ранга Земли и Галактики, декоратор, художник — исполнитель театра оперы и балета им. Абая СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КАЛМЫКОВ. Когда Калмыков появлялся на улице, вокруг него происходило легкое замешательство. Движение затормаживалось. Люди останавливались и смотрели. Мимо них проплывало что-то совершенно необычайное: что-то красное, желтое, зеленое, синее — все в лампах, махрах и лентах. Калмыков сам конструировал свои одеяния и следил, чтобы они были совершенно ни на что не похожи. У него на этот счет была своя теория. «Вот представьте-ка себе, — объяснял он, из глубины вселенной смотрит миллион глаз, и что они видят? Ползет и ползет по земле какая-то скучная одноцветная серая масса — и вдруг как выстрел — яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу». И сейчас он был одет тоже не для людей, а для Галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, а на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то невероятно яркое и отчаянное — красное-желтое-сиреневое. Художник работал (с. 76–77).

Люди говорили о Калмыкове: «мазило». Художник не обращал на их колкие шутки ни малейшего внимания, оставался собой — «очень уверенным в себе, недостижимым для насмешек, недоступным для критики, скрытым от мира гением, которому и не требуется никакого признания» (с. 80). Калмыков был недостижимым также для власти. Играя роль сумасшедшего, он спасся от смерти в лагере и был единственным из мастеров Серебряного века, дожившим до конца шестидесятых годов⁴⁰. В годы террора юродивость может стать для творческого человека искусством высокого притворства⁴¹, даже больше — иногда это форма выживания, единственный возможный разумный путь спасения, способ обретения свободы. Безумствование, если оно сознательный выбор человека, является метафорой этической позиции⁴², сопротивления злу. Калмыков умер в алма-атинской

стоянно перескакивает с одного на другое. Калмыков заносчиво выпячивал грудь, перо на его берете воинственно вздрагивало. — Я делаю это специально. Да! Это мой стиль. Я даже наслаждаюсь, слушая себя». См. Н. Кузьмин, *Алма-Атинская повесть...*, с. 145.

⁴⁰ А. Яковлева, *Профессиональный гений*, «Новая газета» 27.03.2003, <http://novayagazeta.ru/nomer/2003/22/shtml> (14.08.2018).

⁴¹ Там же.

⁴² См. А. Skotnicka-Maj, *Szaleństwo jako wartość we współczesnej literaturze rosyjskiej*, «Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze» т. 17, Katowice 1992, т. 17, с. 115.

психиатрической больнице от воспаления легких на фоне дистрофии (причиной заболевания были недоедание и голод), а его картины (на какое-то время) пополнили выставку сумасшедшего дома наряду с работами других безумцев.

Калмыков был художником — авангардистом, учеником Кузьмы Петрова-Водкина, увлекался популярными в то время идеями «космизма». «Теории квадрата» противопоставлял «Теорию точки»⁴³. Художник не выставлялся, не продавал свои работы. Официальная критика не признавала его творчество. Он был одинок, считал, что всякая привязанность помешает ему работать, дружил со всей Вселенной, а не с конкретными людьми. Одевался и писал для Вселенной и будущих поколений. Его одежды и картины на фоне беспросветно серой жизни советских людей казались чем-то фантастическим, «и что поделать, — констатирует Домбровский, — если существуют на свете такие странные, ничем не управляемые вещи — как мечта, фантазия и просто иное видение мира» (с. 91). О Калмыкове Домбровский писал:

Положительно только к нему одному из всех мне известных художников, поэтов, философов, больших и малых, удачливых и нет, я мог бы с таким полным правом отнести пушкинское «ты царь — живи один». Калмыков так и жил, так и чувствовал свое первородство (с. 80).

Домбровский восхищался презрением Калмыкова к суете, цельностью, жадной абсолютной свободой, за которую художник был готов заплатить нищетой и разрывом с обществом. Роднило их, живописца и писателя, представление об истории человечества и о времени. Калмыков вписывал своими картинами современность в вечность космоса. На его полотнах вещи лишены перспективы, они одновременны. Художник уничтожает время, намеренно нарушает равновесие углов и линий, чтобы удлинить их до бесконечности. То же самое и в творчестве Домбровского — «исторические персонажи и сегодняшние

⁴³ Д. Маркин, *Последний из русского авангарда*, «Историческая правда» 16.07.2014, <http://istpravda.ru> (14.08.2018). Сам Калмыков так объяснил Домбровскому свою теорию: «Точка — есть нулевое состояние бесконечного количества концентрических кругов, из которых один под одним знаком распространяется вокруг круга, а другие под противоположным знаком распространяются от нулевого круга наружу. Точка может быть и с космос». См. *Гонцы...*, с. 86–87.

существуют у него как бы единовременно, продолжают друг друга»⁴⁴. Поэтому, чувствующий живопись Калмыкова, Домбровский сумел уловить смысл его картин. Этот процесс — созерцание и восприятие им полотна, на котором показана река Алматинка, прекрасно передан писателем при помощи экфрастического описания:

Глыбы, глыбины, мелкая цветастая галька, острый щебень, изрытый пологий берег, бурное пенистое течение с водоворотами и воронками — брызги и гул, а на самых больших глыбинах разлеглись люди в трусиках и жарятся под солнцем. Вот в солнце и заключалось все — его прямой луч все пронизывал, и все преображал, он подчеркивал объемы, лепил формы. От этого солнца речонка, например, напоминала напрягшуюся руку с содранной кожей. Ясно видны пучки мускулов, белые и желтые бугры, застывшие в судорогах, перекрученные фасции. Картина так дисгармонична, что от нее рябит в глазах. Она утомляет своей напряженностью [...]. Это что же, Алматинка, что ли, наша такая? Мысль-то, мысль-то какая заложена во всем этом! И примерно через неделю именно это и произошло со мной, я вдруг понял, что же здесь изображено. Калмыков написал Землю вообще. Такую, какой она ему представилась в то далекое утро. Чуждую, еще не обжитую планету. Вместилище диких неуравновешенных сил. Ничего, что тут ребята, ничего, что они купаются и загорают — до них речке никакого дела нету: у нее свой космический смысл, своя цель. И глыбы ей тоже под стать — потому что и не глыбы они вовсе, а осколки планеты [...]. И здесь, на крохотном кусочке картона на протяжении десятка метров городской речонки бушует такой же космос, как и там, наверху, в звездах, Галактиках, метagalктиках, еще Бог знает где (с. 90–91).

В экфрастическом описании произведения искусства в словесном произведении важна, конечно, прежде всего, фигура автора. Одной из основных функций экфрасиса является введение в словесное произведение темы искусства, его бессмертия, роли художника⁴⁵, выявление личной, субъективной позиции писателя, фиксация опыта интимного контакта автора с произведе-

⁴⁴ Э. Мороз, *Счастливые люди...* Ср. также: «Исторические личности любого масштаба, на каком бы расстоянии они ни находились, он ясно видел на той же горизонтали, что и свою собственную повседневную жизнь: весь опыт, вся практика от барачного ГУЛАГА до письменного стола в собственной московской квартире — все из того же теста, что и мировая история [...]». См. В. Непомнящий, *Homo liber (Юрий Домбровский)*, «Новый мир» 1991, № 5, с. 12.

⁴⁵ S. Wysłouch, *Literatura i semiotyka*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2001, с. 92.

нием искусства, с целью, например, «заразить» читателя своей любовью к искусству данного художника⁴⁶.

Излишне повторять, что Домбровский в нескольких десятках этого типа экфрастических описаниях, помещенных на страницах сборника, всегда восхищенно отзывается о казахских художниках. Для писателя существенным является также критерий художественной правды, истины в искусстве, достоверности: «в этого Абая я поверил» — заявляет Домбровский, рассматривая портрет казахского поэта Абая Кунанбаева, нарисованный Кастеевым, — «иным я уже себе его не представляю. А ведь в этом, очевидно, и заключается задача художника — заставить зрителя поверить в свою правду» (с. 97). Писатель чувственно, эмоционально воспринимает искусство⁴⁷. Его описания сюжетов картин поражают динамизмом и пластичностью⁴⁸:

Вот несется бешеный всадник. Он вскинул тяжелое копьё и летит прямо на засаду. В тот каменистый лог, где его поджидают шесть врагов. Но он на них не смотрит, а несется прямо в пекло, в ад, к шайтану на рога на всем скаку, на всем лету. В нем уже ни гнева, ни страха, он ослеп и оглох от ветра, осталось одно ощущение полета. Вся жизнь ушла в занесенное копьё. Это

⁴⁶ D. Lisak-Gębala, *Ultraliteratura. O strategiach transmedialnych i poszukiwaniu pozawerbalnego we współczesnej literaturze polskiej*, Universitas, Kraków 2014, с. 17. Ср. также: «Poeci wybierają z obrazu to, co mamy zobaczyć, i to, co sami chcą nam pokazać. Obraz jest zwykle punktem wyjścia, sprawia, że dokonuje się coś, co można by określić jako ‘wizualne zaszczerpienie’, które stymuluje wyobraźnię i pozwala pisarzowi rozwinąć subiektywną interpretację. Ów aspekt subiektywny jest w przypadku ekphrasis szczególnie istotny. Ekphrasis opisuje dzieło sztuki, ale nie tylko, bowiem opisuje także tego, kto to dzieło ogląda. Opis zostaje w pewien sposób podyktowany przez interpretację dokonaną przez widza — autora». См. А. Dziadek, *Problem ekphrasis — dwa Widoki Delft*, «Teksty Drugie» 2000, № 4, с. 150.

⁴⁷ «Проходя мимо этой статуи, я всегда хоть на секунду останавливался перед ней. Меня трогало в ней все: грубость материала, примитивность техники [...] и удивительная нежность, женственность, ранимость этой души, закованной в полутесанную глыбу» (с. 15).

⁴⁸ Татьяна Сотникова так пишет о своеобразии прозы Домбровского: «Его потрясающе пластичные описания — сока, текущего из разломленного яблока, или вечернего пейзажа — не причудливые виньетки, которыми обрамлены основные мысли. Эти описания невозможно пропустить; бессмысленны попытки вычленив из них ‘главное’. Их невозможно убрать — иначе теряется не только красота текста, но и неповторимость мыслей. В них воплощен сам тип мышления Домбровского — тип художественного мышления, в котором нет второстепенного, в котором все, становящееся объектом внимания художника, заведомо содержит в себе главное знание о мире». См. Т. Сотникова, *Непойманый хранитель...*, с. 5–6.

то самозабвение, которому не полагается продолжаться больше считанных секунд, иначе просто кровь закипит, и сердце разлетится [...] (с. 62).

Особенную слабость Домбровский питает к художникам, обращающимся в своих работах к природе и быту Казахстана. Он сам внес огромный вклад в увековечение очарования этой страны⁴⁹. Наконец, хочется привести фрагмент описания Зеленого базара в Алма-Ате, в котором выразилась художническая натура Домбровского⁵⁰:

В грузовиках арбузы. Они лежат навалом: белые, сизые, черные, полосатые. Над ними изгибаются молодцы в майках и ковбойках — хватают один, другой, легко подбрасывают, шутя ловят, наклоняются через борт к покупателю и суют ему в ухо: «Слышь, как трещит? Эх! Смотри, борода, денег не возьму!» — с размаху всаживает нож в черно-зеленый полосатый бок, раздаётся хруст, и вот над толпой на конце длинного ножа трепещет красный треугольник — алая, истекающая соком живая ткань, вся в розовых жилках, клетках, крупинках и кристаллах [...] (с. 73).

Очерки Домбровского пропитаны радостью человека, нашедшего свое место в жизни. Писатель и его герои преподают своеобразный урок бескорыстия и счастья «несмотря ни на что». Залогом счастья, по Домбровскому, является само наличие таланта и возможность работать: перенести радость открытия на бумагу или холст и ощутить свою причастность к культуре. Счастье для «гонца с факелом» заключается в реализации своих талантов и в выполнении миссии — донести до будущих поколений достижения культуры, сохранить культурное наследие. Домбровский спас «свою Атлантиду», а она многим обязана его научной работе и художественным произведениям.

⁴⁹ «Прежняя Алма-Ата в изображении Домбровского журчит арыками, шелестит листвою, сверкает вечными снегами и млеет от полуденного зноя. Кроме всего этого она еще и пахнет, — пахнетпряно, сильно, одуряюще. Юрий Осипович закрепил на бумажном листе этот чудесный уголок империи подобно живописцу, бросившему краски на загрунтованный холст». См. Н. Кузьмин, *Алма-Атинская повесть...*, с. 74.

⁵⁰ Аниса Зайцева считает, что в этом описании базара «разом сошлись традиции фламандской живописи и русской, особенно гоголевской манеры». См. А. Зайцева, *Художественные искания неофициальной литературы...*, с. 96.

«СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ»...

Monika Knurowska

„SZCZĘŚLIWI LUDZIE”.

OBRAZ ARTYSTY W CYKLU SZKICÓW JURIJA DOMBROWSKIEGO *ГОИЦЫ*

Streszczenie

Przedmiotem refleksji w niniejszym artykule jest obraz artysty w szkicach Jurija Dombrowskiego. Pisarz uważał artystów i, szerzej, twórców kultury, za „ludzi szczęśliwych”. Szczęście dla artysty w jego pojęciu to posiadanie talentu, możliwość rozwoju, uczestnictwo w kulturze. Podjęta została także próba udowodnienia, że bohaterowie zbioru szkiców *Гоицы* są bliscy Dombrowskiemu jako artyście i człowiekowi ze względu na stosunek do sztuki, kultury i sposób postrzegania świata.

Monika Knurowska

“HAPPY PEOPLE”.

THE ARTIST’S IMAGE IN A SERIES OF SKETCHES *ГОИЦЫ*
BY JURIJ DOMBROWSKI

Summary

A matter of reflection in this article is the artist’s image in Jurij Dombrowski’s perspective. The writer considered artists and, more broadly, the culture’s creators as “happy people”. In his point of view, the happiness for artists is to have talent, development opportunities and participation in the culture. Also attempt of proving that the characters in *Гоицы* essays collection are close to Dombrowski as an artist and human, taking into consideration his attitude to art, culture and his worldview, has been made.

СВЕТЛАНА ЛЕЩАК

Университет им. Яна Кохановского в Кельце

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АНИМИЗАЦИИ И ПЕРСОНИФИКАЦИИ НАТУРФАКТОВ В ИДИОСТИЛЕ БОРИСА ГРЕБЕНЩИКОВА

Данная статья представляет собой очередную из цикла, посвященного анализу моделей изображения природы в поэтических текстах российского рок-певца и барда Бориса Гребенщикова (именуемого в российских масс-медиа и критической литературе просто *БГ*). Ранее были рассмотрены три изобразительные модели — прямой презентации природы, транссубстанциализации природных объектов и явлений, а также их денатурализации и артефактуализации¹. Изобразительные модели — это одни из наиболее показательных маркеров художественного идиостиля, который можно понимать как «индивидуальные особенности дискурсивного объективирования значимых для языковой личности идей»².

Изобразительная модель трактуется нами как когнитивно-языковой алгоритм представления в тексте (или в определенном типе дискурсивной деятельности) некоторого интенционального

¹ С. Лещак, *Изобразительная модель трансформации натурфактов в артефакты в художественном идиостиле Бориса Гребенщикова*, «Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach» 2017, № 25, с. 121–136; той же, *Презентативная модель изображения природы в идиостиле Бориса Гребенщикова*, «Acta Neophilologica» 2017, XIX (2), с. 45–56; той же, *Транссубстанциализация натурфактов при изображении природных реалий в идиостиле Бориса Гребенщикова*, «Studia Methodologica» 2017, № 45, с. 135–143.

² Ю.С. Паули, *Анафоническая организация идиостиля Н.А.Бердяева в аспекте взаимодействия сущностных свойств русского языка и философии его носителя* // П.А. Катгышева, С.В. Оленева, Ю.С. Паули (ред.), *Лингвистика как форма жизни*, вып. 2, Ленанд, Москва 2009, с. 141.

содержания. Будучи смешанной единицей языковой системы, совмещающей в себе черты одновременно воспроизводимой (знаковой, в т.ч. прецедентной) и модельной единиц языка (предписания речемыслительного действия), изобразительная модель может и должна рассматриваться в одном ряду с такими единицами, как фразеосхема, фразеосинтаксическая модель и экспликативная модель, тем более, что все они могут входить в состав изобразительной модели как ее функциональные составляющие. Семантической базой каждой изобразительной модели является определенное когнитивно-концептуальное пространство картины мира, кумулирующее информацию о некотором фрагменте опыта, структурированную по принципу релевантности (ценности). Ключевым элементом каждого такого когнитивно-концептуального пространства являются концепты и концептуальные суждения, которые можно обобщить термином *когнитивные прецеденты*. По определению Юрия Степанова, концепт — это

сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [...]. В отличие от понятий в собственном смысле термина [...], концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека³.

К сказанному можно только добавить, что со структурно-онтологической точки зрения концепт может рассматриваться как категориально-понятийное поле, организованное по принципу «ядро–периферия», но сохраняющее при этом признаки категориальной иерархии ядерного понятия. Так, например, в одном когнитивно-концептуальном пространстве могут сосуществовать три различных концепта — «снег», «лед» и «зима», в другом — только два из них или даже только один быть собственно концептом, остальные же могут входить в полевую структуру того или иного концепта как понятийный компонент. Но и это не обязательно, так как, например, понятия льда и снега у Гребенщикова часто входят в качестве составляющих в концепт «весна», поскольку одним из наиболее частотных мо-

³ Ю.С. Степанов, *Константы: Словарь русской культуры*, Академический Проект, Москва 2004, с. 42–43.

тивов у него является весеннее таяние снега или льда, а также весенний ледоход. В идиостилевой картине мира Гребенщикова присутствуют все три этих концепта, но концепты «снег» и «лед» у него несколько более значимы, чем «зима», о чем свидетельствуют их большая частотность и более широкая репрезентативность в различных произведениях поэта. При этом вербальными репрезентациями первого могут считаться не только само существительное *снег*, но и прилагательное *снежный* или существительное *сугроб*, второй может вербализоваться у Гребенщикова как ключевым словом *лед*, так и словами *льдина*, *ледяной* и *гололед*, наконец, вербализаторами третьего — лексемы *зима*, *зимний*, *зимой*, *метель*, *декабрь*, *декабрьский*, *январь* и *февральский*. Именно это обстоятельство не позволяет считать концепты обычными понятиями. Концепты «снег» и «лед» у БГ далеко не всегда маркеры зимы (как было уже сказано, они могут входить в когнитивное поле «весна»). Концепт «снег» часто используется как оппозиция к дождю (Олеся Темиршина дополнительно указывает, что этот концепт у БГ «также входит в семантический ряд ‘просветления’»⁴ и вступает в корреляцию с концептом «след»), в то же время концепт «лед» — как символ холодной прозрачности, хрупкости или неуверенной основы. Именно неоднородная метафоризация позволяет отделять эти понятийные поля и определять их в качестве самостоятельных концептов в той или иной идиостилевой картине мира.

В общей сложности в художественной картине мира Гребенщикова мы выделили свыше 30 концептов натурфактов — явлений и предметов природы⁵. Концептуальное суждение же — это некий стандартизированный мыслительный ход, например, идея отождествления одного явления другому или же идея разделения целого на две части по принципу «внешнее–внутреннее» и подобное. В случае концептов-натурфактов можно усмотреть несколько такого рода суждений: «данное явление / предмет природы — это разновидность / часть другого явления / предмета природы», «данное явление / предмет природы — это совершенно другое яв-

⁴ О.Р. Темиршина, Б.Г.: *логика порождения смысла*, «Русская рок-поэзия: текст и контекст» 2005, вып. 8, <http://japson.ru/gold/books-r/poeza8/05.htm> (19.11.2017).

⁵ С. Лещак, О. Лещак, *Об экспликативных схемах изобразительных моделей (на примере когнитивного пространства «природа» в песнях Бориса Гребенщикова)*, «Studia Methodologica» 2016, № 42, с. 23–35.

ление / предмет природы», «данное явление / предмет природы является артефактуальным», «одно явление / предмет природы похоже на другое явление / предмет природы», «данное явление / предмет природы похоже на артефакт», «явление / предмет природы совершает характерные / нехарактерные для себя действия», «с данным явлением / предметом природы происходят характерные / нехарактерные для него действия», «данное явление / предмет природы обладает характерными / нехарактерными для себя атрибутами» и подобное. Набор концептов, равно как и концептуальных суждений может носить как культурно-цивилизационный, этно- или социокультурный, так и идиостилевой характер. Об этом же пишет и Александр Киклевич:

Прецедентные концепты обладают не только универсальным характером — антропонимическим или этническим, но также социальным и даже индивидуальным. Следовательно, метафорические номинации объектов и состояний вещей часто опираются на групповые стереотипы, особенно профессиональные [...]. Сходная позиция субъекта метафорической концептуализации может считаться проявлением своего рода когнитивного эгоцентризма⁶.

Именно такой когнитивный эгоцентризм поэта Бориса Гребенщикова, воплощенный в форме ряда художественных изобразительных моделей, и стал объектом нашего исследования.

Введение понятия изобразительной модели в данном случае имело целью представление макроалгоритма эстетической презентации в художественном творчестве Гребенщикова природы в ее концептах, ключевых для идиостиля автора. Модели, используемые в разного рода текстах или различными авторами, отличаются не только набором концептов (т.е. семантикой), и способом их художественного изображения (т.е. формой), но прежде всего эстетической прагматикой такого изображения, заключающейся прежде всего в характере концептуальных суждений. В случае поэзии БГ можно сказать, что основная прагматика носит черты не только трансформирования природных сущностей друг в друга и в артефакты, но и в их анимизации (одушевлении) и антропоморфизации (придании им человеческих черт), чему и посвящена данная статья.

Даже когда природа изображается Гребенщиковым непосредственно и с использованием узуальных средств, сам на-

⁶ А. Kiklewicz, *Język. Komunikacja. Wiedza, Prawa i ekonomika*, Мінск 2006, с. 262–263.

бор ключевых концептов («небо», «свет», «вода», «земля», «огонь», «дерево», «звезда», «ветер», «снег», «утро») явно маркирован с прагматической точки зрения. Обобщенный и макропространственный характер подавляющего большинства гребенщиковских концептов, понятийно категоризирующих мир природы, в единстве с явной психологизацией и антропоморфизацией картины мира в целом свидетельствует в пользу трансцендентально-философской прагматики изображения природы в его творчестве. Природа — это глобальная мировая среда, не только и не столько осваиваемая и осмысливаемая человеком, сколько трансформируемая им в понятия, идеи, рукотворные феномены или живые существа, в том числе в некоего матафизического человека. Гребенщиковский человек живет в макропространстве мира, между небом и землей, между светом и тенью, в темноте и пустоте, утром, днем и ночью, весной, зимой и летом, в воде, огне и ветре, под звездами, солнцем и лунной, среди деревьев, трав и цветов, в снегах и льдах, с птицами и зверями. Эти обобщенные, категориальные понятия конкретизируются поэтом лишь изредка. Опираясь такими понятиями как общими категориями и номинируя их разного рода гетеронимическими номинатами, субъект гребенщиковского текста сам становится человеком вообще, как таковым, воплощенным человечеством (хотя и не лишенным своей культурно-цивилизационной специфики, детерминированной мировоззрением самого автора). Природные явления и объекты становятся не только средой человеческой жизни, но и объектом человеческого к ним интереса. Человек их видит, слышит, касается, воспринимает на вкус и запах, манипулирует ими, тем самым постоянно оставляя на них свой след. Он сравнивает их друг с другом, преобразует одни в другие, перемешивает, замещает одни другими, нарушая при этом их природное соотношение во времени и пространстве. Они перестают быть просто натуральной средой, преобразуясь в нечто качественно новое, отмеченное человеческим присутствием.

Однако все это в ранее рассмотренных моделях было, скорее, имплицитно. Присутствие человека можно было обнаружить в изображаемых явлениях и предметах природы путем дополнительного семантического анализа. Но в арсенале гребенщиковского художественного идиостиля есть модель, в которой такое анимизированное и антропоморфизированное видение

природы представлено явно. Именно на ней мы хотим сосредоточить внимание в данной статье. В данную модель мы включаем не только случаи прямого или косвенного приписывания натурфактам свойств и характеристик человека (антропоморфизации и персонификации), но и менее частые у БГ случаи зооморфизации и общей анимизации (когда сложно определить, с каким именно живым существом отождествляется или идентифицируется натурфакт).

В пределах данной изобразительной модели можно выделить несколько более конкретных, специализированных экспликативных схем (т.е. фразеомоделей формализации представления изображаемых объектов). В случае анимизированного изображения природы у БГ можно говорить о четырех таких формально-логических алгоритмах:

- анимизации натурфактов через прямое сравнение или непосредственное отождествление их с живыми существами,
- представление натурфактов как субъектов действий, характерных живым существам и тем самым присвоения им свойств живых существ,
- аналогичное приписывание им антропных характеристик, но в роли адресатов внешнего воздействия,
- атрибуирование натурфактов чисто антропными или анималистическими характеристиками (определениями).

Рассмотрим каждую из них в отдельности.

ЭКСПЛИКАТИВНАЯ СХЕМА СОПОСТАВЛЕНИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ НАТУРФАКТОВ С ЛЮДЬМИ ИЛИ ЖИВОТНЫМИ

Это самая простая и весьма немногочисленная в плане экземплификации схема. Здесь всего две разновидности анимизационных процедур:

— сравнение натурфакта с живым существом (через употребление сравнительной конструкции или предикации сравнения): «земля лежала, как невеста»; «ветер, он в чем-то похож на меня»; «голубь был похож на тебя»; «океан пел, как лошадь, глядящая в зубы коню», «время беспощадно, оно как волчица»,

— метаморфоза натурфакта в живое существо (через именное предикацию): «северный ветер мой друг»; «полночь, наш

друг»; «когда ночь была девочкой»; (дерево) «ты ребенок земли и воды». «орешник будет судьей».

При такой низкой продуктивности сложно говорить о характерных концептах (повторяются лишь «ветер», «ночь» и «дерево») или характерных понятиях человека в качестве объекта сопоставления или отождествления (ты/я, друг, ребенок/девочка). Лишь в одном примере наблюдается зооморфизация (время как волчица). Пример «океан пел, как лошадь, глядящая в зубы коню» мы отнесли к антропоморфизации на том основании, что здесь лошади дважды приписаны явно человеческие функции — петь и заглядывать в зубы дареному коню.

ЭКСПЛИКАТИВНАЯ СХЕМА АНИМИЗАЦИИ СУБЪЕКТНЫХ СВОЙСТВ НАТУРФАКТА

Это гораздо более обширная в экземпликативном отношении схема, что не должно удивлять, ведь приписывание явлениям и объектам природы свойств и характеристик живых существ автоматически провоцирует их представление как субъектов самого разного рода процессов. Живому существу гораздо более присуща роль субъекта действия, особенно если речь идет о действиях психофизиологического, психокогнитивного или социокультурного планов. Если сравним этот прием с рассмотренными ранее (в моделях транссубстанциализации и артефактуализации), то окажется, что в первом случае было отмечено всего около 10 примеров, в которых натурфакт выступал в роли субъекта действия, а во втором таких примеров не было вообще (что естественно, ведь артефакты как продукты человеческой деятельности мыслятся в основном как продукты, инструменты или материал человеческого действия).

Представим данную схему с учетом концептуальной семантики (представим пять наиболее фреквентных репрезентаций отдельных концептов):

ветер

«ветер проходит мимо»; «ветер смеялся с небес»; «ветер узнал нас»; «ветер любви не знает стона стен»; (ветер) «хранит то, что скрыто»; «ветер играл стеклянными струнами»; «ветер танцует на 'роудс энд парк'»; «ветер, который сорок лет учил меня петь»; (ветер) «разбудит меня»; «ветер даст нам новое имя»; «ветер вернет нам глаза»;

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АНИМИЗАЦИИ...

небо

«но что в том небесам»; «небо и эта луна ночью не остановят нас»; «кто из нас более любим этим небом»; «небо сказало мне»; «небо и земля работают под музыку рэггэ»; «священный союз земли и неба»; сюда же можно отнести также пример «хоть звездой подмигни», в котором хотя и не эксплицировано понятие неба, но имеется в виду представление неба как лица человека;

дерево

«о деревьях, что спят»; «деревья знают секрет»; «деревья слушали их»; «деревья продолжают их слушать»; «деревья молчат»; «свои законы у деревьев и трав»; «ты (дерево) услышишь мой взгляд [...] ты слышишь меня», «ветви еще не проснулись»;

камень

«камни, держащие мир»; «каждый камень помнит твой след»; «камни делают вид, что спят»; «молчание камней»; (каменный уголь) «не стал бы вести беседы с тобой»; «коррарский мрамор не стал бы смотреть тебе вслед»;

луна

«пусть гуляют там солнце и луна»; «луна глядит на меня, как совесть»; «небо и эта луна ночью не остановят нас»; «луна, успокой меня»; «луна и солнце не враждуют на небе»;

Семантическую основу данной схемы составляют, как видно, концепты «ветер», «небо», «дерево», «камень» и «луна», в меньшей степени — «звезда», «земля», «ночь», «вода» и «птица». Если же оценивать ее с точки зрения приписываемых данным натурфактам действий, то чаще всего мы имеем здесь дело с пятью группами процессов, характерных для человека: общение (молчать, отвечать, сказать, петь, читать, слушать), социальные интеракции (учить, целовать, мирить, враждовать и под.), когнитивные процессы (знать, узнавать, помнить, томиться и др.), предметно-манипулятивные и физиологические действия (работать, брать, стучать, проходить, подмигивать, кружиться, сжигать и под.) и физиологические состояния (лежать, спать, проснуться, глядеть и др.). В первых четырех случаях можно говорить не только об антропоморфизации, но и о персонификации натурфактов, и только последняя группа может трактоваться как несобственно антропологизирующая, поскольку эти же действия могут быть приписаны и животным.

ЭКСПЛИКАТИВНАЯ СХЕМА ПЕРСОНИФИКАЦИИ ОБЪЕКТНЫХ СВОЙСТВ НАТУРФАКТА

В данной схеме натурфакты представляются как испытывающие на себе действия, обычно (в узусе и здравом рассудке) отно-

сящиеся к людям. Речь о таких действиях, как общение с каким-то субъектом или же проявление к нему чувств и оказание ему знаков внимания:

«вопросами к небесам»; «я прошу воду»; «он говорил с водой»; «но я пою ветру о солнце»; (пою) «солнцу о полной луне»; «спасибо ветру в моих парусах»; «лицом к лицу с твоей тенью»; «я кланяюсь гаснущим звездам»; «я учусь у Луны»; «Достоевский, что крестил дельфинов [...] они так и не поняли, что он имеет в виду»; «задыхаясь от нежности к этому небу и к этой земле»; «из уваженья к огню»; «я ставил весь мир по местам»; «луна, я знаю тебя».

С концептуальной точки зрения здесь наблюдается гораздо больший разброс, чем в предыдущем случае («вода», «ветер», «небо», «луна», «солнце», «земля», «звезда», «огонь» и «тьень»). Низкая продуктивность модели не позволяет сказать, каким концептам поэт отдает здесь предпочтение. Единственное, на что стоит обратить внимание, это сам набор концептов, большинство из которых входит в десятку наиболее частотных для идиостиля Гребенщикова. Что касается базовой семантической характеристики, служащей орудием антропоморфизации, то абсолютно доминирующей здесь является идея общения с натурфактом (вопросы к кому-то, говорить с кем-то, просить и понимать кого-то, петь кому-то, лицом к лицу с кем-то, кланяться кому-то, спасибо кому-то и в определенной степени учиться у кого-то).

ЭКСПЛИКАТИВНАЯ СХЕМА АНТРОПОМОРФИЗАЦИИ И ЗООМОРФИЗАЦИИ АТТРИБУТИВНЫХ СВОЙСТВ НАТУРФАКТА

Последняя схема в данной изобразительной модели — это схема анимизации природных объектов и явлений путем приписывания им атрибутов людей и животных. Это осуществляется обычно через словосочетание согласования, в котором роль атрибута выполняет прилагательное со значением анимистического или антропного признака, а также сочетание управления, где анимистический признак содержится в управляющем члене, а роль управляемого члена выполняет название натурфакта. В последнем случае управляющий член такого сочетания обозначает какую-то часть или какое-то свойство, приписываемое натурфакту. Реже используется предикативная схема с имен-

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АНИМИЗАЦИИ...

ным сказуемым в роли анимистического атрибута («земля станет мертвой»). Встречаются также единичные случаи сочетаний управления, в которых сами натурфакты используются в качестве понятий, атрибутированных артефактуальными именами («небо на цепи», «снега любви»).

Представим материал также в концептуальном плане (приведем только первых пять концептов):

небо

молчащее, бешеное; вожжа / прицел (небес): небо на цепи;

луна

звериная, подпольная; слова / тайная милость / корабли (луны);

дерево

за спиной (у дерев); вакханалия (белых берез); песня (яблоневых ветвей); к девственности (майских ветвей);

земля

флейта / кости (земли); станет мертвой;

звезда

след (звезд); стакан молока (от звезд); ясная, как твой смех;

Как видно, чаще всего способом атрибутирования антропоморфизируются у Гребенщикова концепты «неба», «луны» и «дерева», а наиболее частотными антропными (персоналистическими и антропоморфными) чертами при этом являются человеческие чувства, отношения, черты характера и поступки (*любовь, нежность, милость, мудрый, окаянный, бездарный, вакханалия* и под.), коммуникативные феномены и функции (*слово, крик, шепот, песня, молчащий*), артефакты как вещи, принадлежащие человеку (*дом, флейта, корабль, меч, прицел, вожжа* и под.), части тела и экзистенциальные признаки (*сердце, спина, кости, мертвый, убитый* и пр.). Последняя группа может трактоваться и как антропоморфизация, и как анимизация в целом, поскольку эти же характеристики обычно приписываются и животным. Кроме этого здесь встречаются и чисто зооморфные атрибуты — «на цепи», «крылья», «молоко (от)», «бешеный» и др.

* * *

Подводя итог, можно отметить, что чаще всего к приему анимизации (обычно в версии персонификации или антропоморфи-

зации) Гребенщиков в своих песенных текстах прибегает в случае изображения концептов «ветер», «небо», «дерево», «луна», «земля», «вода» и «звезда», в то время как наиболее частотными персонифицирующими факторами у него становятся: общение с природными явлениями и объектами, проявление к ним чувств, которые обычно проявляются к людям, а также наделение их чисто личностными свойствами. Обратим внимание на то, в каких одушевленных ипостасях предстают в произведениях БГ эти натурфакты.

«Небо» обычно у Гребенщикова персонифицируется: оно может иметь свое мнение, может любить людей, которые в ответ могут испытывать к нему нежность, может разговаривать с людьми, которые к нему обращаются с вопросами, но может и молчать, может останавливать людей, подмигивать им, может работать под музыку, держать вожжи или целиться, заключать союз с землей. Реже небо предстает в виде собаки, сидящей на цепи, или же бешеной собаки.

«Земля» же, которая обычно у БГ выступает в роли антагониста неба, может вступать с ним в союз и вместе с ним работать, может быть невестой или матерью, может быть адресатом чувств со стороны человека, может молчать, у нее могут быть собственные потребности, у нее может быть собственная флейта и она может умереть. Кроме того в ее организме есть кости, как у людей, зверей и птиц.

Наиболее активным «лицом» в художественной картине мира Гребенщикова является «ветер». Он похож на лирического героя, более того, является его другом или учителем, он может знать что-то и узнавать кого-то, смеяться, хранить, играть, танцевать, будить человека, давать ему имя или излечивать его, он может проходить мимо, может выслушивать от человека песни или выражения благодарности, может нести людям любовь.

Еще одним активным субъектом в описываемой концептосфере является «дерево» (в разных его проявлениях). Оно может спать и просыпаться, знать секреты, слушать кого-то и молчать или петь песни, у него могут быть свои законы, но оно само может становиться судьей, оно может быть девственным, но может и участвовать в вакханалиях, как и у человека, у него есть спина, за которой может что-то происходить.

Следующая «личность» гребенщиковского одушевленного мира природы — это «луна», не враждующая с солнцем и гуля-

ющая с ним по небу, она может сказать слово, остановить человека, но может просто глядеть на него с укором или проявлять к нему свою тайную милость, а в случае необходимости может его успокоить, ее можно знать, у нее можно учиться. Она может активно включаться в политическую жизнь и уходить в подполье или же обладать своими кораблями. И лишь однажды БГ зооморфизирует луну, определяя ее как «звериную».

«Вода», в свою очередь, может знать человека, испытывать к нему нежность, активно с ним общаться, она может очищать людей, и у нее, как у всех живых существ, могут быть свои дети (деревья).

Наконец, последним концептом, входящим в ядро гребенщиковского когнитивного пространства природы, является «звезда». Которая может постучать человеку в дверь, разговаривать с ним, сказать ему что-то, ответить на его вопрос, у нее есть своя судьба, они заслуживают поклона, а их свет напоминает человеческий смех. В то же время изредка звезды у БГ обретают свойства животных, оставляя следы и давая молоко.

Изображенный таким образом мир природы предстает у поэта как равноправный партнер человека и как полноценный субъект социального мира, человек же вовлекается в мир природы на собственных, антропных основаниях. Фактически поэт стирает грань между природой и социокультурным пространством, вовлекая природу в человеческую жизнь не только как продукт, инструмент и материал деятельности человека, но и как члена человеческого сообщества. Отдельно можно обсуждать проблему мифотворческого характера антропоморфизации и персонификации природы у Гребенщикова. Такую версию прочтения изображения природы поэтом предлагает Нина Шогенцукова, которая считает, что стирание грани между миром природы и миром человеческой культуры вполне вписывается в категорию тождества в древнекитайской философии, которой всегда был увлечен поэт:

Категория тождества — одна из главных в жизнеустройстве макрокосма Б.Г. Четыре стихии, перетекающие друг в друга, вода, огонь, воздух, земля — основа миропорядка. Самые обычные, во всяком случае земные, явления, предметы [...] оказываются знаками запредельного. [...] Это универсальное, вселенское — своего рода мировая гармония, законы которой, по убеждению Б.Г., невозможно выразить словами⁷.

⁷ Н.А. Шогенцукова, *Миры за гранью тайных сфер*, «Русская рок-поэзия: текст и контекст» вып. 4, <http://japson.ru/gold/books-r/poeza4/13.htm> (19.11.2017).

О философском символизме гребенщиковской концептосферы природы и скрытых смыслах его натурфактуальных символов пишет и Светлана Толоконникова⁸. С этими трактовками отчасти можно согласиться. Действительно, мир природы у БГ многомерен и его совершенно правомочно рассматривать с учетом культурно-исторического символизма. Однако даосистская идея всеединства (которая, как известно, также близка БГ) не предполагает категории «запредельности» или трансцендентности. Напротив, единство человека и мира предполагает отсутствие границ, полную имманентность мира. У Гребенщикова же суть взаимопроникновения миров предполагает их качественное различие.

Swietłana Leszczak

ANIMIZACYJNY I PERSONIFIKACYJNY MODEL OBRAZOWANIA PRZYRODY
W IDIOSTYLU BORYSA GRIEBIENSZCZIKOWA

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony analizie jednego z modeli obrazowania realiów charakterystycznego dla idiosylu poetyckiego rosyjskiego muzyka rockowego Borisa Griebienszczikowa, mianowicie modelu animizacji i personifikacji zjawisk i przedmiotów przyrody. Autorka wyróżnia kilka modeli eksplikacji i przedstawia ich rolę w artystycznej prezentacji naturalistycznych konceptów, najbardziej relewantnych dla estetycznego obrazu świata poety.

Svetlana Leshchak

A PICTORIAL MODEL OF ANIMIZATION AND PERSONIFICATION OF NATURE
IN BORIS GREBENSHCHIKOV'S IDIOSTYLE

Summary

The paper focuses on the analysis of one of pictorial models that are characteristic of Boris Grebenschchikov's idiosyle — the model of animization and personification of natural phenomena and natural objects. The author distinguishes particular explicational schemes and presents their role in artistic presentation of the concepts of nature, which are key to poet's aesthetic picture of world.

⁸ С. Ю. Толоконникова, *Солнце Б. Гребенщикова в «Любимых песнях Рамзеса IV»*, «Русская рок-поэзия: текст и контекст», 2003, вып. 7, <http://japson.ru/gold/books-r/poeza7/23.htm> (19.11.2017).

JUSTYNA PISARSKA
Uniwersytet Jagielloński

ROSYJSKA TOŻSAMOŚĆ POSTKOLONIALNA (*JESTEM CZECHENEM GERMANA SADUŁAJEWA*)

1.

German Sadułajew — „wyjęty spod prawa” rosyjsko-czeczeński pisarz. Urodził się w 1973 roku we wsi Szali, należącej wówczas do Czeczeńsko-Inguskiej Autonomicznej Republiki Radzieckiej. Dzisiaj to Republika Czeczeńska, stanowiąca nieco ponad jeden procent terytorium Federacji Rosyjskiej. W 1989 roku wyjechał do Leningradu, gdzie podjął studia prawnicze i gdzie mieszka do dziś. Wielu wyrzuca mu, że nie wrócił do kraju, gdy wybuchła wojna. Na te zarzuty pisarz odpowiada w jednym ze swoich utworów:

Powiadają, że osioł, który stał w cieniu, nie zechce już pracować w słońcu. My nie wrócimy do Czechenii. Moskiewscy, peterscy, omscy, jarosławscy, woronescy, saratowscy, astrachańscy, permscy i Bóg wie jacy jeszcze Czecheni. Rosyjscy Czecheni. Przywykliśmy do życia tutaj. Nawet zaszczuci, inwigilowani, nieprzyjmowani do pracy, nierejestrowani na milicji, a potem łupieni przez tę milicję za brak rejestracji, mimo wszystko zostajemy. I to nie tylko ci, na których los spojrział łaskawie, którzy się wzbogacili i odnieśli sukces. Także ci, którzy poniewierają się po wynajmowanych mieszkaniach, ledwie wiążąc koniec z końcem¹.

Debiutował dość późno, bo dopiero w 2005 roku książką *Одна ласточка еще не делает весны*. Zaledwie rok później (2006) opublikował *Я — чеченец! (Jestem Czechenem)*. Dwie kolejne powieści Sadułajewa — *Таблетка* (2008) i *Шалинский рейд* (2010) — znalazły się w finale nagrody „Rosyjski Booker”. Ostatnia dotarła również

¹ G. Sadułajew, *Jestem Czechenem*, przeł. K. Rawska-Górecka, W. Górecki, Wydawnictwo Czarne, Wołowiec 2011, s. 33. Cytaty przytaczam z tego wydania, strony podaję w nawiasach.

do finału nagrody „Bolszaja kniga”, jednak żadnej z nich nie otrzymał. Sadułaew jest aktywnym publicystą, a jego poglądy, nie tylko polityczne, które chętnie wygłasza podczas publicznych wystąpień, są szeroko komentowane. W 2010 roku pisarz udzielił słynnego już wywiadu² gazecie „Комсомольская правда”, w którym mówił, między innymi, o moralnym upadku czeczeńskiej młodzieży. Po tej wypowiedzi prezydent Czeczenii Ramzan Kadyrow ogłosił w ogólnokrajowej telewizji, że Sadułaew nie jest ani Czeczenem, ani muzułmaninem, nie jest nawet człowiekiem „если вот такие вещи пишет”³. A pisze o sprawach trudnych, bo o zawiłych relacjach Rosji i mieszkańców Kaukazu, o doświadczeniu czeczeńskich nieszczęść, począwszy od Kaganatu Chazarskiego, poprzez wojny kaukaskie, wyprawy mongolskie, chrześcijaństwo, deportację narodu przez Stalina (operacja Soczewica⁴) aż do czasów najnowszych — o konfliktach zbrojnych w latach 1994/1995 i 1999/2000. Wysoce niejednoznaczna proza Sadułaewa pełna jest odniesień do kultury kaukaskiej, zwyczajów panujących wśród Czeczenów⁵, nie wspominając już o roli, jaką w twórczości tego pisarza odgrywają góry⁶ i przyroda. Oczywiście Sadułaew nie jest jedynym pisarzem, którego zajmuje tematyka czeczeńska. Znane są przecież współczesnej literaturze rosyjskiej książki, chociażby Władimira Makanina — *Кавказкий пленник* (1995), *Асан* (*Asan*, 2008), Zachara Prilepina — *Патологии* (*Patologie*, 2005), Mariny Achme-

² Г. Садулаев, *Известный писатель Герман Садулаев: „Главная проблема Чечни — не терроризм, а секс”*, wywiad przepr. Д. Стешин, „Комсомольская правда”, <https://www.kp.ru/daily/24580.5/750790/> (10.03.2019).

³ «[Т]якого писателя у нас нет, во-первых. А во-вторых, он если вот такие вещи пишет, он не чеченец и даже не мусульманин, даже не человек», С. Львовский, *Дети равнины: Герман Садулаев как постсоветский и (пост)колониальный писатель*, „Новое литературное обозрение” 2017, № 144.

⁴ Od 23 lutego 1944 do 9 marca 1944 — operacja przeprowadzona w celu deportacji Czeczenów i Inguszy z terytorium Czeczeńsko-Inguskiej ASRR do Azji Środkowej i Kazachstanu.

⁵ „Według czeczeńskiego obyczaju, nawet jeśli naprzeciw siebie stają z obnażonymi kindżałami dwaj śmiertelni wrogowie, zakładnicy rodowej wendety — kobieta, rozpuściwszy włosy i rzuciwszy pomiędzy mężczyzn chustę, przerywa walkę” (s. 22); „Całe Szali czuło się wobec Duńki winne, bo tu ją zgwałcono, i wstydziło się, że gwałcieł pozostał żywy, czyli zgodnie z prawem gór — nieukarany” (s. 45).

⁶ „Góry na nas czekają dlatego żyjemy na równinie, nie zaszywamy się pod ziemią jak krety i nie wzlatujemy do nieba jak jaskółki, mieszkamy wzdłuż pochyłych brzegów mętnej rzeki. Przecież jeśli przyjdzie nieszczęście, zawsze możemy odejść w góry. Tam każdy ród ma swoją skałę, na skałę stoi wieża, jest wysoka, niedostępna, ze strzelnicami [...]. Kiedy czas na bój, żaden wojownik nie jest zbędny. Jeśli przyjdzie nieszczęście, możemy odejść w góry (s. 24).

dowej — *Дневники смертницы: Хадиджа* (*Musiałam umrzeć*, 2011; finalistka nagrody „Rosyjski Booker”) czy *Муравей в стеклянной банке. Чеченские дневники 1994–2004* (*Mrówka w słoiku. Dzieniki czeczeńskie 1994–2004*, 2014) Poliny Żerebcowej⁷. Jednak tym, co wyróżnia prozę Sadułaiewa spośród innych komentujących sytuację czeczeńską, jest, jak podkreśla Stanisław Lwowski w artykule *Дети равнины: Герман Садулаев как постсоветский и (пост) колониальный писатель*⁸, reprezentowanie poglądów Innego oraz postkolonialny charakter tej prozy. To właśnie temu aspektowi jego twórczości poświęcę tutaj nieco uwagi. Spróbuję wyjaśnić, dlaczego prozę Sadułaiewa nazywam postkolonialną. Uważam to za konieczne, gdyż, jak słusznie podkreśla jeden z badaczy:

Z czasem teoria postkolonialna stała się dość wygodnym wytrychem do otwierania wielu drzwi — wypracowane przez nią instrumentarium pojęciowe i teoretyczne zaczęto aplikować do najróżniejszych sytuacji, kiedy nawet samo pojęcie teorii postkolonialnej stało się metaforycznym panaceum służącym diagnozie i terapii chorób o etiologii zupełnie odmiennej od tych, które zrodziły koncept Franza Fanona, Edwarda Saïda, Homiego Bhabhy i podążających za nimi licznych pomysłowych i pracowitych badaczy kultur postkolonialnych *sensu stricto*⁹.

Równie zdecydowane stanowisko w tej kwestii zajmuje Madina Tłostanowa — filozofka i kulturolożka, jedna z nielicznych rosyjskich intelektualistek zajmujących się teorią postkolonialną w przestrzeni postsowieckiej. W niezwykle interesującym artykule *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność, czyli co robić po końcu historii?*¹⁰ Tłostanowa stanowczo sprzeciwia się prostemu wykorzystaniu narzędzi teorii postkolonialnej do analizy tej sfery życia Rosji. Jej zdaniem działanie zewnętrznych odmian imperialności i brak obycia z badaniami kulturowymi skłania wielu postsowieckich intelektualistów do błędnego „kodowania różnych odmian postaw

⁷ Na podstawie tej książki Iwan Wyrupajew wyreżyserował spektakl teatralny, w którym główną rolę zagrał Andrzej Seweryn, <https://www.1944.pl/artykul/spektakl-teatralny-dziennik-czeczenski-polin,4683.html> (10.03.2019).

⁸ С. Львовский, *Дети равнины...*

⁹ P. Fast, *Władza — etyka — egzystencja (uwagi o powieści Piotra Aleszkowskiego „Twierdza”)*, w: tegoż, *Uroki rosyjskiego. Szkice o książkach i pisarzach*, Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych—„Śląsk”, Katowice 2018, s. 200–201 (zob. rosyjską wersję tego tekstu w tym numerze „Przeglądu”).

¹⁰ M. Tłostanowa, *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność, czyli co robić po końcu historii?*, przeł. P. Fast, „Er(r)go” 2015, nr 31, s. 145–155.

imperialnych jako postkolonialnych”¹¹. Co więcej, Tłostanowa uważa, że studia postkolonialne, wyrosłe na subiektywno-objektywnym dualizmie, badają kolonializm i jego konsekwencje, nie zaś kolonialność. Dla zastosowania teorii postkolonialnej do analizy przestrzeni postsowieckiej czyni wszelako jeden wyjątek. Jest nim przypadek nieeuropejskich i niechrześcijańskich kolonii ZSRR, gdzie, jak wyjaśnia badaczka, obserwujemy nagromadzenie wszystkich możliwych tematów postkolonialnych, tj. misja cywilizacyjna, europocentryzm, orientalizm czy językowy kolonializm¹² itp.

Biorąc pod uwagę to stanowisko, należy stwierdzić, że postkolonialnych „atrakcji” w twórczości Sadułajewa jest aż nadto. Oczywiście nie zdołam tu szczegółowo omówić wszystkich. Niektóre z nich jedynie zasygnalizuję — staną się one materiałem do późniejszych rozważań. Skupię się natomiast na podwójnym charakterze kwestii tożsamościowej, będącej udziałem człowieka, który z powodu zawilej sytuacji historycznej i rodzinnej sam nie jest w stanie określić czy jest Czeczenem, czy Rosjaninem.

2.

Jako materiał tego wywodu posłuży książka *Jestem Czeczenem* (2006), która składa się z dziewięciu opowieści¹³, tworzących swojego rodzaju dziennik przeżyć wewnętrznych autora. To historie o szczęśliwym dzieciństwie w wiosce Szali, która została zniszczona przez bomby w czasie czeczeńskich wojen, o miłości do ojczyzny wyrażającej się w niezwykłym przywiązaniu do ziemi i krajobrazu, o narodowej dumie, o tradycji, o tym, jak trudno jest być Czeczenem, i jak po wojnie można żyć wśród Rosjan. Pierwsza opowieść zatytułowana *Jedna jaskółka wiosny nie czyni* (*Одна ласточка еще не делает весны*) to poetycki monolog Czeczena, którego matka w alegoryczny sposób została porównana do Ojczyzny, a losy obu okazują się nierozdzielnie ze sobą związane. Są to niezwykle szczegółowe opisy wojennych przeżyć. Na przykład historia oblężanego Ibraszki, który

¹¹ Tamże, s. 153.

¹² Tamże.

¹³ 1. *Одна ласточка еще не делает весны. Осколочная повесть*; 2. *Почему не падает небо Венок сонетов*; 3. *Когда проснулись танки*; 4. *Сумасшедшая драгоценность*; 5. *Пионервожатый*; 6. *Пост № 1*; 7. *День победы*; 8. *Снафф*; 9. *Двери небес*.

pewnego dnia wyszedł ze schronu, żeby przynieść dzieciom wody. Nie wiedział, że we wsi trwała pacyfikacja. „Podziurawili go z automatów ruscy żołnierze” (s. 44). Albo opis działania fali uderzeniowej bomby próżniowej, której chmura podczas formowania dostaje się do okopów, kryjówek i schronów, co zwiększa zdolność rażenia. „Każdy budynek rozpada się jak domek z kart. O tym, co się dzieje z ludźmi, trudno mówić, wnętrzości wypływają z ciała wszystkimi naturalnymi otworami” (s. 70). Druga opowieść *Dlaczego niebo nie spada* (*Почему не падает небо*) to niezwykle bliskie nastrojowi opowiadań Szałamowa historie krewnych i przyjaciół autora, zwykłych ludzi, którzy zginęli w czasie wojny, a którzy nawiedzają go w snach. *Kiedy zbudziły się tanki* (*Когда проснулись танки*) to z kolei opowieść o dzieciństwie, o dwóch przyjaciółach, z których wojna uczyniła wrogów. Jednak kulminacja wszystkich emocji następuje w opowieści *Dzień Zwycięstwa* (*День победы*), będącej historią dwóch towarzyszy broni — Rosjanina i Czeczena — którzy po wojnie zamieszkali w Tallinnie, a którzy, nie bacząc na upadek państwa, którego bronili, na wszelkie krzywdy, które im to państwo uczyniło, postanowili wspólnie świętować sześćdziesiątą rocznicę Dnia Zwycięstwa. W barze wdają się w nierówną bójkę z młodymi faszyzującymi Estończykami i zostają zabici, podobnie jak i ich koledzy, którzy zginęli na polu bitwy.

Jestem Czeczenem nie posiada fabuły w znaczeniu klasycznym. To raczej seria fragmentów, które można nazwać okruchami pamięci silnie powiązanymi funkcjami opowiadania. Konstatacja ta jest ważna nie tylko dlatego, że jak pisze Dorota Kołodziejczyk:

Refleksja nad pamięcią — nad jej wyłanianiem się, produkcją, dystrybucją, polityką, formami i rolą — powinna być, jak można by się spodziewać, od dawna i stale obecna w studiach postkolonialnych¹⁴,

ale przede wszystkim dlatego, że to właśnie pamięć, a dokładnie jej formy zmieniają oblicze dyskursu historycznego, a tym samym i dyskursów tożsamościowych. W obrębie badań krytycznoliterackich aspekt ten realizuje się poprzez stawianie pytań o to, jakie formy pisarstwa powstają, gdy pojawia się kwestia traumy, utraty i wykoźnienia, gdy pojawia się doświadczenie przełomów historycznych,

¹⁴ D. Kołodziejczyk, *Postkolonialne odzyskiwanie pamięci: zawłaszczenia, fabulacje, niesamowite dopominanie*, w: T. Szostek, R. Sendyka i R. Nycz (red.), *Od pamięci biodziedzicznej do postpamięci*, Wydawnictwo IBL, Warszawa 2013, s. 278.

tj. wojna i pozostawiane przez nią formy pamięci indywidualnej oraz zbiorowej. Lwowski podkreśla, że w utworze Sadułajewa pamięć staje się źródłem trwogi i napięcia, a bohatera-narratora często prześladowają apokaliptyczne wspomnienia deportacji z 1944 roku i dwóch wojen czecheńskich.

Niewątpliwie kolejnym tematem postkolonialnych rozważań w prozie Sadułajewa jest nostalgia¹⁵, która, jak z kolei zapewnia Dennis Walder w artykule *Postcolonial Nostalgias: Writing, Representation, and Memories*¹⁶, ujawnia się poprzez doświadczenie ponadkulturowego i ponadnarodowego konfliktu i migracji. Nostalgia Sadułajewa i towarzysząca jej melancholia nie posiadają jednoznacznej natury, a ich źródła są liczne i różnorodne¹⁷. Nie ma jednak wątpliwości, że bohaterowie jego książek nie tęsknią za kolonialną przeszłością swojego kraju, ale za dawno utraconym, choć wciąż pożądanym, szczęśliwym i niewinnym dzieciństwem, zniszczonym wspólnymi wysiłkami władzy kolonialnej i mieszkańców dzikich aulów („na iczkeryjskim kanale telewizyjnym szalał wąsaty führer Dudajew”, s. 164–165). Owa nostalgia, widoczna przede wszystkim w licznych wspomnieniach z dzieciństwa, obciążona jest dodatkowo niesłabnącym poczuciem utraty i winy, które zazwyczaj stają się udziałem tych, którzy przeżyli konflikty zbrojne. Ale jak podkreśla Lwowski, jest to przede wszystkim nostalgia za poczuciem pełni własnej tożsamości, nawet jeśli ta pełnia nigdy nie istniała lub była jedynie iluzją. Bohaterowie Sadułajewa dorastali w czasach ZSRR, a okres dzieciństwa zazwyczaj kojarzy się ze szczęściem, nawet jeżeli szczęśliwy nie był.

3.

Jak zauważa Madina Tłostanowa, w nieeuropejskich i niechrześcijańskich koloniach ZSRR bardzo wyraziście manifestuje się podstawowy dla kolonializmu czynnik, niestety niemal całkowicie pomijany w próbach zaadaptowania teorii postkolonialnej do warunków postsowieckich, czyli czynnik rasowy¹⁸. Według badaczki, w Rosji rasa

¹⁵ С. Львовский, *Дети равнины...*

¹⁶ D. Walder, *Postcolonial Nostalgias: Writing, Representation, and Memories*, https://www.researchgate.net/publication/47343400_Postcolonial_Nostalgias_Writing_Representation_and_Memory (10.03.2019).

¹⁷ С. Львовский, *Дети равнины...*

¹⁸ M. Tłostanowa, *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność...*, s. 153.

nie jest definiowana za pomocą koloru skóry czy czystości krwi, lecz za pomocą cech etnicznych, religijnych, kulturowych i językowych¹⁹. O tym sposobie myślenia pisze Sadułow w *Jestem Czeczenem*, gdzie czytamy:

W czasie pierwszej wojny czeczeńskiej, bliżej niechlubnego dla Rosji końca, mieszkałem w Petersburgu. Nie miałem rejestracji, ale nieszczęśliwie się tym martwiłem. Dzięki mojej europejskiej powierzchowności patroli nie zatrzymywały mnie na ulicy. Nieszczęśliwi milicjanci, nikt nie wyposażył ich nawet w elementarną wiedzę na temat czeczeńskiego typu antropologicznego. W poszukiwaniu terrorystów zatrzymywali „osoby narodowości kaukaskiej”. Jeżeli serio z kimś wojujecie, powinniście go chociaż trochę poznać. Większość Czeczenów jest narodowości niekaukaskiej (s. 35).

Jak dalej zapewnia Tłostanowa, w Rosji postkolonialna perspektywa badań odnoszących się do rasy dotyczy osób „transdiasporalnych”, tzn. takich, które posiadają mieszane korzenie etniczne, lecz nie są przywiązane do konkretnego miejsca lub języka²⁰. Pierwszy warunek bez trudu realizują bohaterowie Sadułow obdarzeni biografią pisarza — syn Czeczena i Rosjanki, a dokładniej Terskiej Kazaczki z Kaukazu Północnego. Pozostałe założenia spełnia sam autor, który przyznaje, że myśli w trzech językach: rosyjskim, czeczeńskim i angielskim:

Я думаю на трех языках: английском, чеченском и русском. На английском лучше думать о бизнесе: для того смысла, который передается шестью английскими словами, в русском языке потребуется три предложения. На чеченском — о родных, о дружбе или, наоборот, о вражде. В нем есть такие тонкие оттенки долженствования, которые русский язык не отражает. Обо всем остальном я думаю на русском²¹

Natomiastm zapytany o powrót do Czeczeni, odpowiada: „Я не уезжал оттуда навсегда, не прерывал своих связей. У меня там дом, в доме живет отец, и я к нему езжу. Там мои корни и моя Родина”²². Dziś Sadułow uważa się przede wszystkim za mieszkańca megalopolis, co oznacza, że nie jest przywiązany do żadnego konkretnego miejsca: „Я живу в Петербурге, езжу в Москву, живу в Европе. Сейчас думаю завести себе дачу в Эстонии. Я живу в мире. Как и все обитатели Москвы или Петербурга”²³.

¹⁹ Tamże.

²⁰ Tamże.

²¹ <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/8566> (15.03.2019).

²² <https://www.kp.ru/daily/24580.5/750790/> (15.03.2019).

²³ Tamże.

Według kolejnych ustaleń autorki *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność...* brak możliwości uzyskania przez podmiot kolonialny równych praw w zakresie chociażby edukacji czy samorealizacji (granice, mury i szklane sufity) doprowadził do zrodzenia się tzw. sowieckiej tożsamości kolonialnej. Jej powstanie wynika również z tego, że w Rosji wciąż nie dopuszcza się idei narodowości obywatelskiej, a wielokulturowe tożsamości są tam bytem abstrakcyjnym. W konsekwencji mamy w Rosji do czynienia z wyraźnymi tendencjami rasistowskimi i ksenofobicznymi. Rasowo wewnętrzni Inni, posiadają rosyjskie obywatelstwo, nie posiadają jednak praw:

Wraz z właścicielem [mieszkania] zostaliśmy poproszeni do Wydziału Służby Paszportowo-Wizowej, gdzie rejestrowani są cudzoziemcy. Poszliśmy, a ja w progę powiedziałem, że to bezprawne: jestem obywatelem Rosji, dlaczego do mojej rejestracji potrzebny jest specjalny tryb? Pamiętam majora siedzącego za biurkiem. Wstał i ze złością oświadczył: „jest wojna, a wy jesteście wrogami”.

A więc to tak. Jesteśmy Czeczenami i jesteście wrogami Rosji. Jeśli choć na chwilę o tym zapomnimy, szybko się nam przypomina.

Właścicielowi mieszkania długo przy mnie tłumaczyli, czym grozi wynajmowanie mi lokum. Zapowiadali ciągłe rewizje, sprawdzanie dokumentów, a jeżeli w dzielnicy cokolwiek wybuchnie — wezwanie w charakterze współuczestnika. Dlatego, że za winnego automatycznie zostaną uznani ja.

Tamtego dnia właściciel mimo wszystko nie zrezygnował z zamiaru zarejestrowania mnie. Jednak miesiąc później, spuściwszy przepaszającą głowę, poprosił żebym się wyprowadził (s. 40).

Tym samym nie tworzy się żadna wspólnota, której podstawą byłyby wartości duchowe, aksjologiczne czy ideologiczne. Jedynym elementem scalającym jest język, a jak pisze Sadułajew: „[...] język to jeszcze nie naród” (s. 36).

Jak się okazuje, sowiecka tożsamość kolonialna, ten wewnętrzny Inny, dzieli sporo cech wspólnych z tożsamością postkolonialną — o której Tłostanowa mówi: „rozdwójona negatywna samoidentyfikacja ufundowana na braku zadomowienia i stałym byciu pomiędzy”²⁴. Rozdwójona tożsamość Sadułaiewa, który jest wewnątrz Rosji, ale jednocześnie poza nią (Rosjanin czy Czeczen?), uwidacznia się najbardziej w opowiadaniu *Kiedy zbudziły się tanki*. Narracja prowadzona jest tutaj naprzemiennie przed dwóch bohaterów — Zelika i Dińkę, których zarówno Stanisław Lwowski²⁵, jak i Ała Łatynina²⁶

²⁴ M. Tłostanowa, *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność...*, s. 149

²⁵ С. Львовский, *Дети равнины...*

²⁶ А. Латынина, *Чеченская война Германа Садулаева*, „Новый Мир” 2010, nr 4.

nazywają bliźniakami (choć nie są spokrewnieni) lub sobowtórami. Obaj (podobnie jak i autor) są synami Rosjanek i Czeczenów, obaj (podobnie jak autor) urodzili się w Szali. Dińka przyjeżdża do Szali do dziadków na wakacje, pozostałą część roku spędza w Turkmenii wraz z matką i ojczymem. Z tego też powodu dla miejscowych jest Rosjaninem. Zelik mieszka w Szali razem z mamą i dziadkami (ojciec odeszedł przed jego narodzinami), na terenie utajnionego obiektu PP-2 oddzielonego, co ciekawe, od reszty miasteczka murem. Miejscowym nie wolno było wchodzić na teren PP-2. Zelik i jego rodzina mogli tam mieszkać dlatego, że jego matka była Rosjanką. Mimo to dla miejscowych Zelik jest Czeczenem.

W miarę rozwoju autorskiej metafory sobowtóra czytelnicy zostają odesłani do „mitu o bliźniakach”, z którego jednoznacznie wynika, że bohaterowie nie są jedynie przyjaciółmi:

Razem byliśmy Androgyne, niepodzielną, doskonałą, mityczną istotą, którą bogowie z zawiści i zazdrości rozdzielili na pół (s. 135).

Jednak opozycja „oni–my”, „Rosjanie–Czeczeni” nawet w świecie dzieci i niewinnych zabaw nie ulega zniesieniu. Pewnego dnia dwaj przyjaciele, którzy do tej pory wystarczyli sobie za cały świat, w wyniku drobnej sprzeczki stają na czele dwóch antagonistycznych grup – rosyjskiej i czeczeńskiej. Zaproponowany wreszcie przez Dińkę rozjem, wywołuje u jego bliźniaka dylemat:

prawdziwa walka zaczęła się później, kiedy Dińka zaproponował pokój [...]. Ta walka toczyła się oczywiście we mnie. Z jednej strony byłem obrażony na Dińkę, poza tym czeczeńscy kumple znowu uznaliby mnie za zdrajcę, który wybrał Rosjan. Z drugiej, Dińka był mi potrzebny. Tęskniłem za nim [...]. Następnego dnia poszedłem do PP-2. Jednak nie spędzałem tam już całego dnia jak kiedyś. Zacząłem częściej bawić się z sąsiadami. Tak uczyłem się żyć po dwóch stronach, w dwóch światach (s. 147).

Zelik bardzo świadomie dystansuje się od przyjaciela. Wie, że żyje w dwóch światach, które trudno będzie pogodzić. Po jakimś czasie drogi obu bohaterów rozchodzą się na dobre. Tylko jeden z nich zostaje w Szali. Drugi wyjeżdża do Rosji. Jeden zostaje bojownikiem, drugi OMON-owcem (milicjant oddziału specjalnego w Rosji). Obaj po latach spotykają się na polu walki, obaj z karabinami w rękę

Staliśmy tak patrząc sobie w oczy, a nasze umorusane twarze oświetlała luna pożaru. Trwało to całą sekundę, która ciągnęła się dłużej niż wieczność. Zdążyli-

śmy sobie siebie przypomnieć — od pierwszego dnia w piaskownicy do ostatniej zimy, wszystkie nasze rozmowy i zabawy [...]. Przypomnieliśmy sobie wszystko; także to najważniejsze — że zawsze stanowiliśmy jedność. [...] Ten, który wystrzelił pierwszy napisał tę opowieść (s. 177–178).

Nie wiadomo, który z braci wystrzelił pierwszy, nie wiadomo, który przeżył. Jeden z nich wyznaje jednak, że zawsze było ich dwóch, i od kiedy zabrakło drugiego, żyje za dwóch, że dusza jednego wniknęła w duszę drugiego. Wykorzystanie przez Sadułaiewa figury bliźniaka, czy jak inni wolą — sobowtóra, bez wątpienia związane jest z problemem jego narodowej samoidentyfikacji, tej traumy, która staje się udziałem pół-Rosjanina i pół-Czeczena. Zdaniem Lwowskiego rozszczepienie jedności, naprzemiennie przedstawianie siebie, rozmycie zewnętrznych granic osobowości, ciągle zmiany punktu widzenia i wreszcie podskórna obawa przed rozpadem niedającego zebrać się w całość „ja” — wszystko to stanowi rozpoznawalny wzór kondycji postkolonialnej²⁷. Jak zauważa Piotr Fast za Aleksandrem Etkindem — w badaniach postkolonialnych podwójne istnienie bohatera należy traktować jak metaforę imperialnej presji, zawłaszczania kulturowego, jako tekstowy ekwiwalent kolonizującej opresji²⁸.

Kończąc rozważania dotyczące postkolonialnej tożsamości w utworze Sadułaiewa, warto zauważyć, że Sadułaiewscy bliźniacy (sobowtórzy) w ogóle się nie spotykają, mówią, ale nie do siebie. Czytelnik słyszy naprzemiennie dwa głosy, dwa oddalone od siebie monologi, nie widać tu jednak szans na jakąkolwiek bezpośrednią komunikację. I tak naprawdę nie mamy pewności, czy Dińka i Zelik kiedykolwiek istnieli w tej samej rzeczywistości. Być może jeden z nich (nie wiadomo który) jest tylko bolesnym fantomem, efektem stanu rozdarcia.

Юстина Писарска

РОССЫЙСКА ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
(Я ЧЕЧЕНЕЦ! ГЕРМАНА САДУЛАЕВА)

Резюме

В настоящей статье автор представляет основную информацию на тему творчества Германа Садулаева. Особое внимание уделяется произведению *Я Чеченец!*

²⁷ С. Львовский, *Дети равнины...*

²⁸ P. Fast, *Władza — etyka — egzystencja (uwagi o powieści Piotra Aleszkowskiego „Twierdza”)*..., s. 210.

ROSYJSKA TOŻSAMOŚĆ POSTKOLONIALNA...

нец!, в котором автор пишет про войну, про свое детство, про своих друзей, про свою семью, а которая становится материалом для анализа российской постколониальной идентичности. В статье представлены также мнения одной из самых ярких исследовательниц этой темы в России — Мадины Тлостановой.

Justyna Pisarska

RUSSIAN POSTCOLONIAL IDENTITY
(*I AM A CHECHEN* BY GERMAN SADULAEV)

Summary

In the article the author presents basic information about literary works by German Sadulaev. The particular attention is given to the book *I am a Chechen* where the author writes about the war, his childhood, friends and relatives, and which became the material for the analysis of Russian postcolonial identity. The article also presents opinions of one of the most prominent researchers of this subject — Madina Tlostanova.

PIOTR FAST
Uniwersytet Śląski

ВЛАСТЬ — ЭТИКА — ЭКЗИСТЕНЦИЯ
(ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ РОМАНА
ПЕТРА АЛЕШКОВСКОГО *КРЕПОСТЬ*)

1.

Один из моих высокообразованных и начитанных коллег, очень активный ученый и критик, который в литературе пытается найти и описать, прежде всего, «ценности», когда я его упрекнул, что он говорит метафорами о метафорах, ответил, — что он верит в их познавательную силу. Несмотря на претенциозность и чрезмерный пафос этого утверждения, мне пришла тогда в голову банальная, может быть, мысль, что по сути дела многие литературоведческие термины, а возможно и целые теоретические концепции — это построения, пользующиеся метафорическим мышлением.

То, о чем пойдет речь, в значительной мере можно сказать также о постколониальной теории (или шире: постколониальных исследованиях), которые сначала предпринимали попытку упорядочения явлений подчиненности и доминации в отношениях колонизирующих и колонизированных культур. С течением времени, однако, эта теория стала удобной «отмычкой», при помощи которой многие пытаются отворить любую «дверь». Ведь выработанные здесь познавательные категории и теоретические построения стали применяться к огромному количеству различных ситуаций, в которых даже само понятие постколониальной теории стало метафорической панацеей¹. Она стала служить

¹ Это явление весьма убедительно анализирует Терри Иглтон в эссе *Postcolonialism and «postcolonialism»*, «Interventions. International Journal of Postcolonial Studies» 1998, № 1, вып. 1: *Ideologies of the Postcolonial*, <https://>

диагнозу и терапии заболеваний, этиология которых крайне отличается от тех, что породили идеи, выработанные Францом Фаноном, Эдуардом Саидом, Хомим Бабой и следующими за ними многочисленными находчивыми и работоспособными исследователями постколониальных культур *sensu stricto*.

Этот диагноз показательным образом иллюстрируется эволюцией этой концепции в Польше, где относительно большая группа исследователей в течение продолжающейся несколько лет дискуссии выработала своего рода «польский вариант» методологических установок. В результате имеем дело с очень интересной системой взглядов, называемых термином «*badania postzależnościowe*», перевод которого на русский язык вызывает определенные трудности — приблизительно можно его перевести, как «исследования в ситуации постзависимости». Результатом этих познавательных процедур стали очень интересные теоретические и интерпретационные работы — к сожалению, нет здесь места даже для их беглой характеристики.

В исследованиях такого рода в России, относительно пока немногочисленных, тоже подвергалось сомнению простое применение понятий, происходящих из «классической» постколониальной теории для описания отношений русской культуры с колонизированными культурами. Под сомнением была, главным образом, правомерность подхода к русской культурной, политической и экономической экспансии как к процессу колонизации. Независимо от того, кто прав в этом споре, следует согласиться, что активность и интеллектуальная занимательность западных концепций, вырастающих в главной мере из *Ориентализма* Эдуарда Саида, породила рефлексию над спецификой русского колониализма и привела к утверждению, что появилась потребность анализа особого характера ситуации России и колониализированных ею культур в сравнении с моделью западной колонизации. Постколониальность постсоветского мира — в определенной степени метафорическая, применяющаяся в кавычках, такая, как это показывает анализ Терри Иглтона — и менталитет россиянина, вырастающий из «колониального» прошлого (интересно, кстати, почему никто не использует данные категории, характеризующая настоящее) стал объектом интеле-

doi.org/10.1080/13698019800510071. См. польский перевод: T. Eagleton, *Postkolonializm i «postkolonializm»*, пер. M. Golinczak, J. Maciejczyk, «Nowa Krytyka» № 26–27 (2011), s. 331–335.

ресных умозаключений, содержащихся в главной мере в работах Мадины Тлостановой².

Уже заглавие одной из ее статей, посвященных проблемам отношений между русскими фантазматами, в которой она утверждает нетождественность постсоветского, постколониального и постимперского, содержит убедительное осложнение этой проблематики в сравнении с непосредственным применением простых аналогий с западным постколониальным мышлением. Из вдохновения постколониальной теорией выросла также применяющая аналогичную метафорику, очень плодотворная и создающая шанс на методологически однородное описание различных постколониальных аспектов русской культуры концепция «внутренней колонизации», разработанная в главной мере Александром Эткиндым³.

Последняя категория является, с моей точки зрения, особенно пригодной, поскольку благодаря ее применению в область постколониальных исследований входит обширная группа проблем, которые уже относительно отдалены от политических, общественных и общекультурных вопросов, и помещаются в области внутренних проблем литературного произведения, в частности поэтики. Литература стала ведь в значительной степени выразителем постколониальных, постимперских и постсоветских феноменов, перерабатывая в художественных образах фантазматы, являющиеся в сегодняшней России источником национальных комплексов, и исследуя их при отсутствии академических работ, в главной мере социокультурных. Мадина Тлостанова определяет состояние вещей однозначно: «[...] сегодня наиболее удачные примеры деколонизации бытия и знания в эстетических формах можно найти в сфере искусства, литературы,

² В таких, например, работах как *Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания*, «Личность. Культура. Общество» 2008, т. 4; *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское, или Что делать после конца истории?* «Личность. Культура. Общество» 2011, т. 13 (№ 67,68). Ср. польский перевод этой работы: *Postsowieckość ≠ postkolonialność ≠ postimperialność, czyli co robić po końcu historii?*, пер. P. Fast, «Er(r)go» 2015, № 2.

³ См. прежде всего его обширную монографию *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, НЛО, Москва 2013, а также отредактированную с его участием огромную книгу: А. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин (ред.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*, НЛО, Москва 2012.

театра и кино, а не в академической среде»⁴. Кажется, что это утверждение является однозначным исследовательским постулатом, указывающим важный отрезок разработок, вдохновением для которых стало постколониальное мышление. Такого рода проект должен принять участие в ряде исследований и интерпретаций символических форм, в которых как в литературе, так и в других отраслях семантического искусства проявляются элементы (пост)колониального сознания. Ведь они являются отображением неосознанных идей и обусловленных ими отношений, поведенческих реакций, которые оказываются результатом устойчиво зафиксированных в общественном подсознании рефлексов зависимости — сложного нагромождения чувства превосходства и комплекса неполноценности, характерного для современных русских⁵. Это нагромождение противоположных психологических мотивировок особенно ярко проявляется, например, в современной заграничной политике Российской Федерации.

Все эти проблемы, что очень естественно, отображаются в текстах культуры, и ярче всего они видны в литературе. Символическая культура создает свои формы отображения такого рода коллективного несознательного, метафоризирует мир в художественном отображении и преобразовывает его мнимо объективные формы в художественное целое, прикрывающее или отображающее и моделирующее в характеристиках персонажей, построении сюжетных линий, способах создания образов, повествовательных техниках когерентный образ мира. Мир, изображенный в литературном произведении, является художественным эквивалентом идей управляющих реальной действительностью. «Постподчинительные» поведенческие структуры оказываются своего рода генератором художественных решений — анализ произведения дает таким образом шанс на реконструкцию идей, которые организуют реальную действительность.

⁴ М. Тлостанова, *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское...*, с. 103.

⁵ Тлостанова пишет об этом так: «[...] Россия представляет собой особый случай империи-двуликого Януса с одним не очень уверенным лицом, повернутым на Запад и другим — карикатурно цивилизаторским — обращенным на Юг и Восток», там же.

2.

Не углубляясь в анализ ситуации постколониальных исследований в русской культуре (хотя это естественный контекст этой работы), я попытаюсь, используя применяемые в такого рода исследованиях метафоры, разъяснить некоторые аспекты недавно изданного произведения, которое в 2016 году стало лауреатом Русского Букера и одной из самых известных литературных премий — Национального бестселлера. Речь идет о романе *Крепость* (2015) Петра Алешковского. Автор в Польше, к сожалению, почти неизвестен. Если я не ошибаюсь, у нас появился только один перевод его небольшого рассказа, а и то, больше чем двадцать лет тому назад⁶. В России же он популярен (может быть, это отчасти связано с тем, что он является племянником широкоизвестного Юза Алешковского и зятем Натана Эйдельмана) и некоторые среди его романов пользуются далеко немалой популярностью⁷. Эта популярность связана в какой-то мере со своего рода сенсацией, которой стало неприсуждение ему (как пишут некоторые критики: вследствие интриг⁸) в 1994 году премии Русский Букер за роман *Жизнеописание Хорька*. *Крепость* же была встречена в критике крайне противоречивыми голосами — начиная с восхищения и кончая упреками в графомании и попытке потакать примитивным ожиданиям популярного читателя⁹. Предметом внимания не будут здесь, однако, ни пороки, ни положительные черты этого произведения, ни даже

⁶ P. Aleszkowski, *Błogosławieństwa*, пер. J. Czech, «Literatura na Świecie» 1996, № 11–12, с. 139–146.

⁷ Это, среди других, такие произведения как *Старгород*, *Владимир Чигринцев*, *Седьмой чемаданчик*, *Рыба*, *Институт сновидений*.

⁸ *Петр Алешковский: Жизнь стало душно*. Разговор ведет Ольга Тимофеева, «Новая газета» 25.11.2015 (№ 130), <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/25/66523-petr-aleshkovskiy-zhit-stalo-dushno> (13.05.2018).

⁹ Показательны с этой точки зрения, например, следующие рецензии: А. Кузьменков, *Средняя температура по больнице*, «Урал» 2017, № 1, <http://magazines.russ.ru/ural/2017/1/srednyaya-temperatura-po-bolnice-pr.html> (02.06.2018); И. Богатырева, *Финальный побег (Петр Алешковский, «Крепость»)*, «Новый мир» 2016, № 3, http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2016/3/finalnyj-pobeg-pr.html (02.06.2018); Д. Облинова, *Петр Алешковский, «Крепость»*, «Звезда» 2016, № 12, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/12/petr-aleshkovskij-krepost.html> (02.06.2018); А. Жучкова, *Мышь, увеличенная до размеров слона*. «Крепость» П. Алешковского, «Вопросы литературы» 2017, № 6, <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/6/mysh-uvlichennaya-do-razmerov-slona-pr.html> (02.06.2018).

обоснованность оценок, формулируемых очередными критиками. *Крепость* Алешковского интересна для меня исключительно как текст, создающий возможность интерпретации с (пост)колониальной или (нео)империальной перспектив.

Следует в этом контексте отметить существенный для этой проблематики факт, а именно то, что сегодняшнее национальное сознание россиян построено так, что они «склонны кодировать имперское различие как постколониальность»¹⁰. Это ведет к утверждению, что оба эти вида идей и поведения соединяются неким архисемом, который — упрощая — можно интерпретировать как подчинительную зависимость: колонизирующего и клонируемого, центра и периферии, власти и подчинения власти и т.п. Все это ведет к заключению, что любые проявления подчиненности являются способом метафоризации (нео)империальности и (нео)колониальности, работая по принципу метонимии или синекдохи.

3.

Исходя из вышесказанного, я намереваюсь прокомментировать некоторые составные элементы романа Петра Алешковского, ставя перед собой цель поиска проявлений различных форм подчинения, которые подвергаются описанию в колониальных/имперских категориях.

Главный герой романа — Иван Сергеевич Мальцов — является человеком очень высоких этических качеств. Работая археологом в музее в небольшом, но древнем городке, он предается своей работе независимо от того, что она плохо оплачивается и что конкуренты и люди, которым он подчиняется по службе, различными способами осложняют реализацию его целей, ведя свою борьбу за деньги и власть. Не понимая его идеалистических устремлений, его оставляет жена — причем она уходит к предприимчивому профессиональному конкуренту Мальцова. Обиженный на героя директор музея увольняет его с работы. Помогает же ему местный олигарх, который ценит профессионализм и независимость археолога, но одновременно желает использовать его для своих целей. Мальцов, желая оторваться от всех

¹⁰ М. Тлостанова, *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское...*, с. 101.

этих дел, выезжает из города и начинает жить в бывшем доме родителей в деревне. Профессиональные и связанные с ними семейные перипетии героя составляют одну из трех сюжетных линий романа. Вторая — связана с его пребыванием в разваливающейся современной деревне, третья же — содержит описание судьбы гипотетического предка Мальцова, жившего во времена монгольского нашествия на Русь — действие этой части романа является содержанием снов и наркотических видений героя (я этот сюжет оставлю здесь без внимания).

Во всех этих сюжетных линиях подчеркивается независимость Мальцова (и являющегося его «идейным» двойником героя исторического пласта произведения), а также, особо подчеркиваемое в романе, его стремление к реализации высоких ценностей. Мальцов с огромной жертвенностью и самозабвением предается исследованию истории, противопоставляя себя таким образом современным обычаям людей в России — стремлению к личному материальному благополучию, нечестности в использовании общественных денег, уклончивости, nepотизму, беспощадности в реализации личных целей и т.п. Мальцов с этой точки зрения абсолютно безупречен, он безгранично соблюдает этические нормы и не подчиняется общепринятым принципам фальшивой лояльности вопреки закону и чести. Естественно, что в результате такого поведения он исключается из всех групп интересов и не может найти общий язык с женой, которая, вопреки основным принципам, коварно отнимает у него права на квартиру. Давление внешних псевдоценностей, контрастных по отношению к принципам поведения героя, является проекцией подчинения. Мальцов становится Другим-Чужим. Его поведение уподобляется, как замечает критика¹¹, герою известной драмы Александра Грибоедова *Горе от ума*. Схожесть этих образов состоит в противопоставлении стремления к правде и реализации этических норм при одновременном протесте против общепринятых стандартов поведения — нечестности, безрассудности, личным интересам. Стоит напомнить, что герой Грибоедова в итоге считается всем обществом сумасшедшим и попадает в психиатрическую больницу.

Принципы, которыми руководствуется Мальцов, и его поведение, противопоставляющееся ожиданиям и делам различных

¹¹ И. Богатырева, *Финальный побег...*

«великих мира сего», определяют его позицию не только как Другого, но и по сути дела — как Врага. Крайняя, абсолютная честность и отдача героя ярче подчеркивает нечестность и пренебрежение этическими принципами других, что является источником их дискомфорта. Кроме того то, что делает Мальцов, просто угрожает их выгоде. Роль субалтерна, как это определяется в постколониальной теории, ставит героя в ситуации внутренней колонизации — вне любой зависимости от ценности его взглядов и обосновании его действий все, что он делает и говорит, воспринимается как зло, приводит к непониманию и оценивается как угроза.

Официальность — следует, однако, помнить, что действительность романа представляется не только провинциальными властями и местными бизнесменами, но также чиновниками из центральных органов власти — колонизирует, подчиняет локальные представления, которые измеряются Мальцовым категориями истины, рациональности и честности. Более того, то, что официально, выступает явно против ценностей, которые он проповедует. Власть, колонизирующая мышление и действия человека, субъективную правду конкретной личности, которая идентична вытекающим из исторического опыта и этических предпосылок локального субалтерна, определяется, благодаря натуральным в нашей культурной среде ценностям, как насильственная, опрессивная, Чужая.

По похожим принципам, хотя, конечно, согласно другим ценностям, создается аксиологическая система «деревенского сюжета». Алешковский вписывается в этих частях романа в явно присутствующую в современной русской прозе тенденцию представления деградации и дегенерации поколхозной деревни. Стоит в этой связи напомнить характерные, очень популярные и высоко оцениваемые критикой романы — *Елтышевы* (2009) Романа Сенчина или *Крестьянин и тинейджер* (2011) Андрея Дмитриева.

Мальцов попадает в деревню, в которой свет горит вечером только в двух избах — после его приезда в трех. В одной живет женщина, являющаяся олицетворением идеализированных в романе ценностей русского крестьянства (похоже на то, как во всей книге идеализируется поведение Мальцова). Столь явная деструкция деревни, как ее представляет Алешковский, оказывается проявлением перемен и попираания давних цен-

ностей — модернизация колонизировала деревню. Неолиберальная политика и экономика привели к тому, что деревня, ее обычаи и религиозное обоснование ценностей нашлись на полях прогресса. Отказ от принципов, управляющий деревней в прошлом, отношение к ним как к анахроничным, привели к абсолютной ее дегенерации. Уничтожение глубокой духовности и древней деревенской общины перестроили тоже ее этику и экономичку. Деревня стала в новой России чужой. Внутренняя колонизация, содержащаяся в отказе от коренных ценностей, перестроила деревню, превратила ее — существующую в прошлом как источник морали — в руины. Это очень наивная картина, но все-таки она приносит ярко выраженную мысль о колониационных стремлениях и поражающих результатах процессов такого рода.

С этой точки зрения интересной кажется жизнь героя в деревне. Похоже, как в городе, он не умеет принять обязывающих здесь принципов поведения. Ирина Богатырева справедливо замечает, что «Мальцов, не понявший якобы новых, невесть откуда взявшихся законов капитала в городе, так же не способен понять старых, сложившихся поколениями законов деревни»¹². Это очень интересный мотив, который преобразовывает понимание внутренней колонизации. Поведение Мальцова, его интерпретация обоих этих аспектов действительности приводит к важному умозаключению. Новые законы капитала (власти) подчиняют локальные ценности, обесценивают их и приводят к тому, что фактор внешний по отношению к герою ведет его к отказу принимать участие в новой, формирующейся действительности — это первый этап описываемого Алешковским процесса. Протест против колонизирующей прессы мира приводит героя к решению возвратиться к первичному для его идентичности миру деревни, который символизирует в его сознании ценности, созревающие в российском обществе испокон веков. Стоит добавить, что Мальцов намеревается заняться в деревне научной работой, которая является для него высшей ценностью. Результат этого решения, однако, его разочаровывает. Деревня, оказывается, уже давно перестала быть вместилищем ожидаемых Мальцовым ценностей. Колонизированная модернизацией, разрушенная идеологической хищнической колхоз-

¹² Там же.

ной экономикой, опущенная всеми, кто в самоубийственном стремлении заверили иллюзии цивилизационного прогресса, она стала пустым местом, лишенным духовности и не способствующим к творческому труду. Империяльное центральное правление высосало из нее все силы и оставило в состоянии вегетации. Оба мира, в которых жил Мальцов, потеряли существенную для него идентичность. Герой думает об этом чересчур патетически: «Красоту и изящество сменила суровость, восторжествовавший повсюду штамп исключил бытовавшую прежде многоликость»¹³. Эквивалентом такого рода без-жизни является в деревне повальное пьянство, которое играет в семантике романа самую существенную роль.

Мальцов сам оказывается периодическим алкоголиком. Когда жизнь кажется ему бессмысленной, когда он теряет веру в возможность реализации ценностей, которые руководят его поведением, начинает пить. Сознание (или бессознание) Мальцова раздваивается. С одной стороны, он человек своей идеи, высокой морали, чувства ответственности за свой мир и тождество с историей нации и мира. С другой же, похож на двойников Гоголя или Достоевского, он существует в двух, как может показаться, исключаящихся лицах. Его отчуждение, несоответствие новому миру и провал в поисках идентичности оказываются формой подсознательного протеста, почти тотального противостояния всему, что человека колонизирует и подчиняет. Мальцов, являющийся в романе внутренним Другим — интеллигентом, не умеет совладеть с конфликтом официального легитимизма и потребностью реализации своей правды, что приводит к раздвоению личности: он с одной стороны является ученым (представляющим этическое начало), с другой — пьяницей (существующим в мире эмоционального).

Мальцов не борется при этом за абстрактную, анархистскую свободу личности. Объектом его действий является глубоко понятый этический идентитет. «Вторая жизнь» героя, когда он становится человеком лишенным ответственности и ясного сознания, выполняет роль аллегории внешнего мира, который подчиняет сознание человека, расстраивает его внутреннюю гармонию и когерентность. Александр Эткинд, анализируя в книге о внутренней колонизации феномен двойника, описы-

¹³ П. Алешковский, *Крепость*, Издательство АСТ, Москва 2015, http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14393300 (02.06.2018),

вает его как текстовый показатель колонизирующего давления. Отчуждение героя, его раздвоенное существование оказывается метафорой империяльного давления деструктурированной действительности на героя. Такого рода распад внешнего мира становится результатом культурного подчинения и вытеснения из колонизированного мира его оригинальных ценностей. Отчуждение является формой проявления контестации, протеста, который оказывается эквивалентом антиколониального сопротивления.

Внутренняя колонизация в романе описывается Эткингом как иерархическая структура. С одной стороны, имперский центр подчиняет и приводит к снижению оригинальные локальные ценности, которые, в свою очередь, когда уже ими правит фальшивое сознание, вводят раздвоенность во внутреннюю структуру ценностей интернализируемых носителями этого давнего локального мировоззрения.

Магина Тлостанова описывает это явление с необыкновенной яркостью, видя в нем последствие идеологизированного советского сознания, которое противопоставляется чувству утраты имперской позиции россиян:

В темной колониальной стороне советской модерности был сконструирован второсортный советский гражданин – не взирая на интернационалистские слоганы, провозглашение цели расового смешения населения с целью создания будущего советского метиса со стертой этничностью, воспитанного на русской культуре и советской идеологии. Двойные стандарты действовали и в этой сфере, где на словах утверждалась необходимость стирания колониального статуса, а на деле выстраивались невидимые, но прочные границы, стены и стеклянные потолки, не позволявшие колониальному субъекту стать действительно равным в правах, самостоятельным и свободным в сфере образования, карьерных возможностей, самореализации. В результате родилась крайне проблематичная советская колониальная идентичность, которая имеет много общего с постколониальной расколотой и негативной самоидентификацией, укорененной во внедомности и промежуточности¹⁴.

Алкоголизм Мальцова оказывается результатом и проявлением внутренней колонизации — конфликта власти (деньги и подчинение) и простого человека, внутреннего субалтерна — в структуре психики героя. Такого рода ментальная колони-

¹⁴ М. Тлостанова, *Постсоветское ≠ постколониальное ≠ постимперское...*, с. 102.

зация, приводящая к распаду личности, является, как кажется, центральной проблемой анализируемого романа. Другое дело, как Алешковский ведет индивидуальную судьбу своего героя. Он делает это так, чтобы символизированным в его лице ценностям не отнять высокого ранга, чтобы создать в аксиологической системе романа существенную иерархию ценностей, которая соответствует мифологическому русскому стандарту духовности и истины.

Автор таким образом возводит своего героя в ранг спасителя человечества. «Настоящий интеллигент» (у Эткинды — Человек культуры) реализует здесь топос жертвы. Его бременем является высокое сознание, которое входит в конфликт с невозможностью реализации целей, существующих для него как обязательные. Таким образом, он становится экспонентом травмы внутренней колонизации.

Роман стремится прямым путем к реализации синдрома жертвы — Мальцов (его образ является синекдохой русской интеллигенции) становится внутренним Другим, взявшим на себя роль жертвы модерности, важнейшей чертой которой является всеобъемлющая колониальность¹⁵. Самым существенным является здесь то, что Мальцов ни в чем не виноват, он искрещен и верен абстрактным, сегодня может быть немного анахроничным, идеалам. Он противопоставляется таким образом неминуемому, как кажется, подчинению.

Но именно поэтому он является идеальной жертвой. Александр Эткинд справедливо замечает: «Жертвоприношение — это не наказание и не месть, лучшие жертвы всегда невинны»¹⁶.

Алешковский, однако, умерщвляет своего героя, что Ирина Богатырева считает решением непонятным¹⁷. Кажется, нельзя

¹⁵ Мадина Глостанова определяет эту ситуацию следующим образом: «[...] все мы [...] отмечены в разной степени и формах глобальной колониальностью как неотъемлемой чертой модерности. Последствием является не критическое приятие существующей иерархии мира, когда всем назначено определенное место, и люди, даже будучи не удовлетворены этим местом (как в случае со многими европейскими постсоциалистическими странами, превращающимися в сервисные государства, обслуживающие «настоящих» европейцев), напуганы до смерти мыслью о его понижении», там же, с. 108.

¹⁶ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, с. 364.

¹⁷ Ср.: «Надо признать, гибель Мальцова вызывает оторопь. Она неожиданна, ничем сюжетно не предвосхищается, в нее даже не верится до конца. Она больше похожа на буквальное воплощение авторской идеи о ненужности в наше время такого типа людей». И. Богатырева, *Финальный побег...*

больше ошибиться в интерпретации такой развязки романа. То, что такие люди как Мальцов оказываются в сегодняшней действительности лишними, является лишь только показателем давления внешних факторов. Алешковский приводит, однако, своего героя к смерти-награде, благодаря которой его мировоззрение и поведение в жизни получают статус идеального образца. Мальцов отнюдь не таков, как «лишние люди» в литературе XIX века. Его судьба становится не столь метафорой жизненной непригодности, сколько указателем авторской идейной позиции. Конечно, это очень наивно, но, может быть, с перспективы автора необходимо. Благодаря этому решению сам роман становится неким образом субститутом жертвенного ритуала¹⁸. Жертвенный ритуал восстанавливает ведь равновесие, канализирует агрессию и рождает в группе-субалтерне чувство безопасности. Смысл такой жертвы, ее цель — это, однако, отчасти иллюзия. Успокаивая «защитников истины», убажанных жертвенным ритуалом, она тем временем создает бóльшие шансы агрессии их антагонистам. Не должна в этой связи внимательного и знающего Россию читателя удивлять мысль, выраженная в одном из комментариев к роману. Критик делает важное заключение: «Гессе называл роман *Степной волк* предупреждением против фашизма. Таким же предупреждением становится история археолога Мальцова»¹⁹.

Piotr Fast

WŁADZA — ETYKA — EGZYSTENJA
(UWAGI O POWIEŚCI PIOTRA ALESZKOWSKIEGO *TWIERDZA*)

Streszczenie

Wykorzystując metaforyczne konotacje terminologii wypracowanej na gruncie teorii postkolonialnej, autor przeprowadza analizę mechanizmów wewnętrznej kolonizacji rządzących światem powieści Piotra Aleszkowskiego *Twierdza*.

¹⁸ Похоже подытоживает такого рода решения Александр Эткинд — *Жертвенные сюжеты // того же, Внутренняя колонизация...*, с. 354–380.

¹⁹ А. Жучкова, *Мышь, увеличенная до размеров слона...*

ВЛАСТЬ — ЭТИКА — ЭКЗИСТЕНЦИЯ...

Piotr Fast

POWER — ETHICS — EXISTENCE
(SOME COMMENTS ON THE NOVEL *FORTRESS* BY PIOTR ALESHKOVSKY)

Summary

Using metaphorical connotations of terms elaborated within a postcolonial theory the author analyzes mechanisms ruling in the world of the novel *Fortress* (*Крепость*) by Piotr Aleshkovsky.

PIOTR ZEMSAŁ

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

ИДЕОЛОГЕМА И ИДЕОЛОГЕМНОЕ СЛОВО — К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНОВ

В польском языкознании, в отличие от русского, термин «идеологема» употребляется крайне редко, обычно русистами, хотя иногда появляются термины похожие по смыслу, например, «баннерные слова», «коллективные символы», «социально-политические понятия», «фундаментальные лозунги», «доминирующие символы» и т.д. Но у термина «идеологема», как кажется, есть одно преимущество. Он намного конкретнее, обычно он относится к конкретному типу дискурса, т.е. к политическому или идеологическому дискурсу¹. Термин «идеологемное слово» пригоден для определения таких лексических единиц, наличие которых в тексте является маркером его идеологического характера.

Мы знаем, что одной из основных черт любой научной дисциплины является своя терминология. Основным термином фонологии считается «фонема», морфологии — «морфема», синтаксиса — «предложение» и т.д. Следует поставить вопрос, имеет ли свой термин политическая лингвистика, которую иногда пытаются позиционировать как отдельную языковедческую дисциплину². Конечно, можно сказать, что одним из основных

¹ Как замечает Елена Г. Малышева: «в современной лингвокультурологии и политической лингвистике (а также в собственно культурологии, социологии и истории) 'всплеск' интереса к феномену 'идеологема' связан прежде всего с изучением и описанием специфических языковых и концептуальных черт тоталитарного советского периода и тоталитарного языка советской эпохи» (Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014' как новоидеологема современной России (на материале текстов СМИ)* // «Политическая лингвистика» 2012, № 2, с. 109).

² См. напр.: Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика*, Флинта, Наука, Москва 2006; А.А. Романов, *Политическая лингвистика: Функцио-*

понятий политической лингвистики является «политический дискурс», но кажется, что это понятие определяет лишь внешнюю сторону исследований политической лингвистики и не является основным для данной дисциплины. Несмотря на то, что термин «идеологема» употребляется и в культурологических, политологических, и философских трудах, именно он мог бы стать одним из терминов, конституирующих политическую лингвистику как отдельную область языкознания.

Термин «идеологема» по сути является основным для данной области исследований, но вопрос в том, является ли он научным термином, т.е. выполняет ли ряд требований, таких как соответствие термина понятию, однозначность и полнота, под которой понимается «отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия»³. Следовательно, термин «идеологема» должен иметь однозначное определение, которое давало бы возможность точно определять отдельные объекты действительности, в случае лингвистических исследований — «идеологемные слова». Другими словами, проблема сводится к ответу на очень простой вопрос: почему одни слова считаются идеологемными⁴, а другие нет?

Чтобы проиллюстрировать проблематичность ответа на этот вопрос, приведем ряд определений феномена идеологемы.

Как утверждает Елена Малышева, слово «идеологема» впервые использовалось Михаилом Бахтиным «для обозначения объективно существующих форм идеологии»⁵. Упоминание «идеологемы» в работах Бахтина, однако, никаким образом не напоминает терминологических употреблений, например:

нальный подход, ИЯ РАН, Москва–Тверь 2002; М.С. Тихонова, *Политическая лингвистика: Учеб. пособие*, Издательство ОГУ, Омск 2012.

³ О.Ю. Шмелева, *Современные подходы к определению термина как специальной единицы языка* // «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина», ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург 2010, с. 107.

⁴ Формулировка «идеологемные слова» обусловлена тем, что в рамках данной статьи «идеологема» трактуется как абстрактная единица высшего уровня. О когнитивной и собственно лингвистической трактовке термина «идеологема», см. Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация* // «Политическая лингвистика» 2009, № 4, с. 32–40; Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014'...*, с. 109–113.

⁵ Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014'...*, с. 109.

Образ такого языка в романе есть образ социального кругозора, образ социальной идеологемы, сросшейся со своим словом, со своим языком. Поэтому менее всего такой образ может быть формалистичным, а художественная игра такими языками — формалистической игрой. Формальные признаки языков, манер и стилей в романе — символы социальных кругозоров⁶.

Это заметно тем более, что «идеологическое» кажется, в случае Бахтина, просто синонимом «семиотического»: «Все идеологическое обладает *значением*: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т.е. является знаком. Где нет знака — там нет и идеологии»⁷. С другой стороны, и само понятие идеологии используется Бахтиным скорее всего в значении просто некой «абстрактной» сферы (т.е., по словам Владимира Алпатова, «нестандартно»⁸), а не в значении, подразумеваемым в формулировках типа «идеологический дискурс русских коммунистов».

Значение слова «идеологема» Бахтиным не толкуется, но его можно «вычислить» по контексту, по содержащимся в тексте синонимам и т.д. Такую попытку предприняла Малышева, которая резюмировала понимание идеологемы Бахтиным. По ее мнению это

как социолекты в целом, так и языковые и/или концептуальные «маркеры» таких социолектов; однако очевидно, что он вел речь прежде всего об отраженной в этих «языках-идеологемах» картине мира, которая, по его мнению, была «злостно неадекватна действительности», вмещала лишь «кусочек, уголок мира», «мнения», «идеологемы», некие «гипотезы смысла»⁹.

Хотя здесь и речи быть не может о научном (т.е. однозначном) определении понятия, то кажется очевидным, что именно Бахтину принадлежит идея «идеологемы» как некой абстрактной единицы, которая лишь находит себе языковое выражение.

С другой стороны, в научной литературе мы находим немало попыток определения термина «идеологема». Наблюдаются две основных трактовки вопроса — когнитивная, концептуальная,

⁶ М.М., Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Художественная литература, Москва 1975, с. 169.

⁷ Там же, с. 353.

⁸ В.М. Алпатов, *Волошинов, Бахтин и лингвистика*, Языки славянских культур, Москва 2005, с. 125.

⁹ Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014'...*, с. 109.

в рамках которой идеологема воспринимается как своего рода концептуальная единица, т.е. единица мышления, которая может проявляться как в языковой, так и в любой другой форме, и собственно лингвистическая, которая сводит идеологему к ее языковым проявлениям. Оба этих направления уже описаны в научной литературе¹⁰. Здесь я приведу лишь некоторые определения данного феномена.

Сначала приведем несколько когнитивных определений:

The ideologeme is an amphibious formation, whose essential structural characteristic may be described as its possibility to manifest itself either as a pseudoidea a conceptual or belief system, an abstract value, an opinion or prejudice — or as a protonarrative, a kind of ultimate class fantasy about the «collective characters» which are the classes in opposition¹¹.

единица когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах¹²;

заранее заданная идея, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном направлении¹³;

сложный когнитивно-стилистический феномен, с помощью которого формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума;

ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием [...] феномен, формирующий концептуальные схемы и катего-

¹⁰ Например, Н.И. Клушина, *Теория идеологем* // «Политическая лингвистика» 2014, № 4, с. 54–58; Е.А. Лыкина, *Идеологема как лингвокогнитивная категория: к проблеме определения понятия* // «Язык и культура» 2014, № 10, с. 201–207.

¹¹ F. Jameson, *The Political Unconscious. Narrative as a socially symbolic act*, Cornell University Press, New York 1981, с. 87. «Идеологема является неоднородным явлением, чьи важнейшие характеристики могут быть описаны, как его способность проявлять себя как в качестве псевдоидеи — концептуальной системы или системы убеждений, абстрактной ценности, мнения или предрассудка, — так и в качестве протонаррации, как основного класса воображений, касающихся ‘коллективных персонажей’, которые противопоставлены друг другу».

¹² Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 35.

¹³ Н.И. Клушина, *Теория идеологем...*, с. 57.

рии, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте¹⁴;

единица идеологической системы, находящая свое вербальное выражение, знак идеологии¹⁵;

санкционированное официальной идеологической системой содержание, закрепленное за определенной языковой формой¹⁶.

В языковедческой литературе достаточно много попыток определения «идеологема» с собственно лингвистической точки зрения, например:

category of words, which combines the descriptive and evaluative meanings in such an inseparable way that they make one whole lexical meaning (категории слов, которые являются неразделимым сочетанием дескриптивных и аксиологических смыслов, составляя целостную лексическую единицу)¹⁷;

класс лексических единиц, непосредственно связанных с идеологией¹⁸;

не слова, а семантические гнезда: объединенные одной семьей разные формы, разные части речи, однокоренные и неоднокоренные слова¹⁹.

С точки зрения общей теории семиотики определяет идеологему Гассан Ч. Гусейнов:

знак или устойчивая совокупность знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного — правильного мышления и безупречного поведения — и предостерегающих их от недозволенного;

минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому сво-

¹⁴ Е.А. Нахимова, *Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации* // «Политическая лингвистика» 2011, № 2, с. 153.

¹⁵ И.Т. Вепрева, Т.А. Шадрина, *Идеологема и мифологема: интерпретация терминов* // «Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права» 2006, № 3, с. 124.

¹⁶ Н.А. Купина, *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*, Изд-во Уральского университета, Екатеринбург 1999, с. 7.

¹⁷ М. Epstein, *Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology*, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington 1991, с. 17.

¹⁸ Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 34.

¹⁹ А.П. Романенко, *Образ ратора в советской словесной культуре*, Издательство Саратовского университета, Саратов 2000, с. 75.

ду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество²⁰;

Вернемся на миг к лингвистическим понятиям типа «фонема», «морфема», «лексема». Фонема проявляется как конкретный звук, морфема как морф, лексема — как конкретная словоформа. Кажется, что идеологема может восприниматься как некая абстрактная единица, которая так же, как фонема, морфема или лексема должна проявляться в речи²¹. Андрей Мирошниченко предлагает для определения такого рода проявлений термин «лингвема»²².

Такое понимание идеологемы далеко не всегда встречается в лингвистической литературе. Бывает, что авторы просто называют определенные слова «идеологемами» без дальнейшего объяснения своего выбора. Но дело не совсем в этом. Дело в том, что у нас нет такого определения идеологемы или идеологемных единиц языка, которое позволяло бы идентифицировать отдельные слова именно как проявления идеологем. Почему слова типа *коммунизм*, *большевизм*, *фашизм* автоматически считаются идеологемными, а другие нет? Неужели нет никакой разницы между идеологической нагрузкой лексемы *большевик* и слова *спорт* или *олимпиада*?

Проблема заключается в том, что ни одно из приведенных определений идеологемы не гарантирует, как кажется²³, однозначного выбора идеологемных слов среди других, неидеологемных лексических единиц. Такой выбор делается нами скорее всего интуитивно, мы полагаемся на свое «чутье», а это отнюдь не научный метод.

²⁰ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*, Три квадрата, Москва 2003, с. 12..

²¹ Но, в отличие от фонем, морфем и т.д. не только в речи.

²² А.А. Мирошниченко, *Конструирование предвыборного лозунга: идеологемы и ценности* // P. Czerwiński, J. Stawnicka (ред.), *Słowo i tekst*, UŚ, Katowice 2008, с. 179–180.

²³ В мае 2016 года я провел опыт со студентами русистами БФУ им. Канта в Калининграде. Его суть заключалась в том, что после ознакомления с приведенными в настоящей статье определениями идеологемы мы попытались проанализировать стихотворение *Коммунизм* Сергея Михалкова. После вычисления очевидных случаев идеологемных слов (*коммунизм*, *ленинский*, *партия*, *народ*, *Родина*) и неидеологемных слов (например, *слово*, *океан*, *рот*) осталась довольно широкая категория слов, которые определялись студентами как идеологемные, так и неидеологемные (например, *надежда*, *хлеб*, *идея*, *враг*, *знамя*, *флаг*).

Какова основная функция научного определения? Оно должно, в первую очередь, выделять определяемое в сравнении с другими объектами действительности. Научное определение должно быть по возможности точным и однозначным. Другими словами, определение должно предоставлять возможность точно различать разные явления действительности. Стоит посмотреть, какие разные по своей семантике и идеологической нагрузке лексемы или словосочетания считаются в работах ученых идеологемными словами:

Ленинград; Владлен, вождь морового пролетариата, народ, флаг, гимн, демократия, спорт, съезд, Государственная дума, свобода, равенство, Ленин, Сталин, Ельцин, Путин, советские солдаты-освободители, патриотизм, президент, воля, демократия, террор, фашизм, царь, финансовый кризис, парламент, дума, губернатор, монетизация льгот, забота, благополучие, закон, сотрудничество, время, коммунизм, социализм.

Следует обратить внимание и на то, что среди названных раньше так называемых идеологемных единиц находятся слова, которые несравнимы по идеологической значимости, например, *олимпиада* и *коммунизм*. Это косвенно свидетельствует о том, что понятие «идеологема» является достаточно неопределенным, расплывчатым. Иногда возникает впечатление, что авторы наугад называют идеологемами просто те слова, которые кажутся самыми важными в исследуемом ими дискурсе. Конечно, почти все они относятся к социально-политическим понятиям, но все ли они «отсылают»²⁴ к идеологии. Каким образом они «отсылают» к идеологии или каким образом они с ней связаны? Как мы можем эти связи выявить и научно подтвердить? Назовем самые популярные в свое время советизмы:

общепит, колхоз, МТС, агитработа, рабфак, вредитель, болтун, самиздат, сексот (секретный сотрудник), стукач, субботник, ударник, стилиага, комсомолец.

Большинство из них, вне всякого сомнения, каким-то образом связаны с идеологической обстановкой своего времени, большинство из них возникло исключительно из-за воздействия идеологии на общество и его язык, но разве все они напрямую относятся к коммунистической идеологии?

²⁴ Г. Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы...*, с. 12.

В статье, опубликованной в 2014 году, я предложил способ выявления идеологемного характера лексических единиц²⁵. Исходной точкой было предположение о том, что «идеологему» следует воспринимать не как единицу, которая «отсылает» к идеологии или «связана» с ней, но как своего рода дистинктивный признак идеологических высказываний. Связанными с идеологией субъективно могут считаться многие понятия, которые по сути не являются идеологическими, например, в советском дискурсе слова *болтун* («тот, кто разглашает тайну, секретные сведения»²⁶, *бдительность* (естественно, *большевистская, революционная*, но и, в силу закреплённой в дискурсе ассоциации, без этих определений) и т.д. С другой стороны, вне всякого сомнения, есть слова, идеологическая нагрузка которых очевидна, например, *коммунизм*, *фашизм* и т.д., а их присутствие в данном тексте обычно определяет его идеологический характер. В связи с этим напрашивается вопрос, почему «обычно», а не «всегда»? Ответ довольно прост — идеологемность, по крайней мере иногда, обусловлена контекстом. Сравним два употребления лексемы *коммунизм*:

1. Давайте сравним два употребления лексемы «коммунизм».
2. Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества.

В первом предложении имеем дело с метаязыковым употреблением²⁷, где данная лексема не является идеологически маркированной. Это легко доказать. Приведем следующий пример:

3. Давайте сравним употребления лексем «коммунизм», «фашизм», «капитализм», «социализм».

Как замечает подавляющее большинство исследователей, одной из важнейших черт идеологемных слов является их оценочность. Гусейнов пишет:

Фундаментальная оппозиция правильного и неправильного, своего и чужого, нормы и ошибки, нового и старого, советского и антисоветского,

²⁵ П. Зэмшал, *Несколько замечаний относительно понятия идеологемы* // «Политическая лингвистика» 2014, № 2, с. 138–142.

²⁶ Б.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Толковый словарь языка Совдепии*, Фолио-Пресс, Санкт-Петербург 1998.

²⁷ Таким же образом следует воспринимать и строго терминологические употребления потенциально идеологических лексем типа *коммунизм*, *коммунисты*, *фашизм*, *фашистское государство* и т.д.

революционного и контрреволюционного определяет не только социальную практику идеологической борьбы в СССР, но и строение мельчайшей значащей единицы рассматриваемого нами языка — идеологемы²⁸.

Возьмем к примеру два идеологемных слова, которые функционировали в свое время как антонимическая пара: *коммунизм* и *фашизм*. Они в рамках одного и того же дискурса настолько аксиологически противоположны друг другу, что их невозможно совместить в одном предложении с положительной оценкой:

4. *Он был сторонником коммунизма и фашизма.

Такое предложение, конечно, если исключить, например, иронические высказывания, просто немислимо. В дискурсивной практике советского времени немислимо было даже близкое соседство этих лексем в рамках предложения, за исключением контекстов типа: «Коммунизм окреп в борьбе с фашизмом» и т.п. В нашем же примере метаязыкового употребления все четыре слова могут выступать вместе, и это не вызывает никакого ощущения диссонанса. Отсюда вытекает по крайней мере один вывод. Идеологемные слова не должны рассматриваться вне контекста, в котором они выступают, «не могут быть описаны в отрыве от системы»²⁹. Как справедливо замечает Сергей А. Журавлев по отношению к лексическим единицам типа *вождь*:

Если в пределах того или иного политического дискурса [выделение мое — П.З.] эти единицы актуализируются и, соответственно, обретают в общественном сознании большую значимость, чем «просто» слова или политические термины с тем же содержательным наполнением, они становятся идеологемами³⁰.

Эти два фундаментальных свойства идеологемных слов — оценочность и обусловленность контекстом являются теми признаками, которые могут использоваться для выявления «идеологемности» лексических единиц.

²⁸ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы...*, с. 27.

²⁹ V. Norman, H. Jachnow, *Идеологический компонент и его место в значении слова* // «Zeitschrift für slavische Philologie — 58», Universitätsverlag Winter, Heidelberg 1999, с. 45.

³⁰ С.А. Журавлев, *Патерналема как важный компонент политического дискурса* // «Вестник Марийского государственного университета — 11», ФГБОУ ВПО Марийский государственный университет, Йошкар-Ола 2013, с. 39.

Одни и те же идеологемы могут проявляться в разных идеологических дискурсах³¹. Конечно, если принять, что «идеологемное слово» является аксиологическим ядром высказывания³² представителя данной идеологии, то в речи его идеологического оппонента оно всегда будет принимать противоположную аксиологию³³. Ежи Молаш предлагает следующую формулировку этой проблемы:

Вещи, явления, объекты подвергаются изменениям, которые сторонники идеологии X оценивают положительно. Я — сторонник идеологии Y и в рамках моей ценностной системы я оцениваю эти изменения и/или их поддержку отрицательно³⁴.

Сходную точку зрения на некоторые идеологемы³⁵ высказывает также Анатолий Чудинов³⁶. Итак, для выявления идеологемности данной лексической единицы следует, во-первых, найти два таких ее употребления в речи идеологических оппонентов, которые будут отличаться друг от друга своим аксиологическим модусом. В речи, например, сторонников коммунизма лексема *коммунизм* всегда будет употребляться с положительной оценкой, в высказываниях же антикоммунистов, наоборот — с отрицательной. Следующее сопоставление употреблений лексемы *большевистский* выявляет ее возможную идеологемность:

³¹ Хотя бы в качестве цитаты или в рамках иронического употребления.

³² В.А. Рыжова, *Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания* // «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», 2014, № 1, с. 27–31.

³³ Как справедливо замечает Айгуль А. Карамова, «любая идеологема должна быть безразлична к оппозиции ‘свой/чужой’, т.е. отражать какую-то конкретную идеологию (в соответствии с чем к идеологемам, обозначающим идеологические понятия, не следует относить родовые номинации типа идеология, партия, революция, формация, идеолог и т.д.); и (или) отражать субъективную идеологическую позицию по отношению к идеологически значимому объекту» (А.А. Карамова, *Идеологемы: определение понятия и типология* // «Современные проблемы науки и образования» 2015, № 2, <http://www.science-education.ru/pdf/2015/2/500.pdf> (29.06.2016)).

³⁴ J. Molas, *Problemy opisu konfrontatywnego pojęć społeczno-politycznych* // S. Dubisz, J. Porayski-Pomsta, E. Sękowska (red.), *Lingwistyka a polityka: słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej*, Elipsa, Warszawa 2007, с. 60.

³⁵ О классификации идеологем А.П. Чудиновым см. дальше.

³⁶ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика...*, с. 92–93.

5. Вид ваше превосходительство, подозрительный, большевистский, нельзя доверять, может быть, там в букете бомбы (А. С. Сорокин, *Сибирь — не Черное море*, 1920–1927, НКРЯ³⁷).

6. Транспортная общественность до сих пор слабо мобилизована, не взяла еще большевистских темпов в работе, не чувствует всей важности задачи, стоящей перед транспортом (*Боевые задачи транспорта*, «Знамя» 1930, НКРЯ).

Следует помнить, что для данного теста лучше всего подходят близкие по времени случаи употребления слов, так как некоторые идеологемы актуальны лишь в данный исторический момент.

Идеологема является своего рода ценностным ориентиром, дискурсивной константой или, как определяют ее Борис Норман и Гельмут Яхнов, «социокультурной и политической координатой данного общества»³⁸. Следовательно, если данная лексема — проявление идеологемы, то она не должна менять свою оценочность в рамках одного и того же дискурса. Трудно представить, что идеологемное слово может выступать с определением, не соответствующим ему по признаку выражаемой оценки. Формулировки типа **плохой коммунизм* или **гнусный социализм* в советском идеологическом дискурсе были немыслимы. Такая система просто не считалась коммунизмом или социализмом. С другой стороны, в рамках коммунистического дискурса нельзя, если не учитывать иронически окрашенных высказываний, говорить о **честных империалистах*, **хороших фашистах* и т.д. Наличие такого рода неиронических и нецитативных употреблений в рамках данного идеологического дискурса свидетельствовало бы о неустойчивости коннотативной аксиологии данной лексемы. Следовательно, любая единица с неустойчивой коннотативной аксиологией не может восприниматься как способ выражения аксиологической константы — идеологемы. Возьмем к примеру слово *колхоз*. Совершенно понятно, что в свое время оно употреблялось так с положительной (сторонниками колхозной системы), как и с отрицательной

³⁷ Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru/>.

³⁸ В. Norman, H. Jachnow, *Идеологический компонент и его место...*, с. 45, ср. А. Kikiewicz, *Ideologia w tekście publicystycznym: kategorie tematyczne, konceptualizacja metaforyczna, wartościowanie* // «Zeszyty Prasoznawcze» 2007, № 3–4, с. 21–40; Е.Г. Мальшева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 35.

оценкой (ее противниками). Конечно, речь идет о двух разных идеологических дискурсах. Здесь мы находим подтверждение нашего интуитивного решения об идеологемности этой лексемы. С другой стороны есть такие употребления лексемы *колхоз* в рамках коммунистического дискурса, которые указывают на некую аксиологическую лабильность, например:

7. Учитель приезжает в разваливающийся колхоз, разоблачает окопавшихся там врагов... (И. Гринберг, *Новые пьесы. «Учитель» С. Герасимова* // «Советское искусство» 1939, № 11(591), НКРЯ).

Этот пример свидетельствует о том, что лексема *колхоз* не является репрезентацией идеологемы. Идеологема, понимаемая как аксиологическая константа, просто не может появляться в такого типа контекстах, конечно, в рамках своего «родного» дискурса. Представим себе это предложение в другом варианте. Вместо лексемы *колхоз* у нас появится название советского государства — *Советский Союз* (идеологемный характер не вызывает здесь никаких сомнений):

8. *Учитель приезжает в *разваливающийся Советский Союз, разоблачает окопавшихся там врагов.

Такое вряд ли напечатали бы в номере журнала «Советское искусство» в 1939 году.

Такие единицы, которые лишь «отсылают» к идеологии, не являясь идеологемными словами, следовало бы тогда определить как идеологизированные или идеологически маркированные³⁹. Альтернативным выходом могла бы стать классификация

³⁹ Норман и Яхнов (В. Norman, Н. Jachnow, *Идеологический компонент и его место...*), занимаясь идеологическим компонентом в семантической структуре слова, позиционируют этот компонент как часть семантической периферии. Они считают идеологизированными такие лексемы, как *герой, светлый, высокий, твердый, вперед, сила, счастье* и т.д. (с. 47). В определенных контекстах это так, но стоит обратить внимание на тот факт, что большинство этих слов не меняют свою оценочность в зависимости от идеологических или политических взглядов говорящего. *Героем* называют и коммуниста, и нациста (в зависимости от идеологической позиции говорящего) и это никак не повлияет на содержащуюся в данной лексеме положительную оценку. С другой стороны, авторы замечают, что ввиду отрицательной оценки лексемы *головорез* невозможно употребление *славные головорезы* (с. 45) и что слово *головорез* употребляется, как правило, по отношению к ЧУЖИМ. Это тоже верно, но опять же при переходе слова из одного дискурса в другой не меня-

широко понимаемых идеологом по признаку степени идеологической нагрузки. Тогда такие понятия как *болтун* и *коммунизм* уже на первый взгляд принадлежат к совершенно разным классам. Однако, такая классификация являлась бы совершенно интуитивной. К вопросу о классификации идеологом мы еще вернемся.

Сначала следует рассмотреть «идеологизацию» языковых единиц, т.е., как утверждает Наталья Купина, их переход в разряд идеологом:

Идеологемами становятся не только слова с семантикой, передающей концепты-идеи, но и единицы из сферы конкретной, бытовой лексики, которые получают идеологические наращения⁴⁰.

Елена Малышева пишет по этому поводу:

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в разряд идеологом в разные периоды существования государства могут попадать концепты, содержательно не связанные с идеологической или политической сферой жизни. Это происходит тогда, когда в структуре данного концепта начинает выделяться уже названный идеологический признак (ср., например, идеологизацию в языке советской эпохи концептов «Господин» и «Товарищ» или идеологическую «нагруженность» концептов «Советский балет», «Советский учебный», «Советское языкознание»⁴¹.

Такое понимание «идеологизации», как кажется, является следствием неопределенности самого термина «идеологема». Вопрос в том, как нам определить, может ли данная лексема (или понятие) стать идеологом, если у нас нет четких критериев, которые позволяют идентифицировать самую идеологему. При-

ется отрицательная оценка, а лишь ее объект. Сама лексема и общие условия ее употребления (по отношению к чужим, с отрицательной оценкой) остаются теми же. Такие единицы называются Михаилом Эпштейном прагмемами (М. Эпштейн, *Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)* // «Вопросы языкознания» 1991, № 3, с. 19). Идеологический компонент (в отличие от прагматического) находится в таких случаях на периферии семантической структуры и поэтому эти лексемы, как кажется, нельзя считать идеологемными, а лишь идеологизированными единицами. Идеологемное слово, если придерживаться теории семантического ядра и периферии, — это слово с идеологической составной в центре своей семантической структуры.

⁴⁰ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*, ЗУУНЦ, Екатеринбург–Пермь 1995, с. 14.

⁴¹ Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 35.

меры, которые дает Малышева (*Советский балет, Советский ученый, Советское языкознание*) идеологически маркированы именно потому, что в своей структуре содержат идеологему *советский*. Конечно, иногда лексемы бытовой сферы подвергаются некой идеологизации, но вряд ли могут сами по себе становиться ценностными константами.

Как справедливо замечает Купина: «различаем собственно идеологическую семантику и идеологическую добавку»⁴². Оксана Чернова, в свою очередь, добавляет «Идеологические добавки искусственно [выделение мое — П.З.] накладываются на лексическую семантику и носят догматический характер»⁴³. Купина эти добавки называет «идеологическими наращениями»⁴⁴. При таком подходе появление идеологических коннотаций автоматически продвигает лексему в разряд идеологемных слов. Таким образом пополняется их общий набор. Но если исследователям ясно, что этот идеологический заряд является результатом какого-то «искусственного» процесса, не стоит ли отказаться от автоматического причисления лексем, подвергшимся таким изменениям, к идеологемным словам. Почему мы, называя все слова с идеологической нагрузкой идеологемами, должны упускать из виду эту существенную разницу между двумя классами слов: с «собственно идеологической семантикой» и с «идеологической добавкой»?

Кажется, что целесообразно различать идеологемные слова как некий каркас идеологического дискурса и идеологизированные слова как его неотъемлемое наполнение. В свое время идеологизации подверглось слово *спорт*. Разумеется, имеется в виду *советский спорт* (ср. *социалистическое соревнование, большевистская бдительность* и т.д.). Идеологизация спорта обуславливается именно тем, что он определялся как *советский*, т.е. он подвергался некоему влиянию со стороны идеологемы *советский*, но понятие *спорт*, в свою очередь, не способно таким же образом влиять на слова в содержащих его репрезентации коллокациях, например, *спортивный костюм*,

⁴² Н.А. Купина, *Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем* // «Русский язык сегодня» 2000, № 1, с. 183.

⁴³ О.Е. Чернова, *Идеологема «враг» в советских и современных политических ориентированных текстах* // «Научный диалог. Филология» 2013, № 4, с. 157.

⁴⁴ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык...*, с. 14

мастер спорта, спортплощадка. Это также нужно, на мой взгляд, учесть при определении понятия идеологема. Идеологемные лексемы, в отличие от идеологизированных слов, способны идеологизировать другие единицы текста⁴⁵. Они являются первостепенными носителями идеологического заряда и могут его передавать.

Иногда в научных трудах встречается и понятие «квазиидеологема». В статье Гозель Илагаевой мы можем прочесть следующее:

О влиянии идеи марксизма-ленинизма свидетельствует квазиидеологема «Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин», представленная в семантике слова сталинец: «последователь учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, непоколебимо преданный делу Ленина-Сталина»⁴⁶.

Наталья Купина в свое время писала:

Идеологема буржуазный вбирает в себя смысл «дворянский». Так образуется квазиидеологема дворянско-буржуазный «не наш», чужой, враждебный⁴⁷.

Почему одни единицы считаются идеологемами, а другие квазиидеологемами⁴⁸ — это не объясняется. Без точного определения понятия идеологема этот вопрос так и остается без ответа.

В связи с этим теоретическим недостатком стоит отнести и к разным попыткам классификации идеологем, имеющимся

⁴⁵ Ширяев вслед за Натальей Купиной определяет идеологема как единицы, «которые подчиняют семантику группирующихся вокруг них слов», см. Е.Н. Ширяев, *Общие процессы в развитии русского языка в 1945–1949 гг.* // Е. Н. Ширяев (ред.), *Русский язык*, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, Opole 1997, с. 18.

⁴⁶ Г.О. Илагаева, *Особенности воплощения социалистической идеологии в словарных статьях «толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова* // «Известия Южного федерального университета. Филологические науки» 2014, № 5, с. 85.

⁴⁷ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык...*, с. 11.

⁴⁸ Как кажется, сам термин «квазиидеологема» может быть пригоден в том случае, если в идеологическом дискурсе будут обнаружены такие лексемы, которые «работают» в нем точно так же, как и идеологемные слова, но по своим семантическим признакам никак не связаны с идеологией. К таким лексемам следует, на мой взгляд, отнести, например, названия художественных направлений, гонимых в Советском Союзе (формализм, абстракционизм и т.д.).

ИДЕОЛОГЕМА И ИДЕОЛОГЕМНОЕ СЛОВО...

в научной литературе. Так как «идеологема» понимается по-разному (иногда одним и тем же автором), они бывают довольно непоследовательными.

Гусейнов свою классификацию проводит с формальной точки зрения. Он выделяет следующие классы «идеологем»:

- 1) идеологема — буква: *ъ* в конце слова, *Б/б* в слове *Бог* и т.д.;
- 2) идеологема — акцент: акцент речи вождей;
- 3) идеологема — падежное окончание: *Федеративная Республика Германии* и *Федеративная Республика Германия*;
- 4) идеологема — предлог: *в Украине / на Украине; с Украины / из Украины*;
- 5) идеологема — новое имя: антропонимы, топонимы, этнонимы: *Санкт-Петербург/Ленинград; Владлен, Владлена*;
- 6) имена денег: «Сразу после революции была отменена ненавистная большевикам идеологема деньги, а вместо нее вводились новые, промежуточные, термины для перехода к безденежному обращению»;
- 7) идеологемы — эргонимы: «Серп и молот», «Красная звезда», «Красный октябрь»;
- 8) идеологема — цитата: «Кадры решают все»⁴⁹.

В работе Гусейнова бросается в глаза одно — автор сосредотачивается на формальных способах репрезентации идеологем. Его классификация основана на лингвистическом подходе к этому понятию, но в книге в целом переплетаются лингвистическое и когнитивное понимание термина. Автор дает в своей работе следующее определение идеологемы:

минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество⁵⁰.

С другой стороны, Гусейнов заявляет:

В широком смысле слова к идеологемам следует отнести и несловесные формы представления идеологии — традиционные символы (серп и молот, щит и меч) изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы (мавзолеи, памятники, плакаты, портреты, географические карты, карикатуры, татуировки), а также символы музыкальные (гимны, позывные)⁵¹.

⁴⁹ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы в русском дискурсе...*

⁵⁰ Там же, с. 12.

⁵¹ Там же, с. 13.

Следовательно, если сталинская цитата «Кадры решают все» является сама по себе идеологемой, то она должна представлять какую-нибудь идеологию. С другой стороны, каково ее отношение к идеологии, если не учитывать самого Сталина как автора высказывания. Если здесь можно говорить об идеологической нагрузке, то лишь принимая во внимание символическую фигуру Сталина⁵². Гусейнов приводит в качестве примера топонимическую пару: *Санкт-Петербург — Ленинград*. Идеологический заряд здесь очевиден, но разве *Санкт-Петербург* не является лишь репрезентацией идеологемы (в книге Гусейнова появляется⁵³, но не объясняется, следующий термин — «макроидеологема»⁵⁴) *старое, дореволюционное, а Ленинград — новое, коммунистическое?* Твердый знак в конце слова тоже может нести с собой некую идеологическую информацию, но для этого требуется определенный контекст и вся система прагматических соотношений.

Если подход Гусейнова верен, тогда «идеологемой» можно бы считать любую языковую единицу, которая каким-либо образом ассоциируется с идеологией, но тогда существование научного термина «идеологема» теряет смысл, так как его первоначальная задача — точно выделять определенную категорию объектов действительности. Ассоциативный же подход не является научным, так как ассоциацию нельзя научно обосновать.

Чудинов проводит, в свою очередь, функциональную классификацию идеологем. Автор выделяет две категории:

- 1) идеологемы, которые неодинаково понимаются сторонниками разных политических взглядов, например, *народ, свобода*;
- 2) идеологемы, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, например, *страны народной демократии*⁵⁵.

Вторая категория в этой классификации вызывает сомнение. Разве есть такие слова, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов? Возьмем к примеру «страны народной демократии». Эта номинация употреблялась

⁵² См. Е.А. Нахимова, *Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации...*, с. 152–156.

⁵³ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы...*, с. 58.

⁵⁴ Этот термин больше всего подходил бы к двум основным категориям любого идеологического дискурса — СВОИ–ЧУЖИЕ.

⁵⁵ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика...*, с. 92–93.

во времена господства коммунизма в Восточной Европе его сторонниками. Но ведь даже самый «мерзкий капиталист» и «реакционер» мог бы сказать например: «Они, эти коммуняки, все время разглагольствуют о ‘странах народной демократии’» или «В так называемых странах народной демократии царит хаос» и т.д. Идеологемы, как понятия, являющиеся ядром идеологического дискурса, по своей природе всегда попадают в центр конфликта между разными идеологиями, следовательно, появляются в речи как сторонников, так и противников данной идеологии.

Обратим внимание также на классификацию Клушиной: 1) социальные идеологемы, которые «отражают установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития», например, *держава, мессианиззм*; 2) личностные идеологемы, которые «складываются вокруг руководителя государства, любого значительного политического лидера, героев/ антигероев своего времени», например, *вождь морового пролетариата, гениальный вождь и учитель, генеральный конструктор, верный ленинец, архитектор перестройки, царь Борис* и т.д.⁵⁶

Сомнение вызывает здесь понятие «личностных идеологем». Номинации лидеров, конечно, ассоциируются с репрезентируемой ими идеологией, но разве «любой» из них становится символом данной идеологии. Кажется, что выбор примеров неслучайно ограничивается номинациями самых видных лидеров СССР⁵⁷ и РФ (Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев и Ельцин).

Следует обратить внимание и на смешанный подход Клушиной к самому понятию идеологемы:

С позиций коммуникативной стилистики идеологема — основная авторская идея [выделение мое — П.З.], имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст. Идеологема ложится в основу публицистического текста и организует все

⁵⁶ Н.И. Клушина, *Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.)*. Автореф. дис. докт. филол. наук, МГУ им. Ломоносова, Москва 2008, <http://oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/22-12-2008/Klushina.doc> (29.06.2016).

⁵⁷ Косвенным подтверждением идеологемности фамилий некоторых политических (идеологических) лидеров может быть наличие в дискурсе соответствующих названий идеологических направлений — марксизм, ленинизм, сталинизм и т.д.

текстовое пространство. Идеологема, включенная в коммуникативную ситуацию, получает дополнительные смыслы, встраивается в публицистическую картину мира, создаваемую средствами массовой коммуникации, и становится центральным понятием [выделение — П.З.] публицистического дискурса.

Идеологема — это воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок [выделение — П.З.], которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию, помогающую сплочению социума⁵⁸.

Как кажется, эти два подхода несовместимы. Если мы определяем «идеологему» как «идею» или «понятие», то ее вербальные воплощения должны оставаться именно ее вербальными воплощениями. Итак, большинство примеров «личностных идеологем» должны определяться не как идеологемы, но как их языковые проявления, так как идеологемами на самом деле являются символические фигуры Ленина, Сталина и т.п.

Наиболее полной до сих пор является классификация «идеологем» Малышевой. Она выделяет несколько классов по следующим признакам:

- характер концептуализируемой информации;
- сфера употребления и понимания носителями языка;
- оценочный потенциал;
- актуальность/неактуальность идеологемы в современной идеологической картине мира⁵⁹.

Приведем перечень единиц, которые попали в эту классификацию в качестве примеров идеологем:

народ, флаг, гимн, демократия, олимпиада, спорт, съезд, Государственная Дума, свобода, равенство, Ленин, Сталин, Ельцин, Путин, свобода, отечество, советские солдаты — освободители, родина, террор, фашизм, патриотизм, президент, воля, советский народ, социалистическое соревнование, КПСС, царь, финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность, губернатор, дума.

По крайней мере в нескольких случаях, следовало бы задать один вопрос: с какой идеологией (и каким образом) связана данная «идеологема», например, *спорт* (если ученая посчитала нужным привести в качестве примера не просто *соревнова-*

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 37.

ние, а социалистическое соревнование, то почему не советский спорт?) или монетизация льгот? Как кажется, на практике идеологемами иногда считаются любые социально значимые понятия, что является очередным подтверждением неопределенности термина.

Малышевой выделяются идеологемы с положительным, с отрицательным и смешанным аксиологическим модусом. Все примеры, приведенные автором, подобраны справедливо, но лишь для какого-то одного дискурса. Возьмем к примеру идеологему *фашизм*, которая попала в категорию идеологем с отрицательной аксиологией. Она является отрицательной лишь в дискурсе нефашистов. В речи же фашистов она будет положительно маркированной. Сомнение вызывает также категория «универсальные идеологемы» (напр. *Родина, флаг, гимн*⁶⁰). Если идеологема является понятием или концептом, непосредственно связанным с идеологией (т.е. системой взглядов, отражающих коллективные интересы определенной группы людей), то она по определению не может быть универсальной. Если же понятие является универсальным, то оно особо не связано ни с какой определенной идеологией.

Как кажется, большинство проблем, связанных с понятием «идеологемы», которые наблюдаются чаще всего на аналитическом, но и, как указывают примеры классификаций, на теоретическом уровне, связаны с отсутствием такой дефиниции, которая позволяла бы точно определять (главным образом) ее языковые проявления.

Основываясь на трех признаках, из которых два являются общепризнанными (оценочность и контекстуальность), а один лишь предлагается в рамках данной работы, мне хотелось бы предложить следующее определение идеологемы и идеологемного слова:

«Идеологема» — это когнитивная единица, семантически связана с той или другой идеологией, (т.е., понятие данной идеологии) содержащая ценностную константу данной идеологической среды, которая выражается с помощью речи (дискурса) и неязыковых средств. Идеологемные слова, в отличие от идеологизированных слов, носят примарно идеологический характер, т.е. они выражают понятия, которые непосредственно

⁶⁰ В универсальности этих понятий, на мой взгляд, можно сомневаться, ведь есть же идеологии, которые отрицают понятие Родины.

участвуют в формировании данной идеологии. В определенных контекстах они могут являться также маркерами идеологической принадлежности говорящего. Идеологемные слова в рамках дискурса всегда несут с собой определенную оценку, но ее вектор обуславливается контекстом.

Такое определение идеологемы, как кажется, учитывает все черты такого рода единиц, на которые указывают отдельные исследователи. С другой стороны, предлагаемый в настоящей статье подход позволяет избежать или, по крайней мере, ограничить фактор интуитивности при выделении тестовых реализаций идеологем.

Piotr Zemszał

IDEOLOGEM I SŁOWO IDEOLOGEMOWE – W KIERUNKU DEFINICJI

Streszczenie

W artykule rozpatruje się niekonsekwencję w podejściu do terminu „ideologem” w językoznawstwie rosyjskim. Tekst zawiera propozycję takiej definicji omawianego pojęcia, która pozwoli na wydzielenie odnośnych realizacji językowych przy możliwie znaczącym pominięciu czynnika intuicyjnego.

Piotr Zemszał

IDEOLOGEME AND IDEOLOGEMIC WORD – TOWARDS A DEFINITION

Summary

This paper focuses on an inconsistent interpretation of the term “ideologeme” in the Russian linguistics. The proposed definition of ideologeme and ideologemic word, in the author’s opinion, will allow determining of ideologemic words while excluding the intuitive factor.

JOANNA OLECHNO-WASILUK
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

INNOWACYJNY PROJEKT INTERNETOWY
MULTIMEDIALNY SŁOWNIK
LINGWOREALIOZNAWCZY „ROSJA”

W końcu XX i na początku XXI wieku w Rosji opublikowano ogromną liczbę różnorodnych słowników¹. Pojawiły się nowe strategie opisu leksykograficznego, wykorzystujące współczesne metody przetwarzania informacji. Postęp w tej dziedzinie jest niezwykle dynamiczny. Szczególnie aktywna w dobie digitalizacji jest tak zwana leksykografia komputerowa (компьютерная лексикография) — zbiór metod i narzędzi programowych potrzebnych do przetwarzania informacji tekstowych oraz do tworzenia słowników na różnych nośnikach². Leksykografia komputerowa skupia się na tworzeniu językowych baz danych, korpusów językowych oraz opracowywaniu programów niezbędnych do sporządzania słowników, z których można korzystać z pomocą różnych narzędzi.

Poza terminem „leksykografia komputerowa” w literaturze przedmiotu pojawiają się też takie określenia jak „leksykografia elektroniczna”, „leksykografia maszynowa”, „leksykografia cybernetyczna”³ i in. W niniejszych rozważaniach stosować będziemy termin najczęściej używany — leksykografia komputerowa.

¹ А.С. Герд, Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова, Д.М. Поцепни (red.), *Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации*, Филологический факультет СпбГУ, Санкт-Петербург 2013, s. 14.

² М.В. Авдеева, *Компьютерная лексикография в системе практической и теоретической лексикографии*, https://elibrary.ru/download/elibrary_1834-4591_99576699.pdf (30.08.2017).

³ Н.А. Агапова, Н.Ф. Картофелева, *О принципах создания электронного словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы*, „Вестник Томского государственного университета” 2014, nr 382, s. 6.

Na świecie, między innymi w Polsce, leksykografia komputerowa prężnie rozwija się od połowy lat 90. XX wieku. Niemniej w dalszym ciągu wielu leksykografów traktuje słowniki elektroniczne jako coś wtórnego i pobocznego w stosunku do słownika książkowego⁴. Wraz z rozwojem internetu słowników elektronicznych powstaje tak dużo, że — jak zauważa rosyjska badaczka **Olga S. Rublewa** — **sama leksykografia nie nadąża z opisem tego zjawiska**⁵.

Literatura nie określa jednoznacznie tego, co zaliczamy do słowników elektronicznych. Leksykografowie spierają się, czy za elektroniczny słownik można przyjąć tekstowy, przeniesiony na nośnik elektroniczny, czy ma to być oddzielne dzieło leksykograficzne, poszerzające możliwości wykorzystania przez użytkownika dzięki specjalnym platformom i programom. W leksykografii rosyjskiej używane są różne terminy określające omawiane słowniki: słownik maszynowy (Jurij Marczuk, Lew Nielubin), słownik automatyczny (Łarisa Bielajewa, Aleksandr Gierd, Iwan Ubin), słownik elektroniczny (elektroniczna wersja słownika — Walerij Bierkow, Natalia Siwakowa), słownik komputerowy (Galina Mandrikowa), słownik on-line⁶. W terminologii rosyjskiej pojawia się też termin „медиасловарь”⁷ (Inna Woroncowa). Terminy te używane są synonimicznie. W artykule niniejszym będziemy zamiennie posługiwać się dwoma z nich: słownik komputerowy i słownik elektroniczny.

Słownikiem elektronicznym Władimir Sielegiej nazywa „każde dzieło leksykograficzne zamieszczone na komputerze lub innym nośniku elektronicznym i przeznaczone do ogólnego użytku”⁸. Słowniki elektroniczne dzielimy na słowniki prymarnie elektroniczne (zaplanowane od początku do funkcjonowania w postaci elektronicznej) i zdigitalizowane (zrealizowane jako drukowane i wtórnie poddane procesowi digitalizacji). Słowniki prymarnie elektroniczne

⁴ P. Żmigrodzki, *Słowo — słownik — rzeczywistość*, Wydawnictwo LEXIS, Kraków 2008, s. 99.

⁵ O.C. Rublewa, *Слово в электронном словаре (с позиции пользователя электронными ресурсами)*, <http://www.dissercat.com/content/slovo-v-elektronnom-slovarе> (25.10.2017).

⁶ Д.А. Дубровская, *Возникновение интерактивных онлайн-словарей как результат расширения современной коммуникации*, http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_4-2_21.pdf (30.09.2017).

⁷ Zob. И.А. Воронцова, *Медиасловарь: принципы организации и перспективы развития*, «Ярославский педагогический вестник» 2014, nr 2, t. 1, s. 176–182.

⁸ В.П. Селегей, *Электронные словари и компьютерная лексикография*, http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/selegey_a1.asp (29.09.2017).

dzielią się na słowniki zaplanowane do istnienia wyłącznie w wersji elektronicznej i słowniki przygotowane w formie elektronicznej, ale wydrukowane⁹.

Najogólniej słowniki elektroniczne dzielone są na słowniki off-line (po zapisaniu ich na dowolny nośnik możemy z nich korzystać bez dostępu do sieci) oraz on-line (wymagają dostępu do sieci). Najpopularniejsze rosyjskie słowniki off-line to Polyglossum¹⁰, Контекст¹¹ oraz ABBYY Lingvo¹², natomiast on-line — Lingvo¹³ oraz Multitran¹⁴. Wszystkie te słowniki gwarantują dostęp do kilku bądź kilkunastu języków, jednak najbardziej popularne są wersje angielsko-rosyjskie i rosyjsko-angielskie.

Polyglossum to zbiór 150 specjalistycznych słowników przeznaczonych przede wszystkim dla tłumaczy oraz uczących się języka rosyjskiego. Na platformie Kontekst (Контекст), adresowanej głównie do tłumaczy, znajdują się słowniki tematyczne i specjalistyczne. Wśród słowników rosyjsko-rosyjskich są tu słowniki synonimów, antonimów, paronimów, słowniki wyrazów obcych, nazw geograficznych oraz słownik języka rosyjskiego Władimira Dala. ABBYY Lingvo to platforma przez wielu użytkowników uważana za najprostszą i najwygodniejszą tego typu. Jest to zbiór słowników przekładowych, gwarantujący dostęp do 20 języków, m.in. języka polskiego. Zaletą ABBYY Lingvo jest to, że oprócz tłumaczenia słowniki podają transkrypcję słowa, jego oryginalne brzmienie, konteksty użycia a także warianty tłumaczeń innych użytkowników platformy. Aby skorzystać ze wszystkich możliwości opisywanej platformy, konieczna jest rejestracja. Pełne wersje słowników są płatne. Wszystkie wymienione pozycje to przede wszystkim słowniki tłumaczeniowe, bo głównie w tej dziedzinie powstaje najwięcej ich elektronicznych wariantów.

Słowniki on-line (Lingvo oraz Multitran) to również słowniki tłumaczeniowe. Istnieją w wersji podstawowej (bezpłatnej) oraz rozszerzonej (płatnej). Słownik Lingvo jest odpowiedni dla osób rozpoczynających naukę języka obcego. Użytkownicy znajdą tu tłumaczenie pojedynczych słów bądź całych wyrażen. Dzięki możliwości zacho-

⁹ P. Żmigrodzki, *Słowo...*, s. 100–101.

¹⁰ <http://www.polyglossum.ru/pg/pg/ru/index.htm> (20.09.2017).

¹¹ <http://www.dics.ru/download/> (20.10.2017).

¹² <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/pl-ru/s%C5%82ownik> (03.09.2017).

¹³ https://www.lingvolive.com/ru-ru?lol=true&utm_source=lingvoonline.ru&utm_medium=301redirect&utm_campaign=reg+landing (03.09.2017).

¹⁴ <https://www.multitran.ru/c/m.exe?a=1> (20.10.2017).

wania historii wyszukiwania użytkownik może śledzić swoje postępy w nauce. W obu omawianych słownikach można być aktywnym współtwórcą słownika, dodawać swoje warianty tłumaczeń, zostawiać komentarze. W tym celu należy się zarejestrować. Kwestie ewentualnych błędów rozstrzyga administrator strony. Słownik gwarantuje również dostęp do przykładów użycia wyszukiwanego słowa, głównie w dziełach literackich. Dla ułatwienia przy hasle pojawiają się odsyłacze, które w stosunkowo krótkim czasie pozwalają otworzyć stronę z powiązanim artykułem hasłowym.

Leksykografia komputerowa w dalszym ciągu przez wielu traktowana jest jako zjawisko przejściowe. Chociaż są też tacy, którzy wróżą jej dynamiczny rozwój, sądząc, że to właśnie słowniki elektroniczne znajdą w przyszłości więcej odbiorców niż słowniki papierowe, które powoli zaczynają przegrywać tę nierówną walkę¹⁵.

Słowniki elektroniczne stają się coraz bardziej uniwersalną i wygodną formą prezentacji różnorodnych informacji leksykograficznych. We współczesnej leksykografii coraz częściej podejmuje się próby kompleksowego przedstawienia jednostki językowej. Działania te są odpowiedzią na wyzwania lingwistyki, w której podkreśla się, że każdy język buduje swój semantyczny wszechświat, a użycie słowa w dużej mierze determinowane jest przez to, jak ono odzwierciedla świat. Podejście do języka jako fenomenu kultury spowodowało zwiększenie zainteresowania komponentem narodowo-kulturowym jednostki językowej. Użytkownika coraz częściej interesuje nie samo tłumaczenie słowa, lecz to, jak ono funkcjonuje w języku, kulturze i świadomości jego rodzimych użytkowników. Poszukuje się więc źródeł, w których wiedza językowa łączy się z informacją ekstraklingwistyczną. Taką możliwość mają słowniki elektroniczne ze swoją nieograniczoną objętością.

Wśród projektów komputerowych nowatorski jest *Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Инновационный сетевой проект (Multimedialny słownik lingworealioznawczy „Rosja”. Innowacyjny projekt internetowy, MSL)*¹⁶. Powstał on na bazie wcześniej wydanych papierowych wersji słowników lingworealioznawczych, m.in. słownika *Россия. Большой лингвострановедческий словарь (Rosja. Wielki słownik lingwo-*

¹⁵ О.П. Фесенко, *Компьютерная лексикография: программные средства и продукт научной отрасли*, «Инновационное образование и экономика» 2014, nr 15(26), s. 28–30.

¹⁶ <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/> (02.09.2017).

realioznawczy). MSL jest elektroniczną wersją słownika książkowego. Zwróćmy uwagę na różnice i podobieństwa w wariancie tradycyjnym i elektronicznym słownika.

Obie wersje słownika stworzone zostały przez teoretyków i praktyków lingwokulturologii Państwowego Instytutu Języka Rosyjskiego im. A. Puszkina w Moskwie. W słownikach zamieszczono słowa oraz wyrażenia z tzw. komponentem narodowo-kulturowym, czyli jednostki językowe, które w swojej semantyce zawierają dodatkowe informacje i skojarzenia, związane są z historią i kulturą kraju, są dobrze znane przeciętnemu Rosjaninowi (słowo bez tła kulturowego nie może być efektywnym narzędziem komunikacji).

Słownik MSL, zarówno w wersji elektronicznej, jak i papierowej, adresowany jest do uczących się języka rosyjskiego jako obcego oraz do wykładowców niebędących rodzimymi użytkownikami tego języka. Obie wersje nazwane są przez twórców słownikami antropocentrycznymi: opisują bowiem nie abstrakcyjny system, ale żywy język, jego realne użycie. Według autorów słowniki odnoszą się do świadomości językowej współczesnych Rosjan i do współczesnej kultury (MLS). Głównym kryterium, którym autorzy kierowali się przy wyborze haseł i materiałów, jest ich precedensowość. Słowniki zawierają te hasła i materiały, które „wykształcony rodzimy użytkownik języka zna, a nie te, które powinien znać” (MSL). Artykuły zawierają precedensowe teksty werbalne, a także precedensowe obrazy. Przez precedensowość twórcy słownika rozumieją „obraz istniejący w świadomości wszystkich Rosjan” (MSL).

Elektroniczna wersja MSL pierwotnie ukazała się pod nazwą *Мультимедийный лингвострановедческий словарь „Россия”*. Z czasem autorzy zdecydowali się na uzupełnienie tytułu o *Иновационный сетевой проект*. W tym miejscu należy podkreślić pierwszą cechę słowników elektronicznych — informacja w nich zawarta może być aktualizowana na bieżąco, zawartość słownika ewoluuje.

W wersji komputerowej hasła można wyszukiwać alfabetycznie, tematycznie lub według rozdziałów. To czytelnik decyduje o sposobie wyszukiwania. Jest to podejście nowatorskie w porównaniu do tradycyjnego słownika, w którym ze względu na jego linearną budowę obowiązuje układ alfabetyczny.

Zaletą wersji elektronicznej słownika MSL jest koncentryczny układ treści (niemożliwy do zastosowania w wersji papierowej), polegający na powtarzaniu materiału w coraz to szerszym zakresie na różnych poziomach znajomości języka (od A1 do C2).

Rys. 1. Strona internetowa MSL. Widok na stronę główną „Медиатека”
 Źródło: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/>

Elektroniczną wersję słownika cechują hipermedialność oraz interaktywny charakter. Wersja sieciowa wzbogacona została o materiały multimedialne: fragmenty filmów, piosenek, zabaw oraz zadań interaktywnych. Na 887 artykułów hasłowych w słowniku znalazły się 3143 ilustracje multimedialne oraz 389 zadań interaktywnych na poziomie A1–C2. Dane te mogą ulec zmianie. Interaktywność słownika przejawia się również w tym, że możliwa jest komunikacja jego autorów z użytkownikami. Leksykografowie otrzymują informację zwrotną, dzięki czemu są w stanie poznać potrzeby czytelników i udoskonalać projekt.

Cechą słownika elektronicznego jest hipertekst¹⁷ — rozbity na fragmenty, które są na wiele sposobów połączone ze sobą odsyłaczami (hiperłączami). To tekst, który może rozwinąć się na żądanie użytkownika. Odnośnik odsyła czytelnika do innego artykułu hasłowego zawartego w słowniku. Jest to tak zwane hiperłącze wewnętrzne, które łączy obiekty informacyjne i zapewnia szybkie przejście od jednego hasła do drugiego. Hiperłącza są dziś integralną częścią przestrzeni internetowej.

¹⁷ Termin ten stworzony został w 1965 roku przez Teda Nelsona na oznaczenie rodzaju hipermediów o charakterze tekstowym. Idea hipertekstu pojawiła się wraz z odkrywaniem potencjału komputerów.

Różnice i podobieństwa między wersją papierową a elektroniczną słownika zaobserwujemy na konkretnym artykule hasłowym. Za przykład posłużą nam hasło „старый стиль».

Rys. 2. Strona internetowa MSL. Widok na hasło *старый стиль*.
 Źródło: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/>

Rys. 2. Zdjęcie artykułu hasłowego *старый стиль* w słowniku papierowym, s. 550.

W pierwszej części opisu leksykograficznego w elektronicznej wersji słownika hasło jest zwizualizowane za pomocą precedensowego dla kultury rosyjskiej obrazu. W wersji papierowej hasło „старый стиль» nie jest zwizualizowane.

W wersji papierowej słownika MSL hasło to zawiera wyłącznie krótką informację encyklopedyczną (należy jednak podkreślić, że struktura innych artykułów hasłowych w wersji papierowej jest na ogół bardziej rozbudowana). Gwiazdką zostały oznaczone hasła, które również znajdują się w słowniku. Jednak są to tylko dwa odnośniki: „Пётр I” i „новый стиль». **W wersji elektronicznej autorzy zamieścili kilka odsyłaczy, by opis leksykograficzny był jeszcze bogatszy.** Są to: Бородино, Рождество, Октябрьская революция, Новый год, старый Новый год.

Wersja internetowa jest bogatsza nie tylko o hipertekst, ale też o multimedia. Do omawianego hasła dołączone są fragmenty dekretu o wprowadzeniu w Republice Rosyjskiej zachodnioeuropejskiego kalendarza z 26 stycznia 1918 r., kartka z kalendarza prawosławnego na rok 2018, sowiecki plakat *Alfabet rewolucji* oraz sowiecka kartka pocztowa z okazji 7 listopada.

Obie wersje słownika MSL zaznajamiają użytkowników z życiem, kulturą oraz tradycjami narodu rosyjskiego, zapoznają ich z narodowym obrazem świata oraz z mentalnością Rosjan. Zawarte w nich artykuły hasłowe posiadają ważne kulturowo informacje, wyrażają historyczno-kulturowe idee narodu rosyjskiego, opisują obiekty kultury, tradycje i obrzędy Rosjan. W wersji komputerowej wszystko wzbogacone jest o materiały audio i video, co pozwala użytkownikowi między innymi usłyszeć oryginalny język rosyjski. Właśnie to stanowi o największej wartości słownika elektronicznego — różnorodność informacji (audio, video itp.) przechowywanych w jednym miejscu. Dzięki nieograniczonej objętości elektroniczna wersja słownika MSL jest bogatsza o materiały multimedialne. Struktura artykułu hasłowego jest bardziej rozbudowana (choćby elementy opisu są podobne), w definicji leksykograficznej jest dużo więcej odnośników (hiperłączy wewnętrznych) niż w wersji papierowej. Słownik posiada koncentryczną strukturę. Istnieje możliwość ciągłej aktualizacji i dynamicznej rozbudowy projektu. Ponadto wersję elektroniczną użytkownik może zapisać na różnych nośnikach, oszczędzając w ten sposób miejsce i czas.

Rosyjski leksykograf Walerij Bierkow w pracy *О словарях XXI века (из лексикографической футурологии)* pisał o najważniej-

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ИНТЕРНЕТОВЫЙ...

szych cechach słownika XXI wieku. Są to: ukierunkowanie na użytkownika, bogata informacja encyklopedyczna w opisie leksykograficznym, koncentryczny układ haseł, dodatkowy, poza alfabetycznym, sposób wyszukiwania artykułów hasłowych, dostęp do oryginalnych materiałów audiowizualnych¹⁸. Wszystkie te cechy posiada *Multimedialny słownik lingworealioznawczy „Rosja”* – innowacyjny wśród projektów leksykograficznych.

Иоанна Олехно-Василюк

ИННОВАЦИОННЫЙ СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «РОССИЯ»

Резюме

Настоящая статья содержит анализ электронного словаря *Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия»*. *Иновационный сетевой проект*. На примере словарной статьи «старый стиль» автор сравнивает данный словарь с его бумажной версией. В частности анализируются типичные особенности электронных словарей: гипермедиа, интерактивный характер и ориентация на пользователя.

Joanna Olechno-Wasiluk

AN INNOVATIVE INTERNET PROJECT MULTIMEDIA LINGUISTIC-CULTURAL DICTIONARY “RUSSIA”

Summary

The paper analyzes the electronic dictionary *Multimedia linguistic-cultural dictionary “Russia.” An innovative Internet project*. The author compared it to its paper version of 2007. On the basis of the entry “old style” differences and similarities of both projects were pinpointed. While analyzing the dictionary, special attention was paid to features typical of electronic dictionaries, such as: hypermodality, their interactive nature and focus on the user.

¹⁸ В.П. Берков, *О словарях XXI века (из лексикографической футурологии)*, „Мир русского слова” 2000, s. 65–69.

KATARZYNA DEMBSKA
UMK Toruń

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ МНОГОСЛОВНЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Многословным/сверхлексемным единицам (фраземам), согласно новейшей терминологии, называемым также сверхлексемными репродуктами¹, с 90-х годов XX столетия, когда сформировались основы фразеологии адресанта, т.е. фразематики², уделяется немаловажное внимание. Лингвисты особенно наблюдают за разными способами их воспроизводимости, которая и является исходной точкой исследований над фразематическим потенциалом такого рода сочетаний. Этот вопрос поднимается также в настоящей статье.

По определению Войцеха Хлебды, репродукт — это

jednostka języka wyodrębniona z tekstów sformułowanych w tym języku w rezultacie stwierdzenia jej regularnej powtarzalności w tych tekstach w funkcji werbalizatora określonego zespołu treściowego (pojęcia, sądu, intencji, emocji itp.). Reproduktem może być jednowyrazową bądź wielowyrazową postać formalną i metaforyczną bądź niemetaforyczną statusu znaczeniowego. Termin «репродукт» używany jest w opozycji do terminu «продукт językowy», oznaczającego proces i efekt konfigurowania reпродуктов (jednowyrazowych i wielowyrazowych) w akcie tworzenia wypowiedzi³.

¹ См. В. Хлебда, *Метаоператоры в функции поисковой системы в обработке ресурсов Рунета для лексикографических целей*, «Rossica Olomucensia» 2010, XLIX, № 2, с. 57–66.

² См. W. Chlebda, *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu, Opole 1991, с. 199.

³ W. Chlebda, *Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reпродуктов wielowyrazowych // W. Chlebda (ред.), Na tropach reпродуктов. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2010, с. 15.

Однако, как оказывается, единицы, которые являются предметом исследования в настоящей статье, имеют возможность воспроизводиться и совсем иначе, особым способом, о чем дальше и пойдет речь.

Таким образом, предметом анализа в настоящей работе являются многословные единицы, которые приобретают форму пословиц, поговорок, фразеологизмов и крылатых выражений — как в их инвариантном (т.е. неизменном), так и вариантном (модифицированном) виде. Автор попытается достигнуть следующих целей:

— представить 30 (из выше ста анализируемых) избранных единиц⁴, учитывая способы их образования,

— проверить степень фиксации приведенных многословных конструкций в словарях русского языка и Национальном корпусе русского языка⁵, а также возможность их воспроизводимости в части русскоязычного виртуального пространства (с помощью поисковой системы Google.ru), что позволит отнести обсуждаемые сочетания к единицам языка или речи,

— попытаться определить прагматический потенциал анализируемых фразем.

Многословные единицы занимают особое место в процессе анализа языка СМИ и рекламы, в котором их употребление наблюдается в особенности в газетных заголовках, демотиваторах и рекламных слоганах, однако в широком диапазоне публикаций, предметом которых являются единицы фразематического характера, не упоминается важная, на наш взгляд, возможность их воспроизводимости, а именно надписи на футболках.

Настоящая статья является попыткой в какой-то степени заполнить этот пробел.

⁴ Материал для исследований почерпнут с официальных веб-сайтов четырех интернет-магазинов, предлагаемых покупателям широкий выбор футболок с текстом, а именно: <http://prostomayki.com.ua/prikolnye-nadpisi-2.html>. Материал, почерпнутый из этого сайта, обозначается в статье символом (1); http://modnofull.blogspot.com/2013/03/blog-post_3341.html. Материал, почерпнутый из этого сайта, обозначается в статье символом (2); <http://krutomaiki.ru/>. Материал, почерпнутый из этого сайта, обозначается в статье символом (3); https://www.vsemayki.ru/catalog/mayki_prikolnye_nadpisi?sort=sell&page=2. Материал, почерпнутый из этого сайта, обозначается в статье символом (4).

⁵ <http://www.ruscorpora.ru/> (23.04.2017).

Футболка — это «спортивная трикотажная рубашка с рукавами и отложным воротником или без воротника»⁶. Ее называют МакОдеждой XX и XXI века⁷. Катажина Оссовска и Эва Шкудларек-Сьмехович утверждают, что она появилась в конце XIX столетия в снаряжении американских матросов⁸, однако спортивные трикотажные рубашки с надписью стали популярными только в 40-е годы XX века⁹, подтверждением чего являются слова Ольги Николаевны Ивус:

Первые надписи на майках появляются еще в годы Второй мировой войны в американской армии, тогда на них солдаты писали номера военных частей, названия подразделений и моделей оружия¹⁰.

Надо однако учесть, что «еще в античном мире для усиления коммуникативной значимости, а также эстетичности одежды на ее части стали наноситься письменные знаки, часто стилизованные под орнамент»¹¹.

Как замечает Чжан Линь, тенденция к распространению надписей на одежде «не идет на спад и в настоящее время»¹². Как уже упоминалось, обсуждаемые единицы могут воспроизводиться как в инвариантном, так и вариантном виде, в подтверждение чего приведем примеры из почерпнутого нами материала:

⁶ С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, под общей редакцией профессора Л.И. Скворцова, ООО «Издательство Мир и Образование», Москва 2008.

⁷ См. польское определение *McStrój* w: A. Sijka, *Koszulka ponad podziałami*, «Wprost» 2003, № 36 (1084), см. <https://www.wprost.pl/tygodnik/48701/Koszulka-ponad-podzialami.html> (23.04.2017). Ср. название бренда *Макдоналдс*.

⁸ K. Ossowska, E. Szkudlarek-Śmiechowicz, *Moda na słowo — analiza językowo-komunikacyjna napisów na T-shirtach* // K. Jachimowska, B. Kudra, E. Szkudlarek-Śmiechowicz (ред.), *Słowo we współczesnych dyskursach*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2014, с. 332.

⁹ A. Sijka, *Koszulka ponad podziałami...*

¹⁰ О.Н. Ивус, *Слоган на одежде: история, сущность и функционирование*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2012, № 6, с. 59.

¹¹ Ч. Линь, *Надписи на одежде*, «Русская речь» 2014, № 6, с. 50.

¹² Там же.

**I. Многословные единицы
в немодифицированном (инвариантном) виде:**

1. *Красота спасет мир!*

(1)

Данная фраза представляет собой крылатое выражение из романа *Идиот* Достоевского.

В романе (ч. 3, гл. V) эти слова произносит 18-летний юноша Ипполит Терентьев, ссылаясь на переданные ему Николаем Иволгиным слова князя Мышкина и иронизируя над последним: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет красота»? Господа, — закричал он, громко всем, — князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен¹³.

2. Название песни из репертуара группы Тату:
Нас не догонят.

(2)

¹³ В. Серов, *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*, См. <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/161.htm> (23.04.2017).

3. *Дуся! Вы меня озлобляете.*

(3)

Источником этой крылатой фразы является книга *Двенадцать стульев* Ильфа и Петрова: — *Дуся! Вы меня озлобляете. Я — человек, измученный нарзаном.*

II. Модифицированные многословные единицы (антипословицы)

Антипословицы, представляющие собой особую игру с инвариантными многословными единицами, настолько часто употребляются носителями современного русского языка, что их можно назвать его неотъемлемым элементом. Это своего рода жанр народного творчества, с помощью которого реализуется языковая экспрессия носителей языка, а также высмеиваются моральные и языковые нормы. Один из соавторов словаря *Антипословицы русского народа*, Харри Вальтер, в ходе исследований замечает, что «общая цель антипословичного творчества — опровергнуть устоявшиеся стереотипы, создавая смеховой эффект»¹⁴.

Валерий Мокиенко и Харри Вальтер подчеркивают, что это «языковые единицы весьма широкого круга»¹⁵ и в них трансформации подвергаются не только классические паремии, но также другие единицы: поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения, афоризмы. В почерпнутом нами материале наблюдаются следующие способы модификации источников:

¹⁴ Х. Вальтер, *Мифологические персонажи в русских антипословицах*, «Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І.Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації» 2011, № 25 (64), с. 296.

¹⁵ Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, *Антипословицы русского народа*, ЗАО ОЛМА Медиа Групп, Москва 2008, с. 8.

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ...

1. Замена компонентов (одного или больше):

а) вм. Маслом кашу не испортишь: *Сексом дружбу не испортишь:*

(1)

Стоит подчеркнуть, что одной из наиболее часто подвергающихся модификации фразем является единица *Кто рано встает, тому Бог подает:*

б) вм. Кто рано встает, тому Бог подает: *Кто рано встает, тот далеко от работы живет; Кто рано встает, тот точно не я; Кто рано встает, тот один в онлайн:*

(2)

(3)

(4)

Дальше можем привести следующие примеры преобразований путем замены компонентов:

в) *вм.* Береги платье снову, а честь смолоду: *Береги брюки сзади, а юбку спереди:*

(1)

г) *вм.* Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит: *Сколько гостя не корми, он все равно напьется:*

(2)

д) *вм.* Взять голыми руками кого-н. (т.е., овладеть без значительных усилий): *Взять голыми ногами:*

(1)

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ...

е) в.м. Семь раз отмерь, один раз отрежь: *Семь раз отпей, один отлей:*

(3)

е) в.м. Лучше поздно, чем никогда: *Лучше стыдно, чем никогда:*

(4)

ж) в.м. Сделал дело — гуляй смело: *Сделал дело — вымой тело:*

(5)

з) *вм.* Не имей сто рублей, а имей сто друзей: *Не имей сто рублей, а имей один евро:*

(6)

Причем замене может подвергаться только грамматическая форма:

и) *вм.* Отдам что-л. в хорошие руки: *Отдамся в хорошие руки!:*

(7)

В упомянутом выше примере замена невозвратного глагола возвратным (*отдать* — *отдаться*) привела к переосмыслению исходной единицы и выдвигению на первый план сексуального подтекста.

При трансформах, образованных путем замены компонента, переосмысление — не редкость. Например, в единице *Меня голыми ногами не возьмешь* ограничивается значение *овладеть без значительных усилий*, а на первый план опять выдвигается сексуальный подтекст.

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ...

2. Расширение единицы или сопровождение ее авторским комментарием:

а) в.м. Мотать нервы: *Мотаю нервы. Сколько вам клубочков?:*

(1)

б) в.м. С милым рай и в шалаше: *С милым рай и в шалаше, если милый на PORSCHE:*

(2)

в) в.м. Я не такая!: *Я не такая! Я жду трамвая:*

(3)

Причем, в первой из представленных модификаций (*Мотаю нервы. Сколько вам клубочков?*) нетрудно заметить прием буквализации исходной фраземы.

Иногда при такого рода расширении наблюдается замена компонентов, примером чего может послужить модификация уже упоминаемой нами фраземы *Кто рано встает, тому Бог подает*:

г) *Кто рано встает, тот всех бесит, хлопает дверями, гремит чайником, громко ходит*:

(4)

Замечается также сопровождение расширения заменой грамматической формы, например,

д) *вм. Поживем — увидим: Поживу — увижу. Доживу — узнаю. Выживу — учту...*

(5)

Наряду с расширением состава компонентов наблюдается и процесс усечения, причем в нашем материале он сопровождается авторским комментарием, а именно:

3. Усечение + авторский комментарий:

а) фрагмент стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «К***: «Я помню чудное мгновенье (...)» » + *потом не помню ничего*:

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ...

(6)

б) *вм.* Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь: Слово — не воробей. Вообще ничто не воробей. Кроме воробья:

(7)

в) *вм.* И один в поле воин: И один в поле воин. Если он по-русски скроен:

(8)

Надо подчеркнуть, что данная единица представляет собой пример обыгрывания не исходной единицы (*Один в поле — не воин*), а ее трансформированного варианта, т.е. *И один в поле — воин*¹⁶, что свидетельствует о потенциале антипословичных

¹⁶ См. там же, с. 72.

единиц дальше модифицироваться и образовать своего рода ряд трансформ: *Один в поле — не воин → И один в поле — воин → И один в поле воин. Если он по-русски скроен.*

4. Своего рода продолжение исходной поговорки:

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

↓

Не имей сто друзей, а имей сто подруг:

(1)

5. Контаминация:

Наступать на те же грабли + Чему бы жизнь нас не учила, но сердце верит в чудеса = *Чему бы грабли не учили, сердце верит в чудеса:*

(3)

5. Употребление фразем в тексте (также путем их сочетания)

а) Ветер в голове у кого-н. + свежие мысли = *Ну и что, что ветер в голове,! Зато мысли всегда свежие!:*

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ...

(1)

б) что-н. кому-н. по вкусу + что-н. кому-н. не по зубам = Я — не конфетка, чтобы быть всем по вкусу. Я орешек, который не всем по зубам!:

(3)

в) носить кого-н. на руках + сесть кому-н. на шею = Меня не надо носить на руках. Я сама сяду на шею:

(4)

г) Название песни группы БИ-2 Полковнику никто не пишет:

Что-то мне никто не пишет... Может я полковник?:

(5)

д) Лапшу на уши вешать кому-н.:
Всю бы лапшу с моих ушей да в голодные страны!:

(6)

В данной группе трансформ исследуемые фраземы воспроизводятся, как принято (согласно теории Войцеха Хлебды), в своего рода текстах. Остальные группы представляют эти единицы в изоляции, т.е., они сами по себе являются текстом (т.н., текстом минимальным¹⁷). Надо подчеркнуть, что как употребление трансформированной единицы в тексте, так и в изоляции, как кажется, не ослабляет ее потенциала воспроизводиться в виде надписей на футболках, поскольку адресант высказывания, т.е., потребитель футболки с надписью, сам является многократным ее (т.е., фраземы) «воспроизводителем».

Из подаваемых в настоящей статье описанию немодифицированных многословных единиц, в словарях русского языка фиксируется только фразема *Дуся, вы меня озлобляете*, причем речь идет лишь о словарях крылатых слов и афоризмов русского кино¹⁸.

¹⁷ Об этом См. S. Wasiuta, *Przysłowie jako jednostka językowa (w perspektywie tekstologii integralnej)*, «LingVaria» 2016, XI, с. 107–119.

¹⁸ См., например, А.Ю. Кожевников, *Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино*, Издательский Дом «Нева», СПб 2005.

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ...

Фиксация модифицированных единиц наблюдается зато только в словаре *Антипословицы русского народа* Вальтера и Мокиенко¹⁹, в котором авторы приводят следующие антипословицы:

Береги брюки сзади, а юбку спереди (с. 39),
Сколько гостей не корми, он все равно напьется (с. 439),
Семь раз отпей, один раз отлей (с. 434),
Сделал дело — вымой тело (с. 125),
Не имей сто друзей, а имей сто подруг (с. 200).

Следует однако заметить, что в данном словаре фиксируются варианты некоторых из перечисленных нами единиц, а именно:

Взятку сексом не испортишь и *Машу сексом не испортишь* (вм. *дружбу*, с. 433),
Не имей сто рублей, а имей сто баксов (вм. *а имей один евро*, с. 200),
С милым рай и в шалаше, если милый атташе и *С милым рай и в шалаше, если есть недвижимость на Канарах* (вм. *если милый на PORSHЕ*, с. 261).

В Национальном корпусе русского языка замечается наличие следующих, перечисленных в настоящей статье, единиц:

Красота спасет мир (в основном корпусе — 50 документов, в газетном — 47),
Нас не догонят (в основном корпусе — 11 документов, в газетном — 44),
Береги брюки сзади, а юбку спереди (только в газетном корпусе — 2),
Отдамся в хорошие руки (только в газетном корпусе — 1),
Я не такая, я жду трамвая (в основном корпусе — 3 документа, в газетном — 4).

Таким образом, появляется вопрос об окказиональном характере большинства обсуждаемых сочетаний. Поэтому, обоснованной кажется проверка воспроизводимости описываемых нами единиц в репрезентативном фрагменте русскоязычного виртуального пространства. Поиск²⁰ единиц в поисковой системе (Google.ru), проводящийся с помощью кавычек, принес следующие результаты²¹:

¹⁹ Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, *Антипословицы русского народа...*

²⁰ Данные на 28.10.2018 года.

²¹ Единицы помещаются в таблицу не в алфавитном порядке, а в порядке их представления в статье.

Многословная единица	Результаты поиска
<i>Красота спасет мир</i>	732 000
<i>Нас не догонят</i>	819 000
<i>Дуся! Вы меня озлобляете</i>	4350
<i>Сексом дружбу не испортишь</i>	12 400
<i>Кто рано встает, тот далеко от работы живет</i>	9850
<i>Кто рано встает, тот точно не я</i>	4460
<i>Кто рано встает, тот один в онлайн</i>	286
<i>Береги брюки сзади, а юбку спереди</i>	825
<i>Сколько гостя не корми, он все равно напьется</i>	4370
<i>Меня голыми ногами не возьмешь</i>	2120
<i>Семь раз отпей, один отлей</i>	2350
<i>Лучше стыдно, чем никогда</i>	19 700
<i>Сделал дело – вымой тело</i>	10 600
<i>Не имей сто рублей, а имей один евро</i>	123
<i>Отдамся в хорошие руки!</i>	42 400
<i>Мотаю нервы. Сколько вам клубочков?</i>	3210
<i>С милым рай и в шалаше, если милый на PORSHE</i>	2940
<i>Я не такая! Я жду трамвая</i>	33 000
<i>Кто рано встает, тот всех бесит, хлопает дверями, гремит чайником, громко ходит</i>	51
<i>Поживу – увижу. Доживу – узнаю. Выживу – учту</i>	78 000
<i>Я помню чудное мгновенье, потом не помню ничего</i>	505
<i>Слово – не воробей. Вообще ничто не воробей. Кроме воробья</i>	1470
<i>И один в поле воин. Если он по-русски скроен</i>	14 300
<i>Не имей сто друзей, а имей сто подруг</i>	2900
<i>Чему бы грабли не учили, сердце верит в чудеса</i>	140
<i>Ну и что, что ветер в голове,! Зато мысли всегда свежие</i>	10 100
<i>Я – не конфетка, чтобы быть всем по вкусу. Я орешек, который не всем по зубам</i>	10 600
<i>Меня не надо носить на руках. Я сама сяду на шею</i>	38
<i>Что-то мне никто не пишет... Может я полковник?</i>	1
<i>Всю бы лапшу с моих ушей да в голодные страны!</i>	3780

Несмотря на то, что результаты поиска нельзя считать вполне достоверными, они все-таки дают какие-то показания об употреблении данных единиц носителями языка, а также об их распространении путем веб-страниц и позволяют сделать вывод, что большинства из них нельзя считать единицами языка, а — пока — их надо относить к единицам речи.

В них зато, подтверждением чего является представленный материал, обыгрываются или перерабатываются единицы языка, а именно: пословицы и поговорки (например: *Кто рано встает, тому Бог подает; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Береги платье снову, а честь смолоду; Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит*), фразеологизмы (например: *лапшу на уши вешать кому-н.; носить кого-н. на руках; сесть кому-н. на шею; что-н. кому-н. по вкусу; что-н. кому-н. не по зубам*) и крылатые фразы (например: *Все, что нас не убивает, делает нас сильнее; Лучше поздно, чем никогда; Чему бы жизнь нас не учила, но сердце верит в чудеса; Нас не догонят*).

Стоит добавить, что в надписях на одежде, что подчеркивает Линь, очень важен смеховой элемент²². Эту функцию (т.е. достижения эффекта смеха, одновременно подчеркивая интерес адресанта — потребителя футболки к остроумию и языковой игре) выполняют в особенности многословные единицы антипословичного характера.

Таким образом, в ходе исследований над единицами фразематического характера можно также задуматься над вопросом их прагматического потенциала.

Польские исследовательницы, Катажина Оссовска и Эва Шкудлярек-Сьмехович утверждают, что

teksty widniejące na koszulkach to komunikaty o pewnym stanie rzeczy z perspektywy nadawcy noszącego T-shirt, kreują więc również jego wizerunek. Ważne przy tym jest podstawowe założenie: noszący koszulkę z określonym napisem wybiera ją w sposób intencjonalny²³.

Высказываясь по поводу фразематических единиц, Екатерина Симоненко также замечает, что: «в семантической структуре фразем сфокусированы интенционально-прагматические,

²² См. Ч. Линь, *Надписи на одежде*, «Русская речь» 2014, № 6, с. 52.

²³ К. Ossowska, E. Szkudlarek-Śmiechowicz, *Moda na słowo...*, с. 333.

когнитивные, коммуникативные, образно-оценочные и ассоциативные смыслы, составляющие ее интенциональный план»²⁴, а по словам Екатерины Белозеровой, «Каждая ФЕ выполняет определенную коммуникативную функцию и реализует определенную коммуникативную задачу»²⁵.

Однако, на наш взгляд, очень трудно оценить, насколько фразематическими единицами, которые могут воспроизводиться в виде надписей на футболках, реализуется коммуникативная задача. Есть среди них надписи с чисто смеховой (развлекательной) функцией и стоит задуматься, выполняют ли они другие коммуникативные задачи. Нетрудно заметить, что по своей структуре они бывают похожими на рекламный слоган, т.е. они без сомнений выполняют воздействующую функцию, привлекая внимание адресата. Поэтому, как кажется, именно такие единицы выбираются производителями футболок, целью которых является продажа товара. Однако, можно полагать, что смеховая функция в какой-то степени связана с фатической (контактоустанавливающей) функцией, что также может влиять на этот выбор.

Надо подчеркнуть, что трудно относиться к обсуждаемым единицам как к собственно речевым актам, хотя, по своей структуре они могут напоминать:

1. Сообщения, например: *Меня голыми ногами не возьмешь; Кто рано встает, тот точно не я; Я не конфетка, чтобы быть всем по вкусу — я орешек, который не всем по зубам; Меня не надо носить на руках, я сама сяду на шею.*

2. Предостережения, например: *Береги брюки сзади, а юбку спереди; Сколько гостей не корми, он все равно напьется.*

3. Просьбы/желания/приказы, например: *Сделал дело — вымой тело; Всю бы лапшу с моих ушей да в голодные страны.*

4. Советы, например: *Не имей сто рублей, а имей один евро; Семь раз отмерь, один раз отрежь; Лучше стыдно, чем никогда.*

5. Объявления, например: *Отдамся в хорошие руки.*

6. Вопросы, например: *Что-то мне никто не пишет. Может я полковник?*

²⁴ Е.И. Симоненко, *Фраземы как источник когнитивно-прагматической энергии художественного дискурса*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2014, № 4 (34): в 3-х ч., ч. III, с. 173.

²⁵ Е.Ю. Белозерова, *Реализация прагматической функции фразеологизмов в художественном тексте*, «Вестник Волгоградского государственного университета», сер. 2: Языкознание 2015, № 3 (27), с. 93.

Проблема появляется не только в связи с трудностью точного определения принадлежности данного высказывания к речевому акту (например, единица *Меня голыми ногами не возьмешь* может интерпретироваться как сообщение или как предостережение, а *Береги брюки сзади, а юбку спереди* — как предостережение или как совет), но также при попытке определить цель адресанта. Поэтому в отношении к этим высказываниям безопаснее говорить не о собственно иллокутивном акте, а скорее об их иллокутивном потенциале. Адресат может только догадываться, с какой целью адресант (которым является потребитель футболки) выбрал одежду с такой, а не другой надписью. Однако, выбор надписи, компонентом которой является известная почти всем носителям языка единица, свидетельствует о том, что адресант хочет, чтобы его высказывание стало понятным самому большому количеству адресатов, что соответствует принципу кооперации Грайса — ведь если адресат поймет высказывание, диалог станет возможным. Но это скорее всего доказательство того, что главной функцией такого рода надписей является воздействующая функция (функция рекламного слогана). Присутствие фразеологии в рекламе замечает, например, Игнатович-Сковроньска:

Autorzy tekstów reklamowych często sięgają po związki frazeologiczne, ponieważ są one elementami języka znanymi szerokiej grupie społeczeństwa. Są też właściwe językowi potocznemu, a więc bliskie przeciętnemu odbiorcy. Działają swą obrazowością, żartobliwością, zwięzłością uogólniania pewnych zjawisk²⁶.

Поэтому, в основном, они являются элементами языкового фольклора, карнавальная смеховая культура и способом выражения смеховой экспрессии. Ведь, согласно принципам постмодернизма, «культура не творится заново, а воспроизводится, причем нередко в неких пародийных формах»²⁷, а «пословицы и поговорки употребляются на фоне нейтрального контекста и сами привлекают к себе внимание образностью, обобщенностью значения, дидактическим смыслом»²⁸.

²⁶ Цит. по: P. Cieciora, *Porównania i ich innowacje frazeologiczne w tekstach reklamy czeskiej*, «Bohemistyka» 2005, № 2, с. 118.

²⁷ Т.А. Кассина, В.Н. Продайко, *Русские антипословицы в дискурсивном пространстве постмодерна*, «Ученые записки Исторического национального университета им. В.И. Вернадского». Серия «Филология. Социальные коммуникации» 2011, т. 24, № 2, с. 15.

²⁸ И.Ю. Моисеева, Е.В. Чудина, *Прагматические функции пословиц и поговорок*, См. http://vestnik.osu.ru/2004_11/30.pdf (21.08.2017).

Katarzyna Dembska

O JEDNYM ZE SPOSOBÓW ODTWARZALNOŚCI JEDNOSTEK
WIELOWYRAZOWYCH (NA MATERIALE JĘZYKA ROSYJSKIEGO)

Streszczenie

W artykule podjęto zagadnienie odtwarzalności jednostek wielowyrzawowych poprzez umieszczanie ich na tzw. koszulkach z napisami. Na podstawie rosyjskojęzycznego materiału wyekscerpowanego z witryn firm internetowych specjalizujących się w produkcji i sprzedaży koszulek autor prezentuje przykłady użycia przysłów, powiedzeń, frazeologizmów oraz słów skrzydlatych, uwzględniając stopień ich modyfikacji. Prezentowane frazemy omówiono również w odniesieniu do teorii aktów mowy, a w konkluzji autor proponuje, by w tym aspekcie badań mówić jedynie o potencjale illokucyjnym napisów na koszulkach, ponieważ rzeczywiste intencje nadawcy (użytkownika koszulki) nie są jednoznaczne.

Katarzyna Dembska

ABOUT ONE WAY OF REPRODUCIBILITY OF MULTI-WORD UNITS
(ON THE BASIS OF RUSSIAN)

Summary

The article describes the problem of reproducibility of Russian multi-word units on the T-shirts inscriptions. On the basis of the material excerpted from various websites the paper describes the chosen types of phrasems (proverbs, idioms, anti-proverbs) and their construction. The author analyzes T-shirts inscriptions from the point of view of speech genres too and the paper is also devoted to the role of the speaker of the statement and his communicative intentions. The author finally concludes that T-shirts inscriptions cannot be considered as speech genres, but they have an illocutionary-act potential. The experiment has led to the statement that multi-word units can greatly influence the expansion of Russian T-shirts inscriptions.

KRYSTYNA JANASZEK
Uniwersytet Szczeciński

DWIE SFERY OSOBOWOŚCI STUDENTA RUSYCYSTY

Opisane w tym artykule badania ankietowe przeprowadzono w latach 2016–2017 wśród studentów neofilologii Uniwersytetu Szczecińskiego. Jedną z grup uczestniczących w sondażu byli rusycyści, reprezentanci drugiego i trzeciego roku studiów stacjonarnych pierwszego stopnia (65 osób). Ankieta dotyczyła kognitywnej sfery osobowości uwzględniającej predyspozycje intelektualne badanych oraz sfery afektywnej, związanej z płaszczyzną uczuć i emocji towarzyszących procesowi kształcenia językowego. Obie sfery analizowano w ramach ich części składowych:

1) sfera kognitywna: inteligencje wielorakie, uzdolnienia językowe, pamięć, style poznawcze i sposoby podejścia do zjawisk językowych, strategie użycia języka;

2) sfera afektywna: typ temperamentu i osobowości, motywy studiowania języka obcego, emocje i sposoby radzenia sobie ze stresem, wizerunek własnej osoby.

Poniżej zrelacjonujemy wyniki badań.

I. SFERA KOGNITYWNA OSOBOWOŚCI STUDENTA

1. INTELIGENCJE WIELORAKIE

W latach 80. XX wieku amerykański psycholog Howard Gardner przedstawił teorię wielu inteligencji, która do tej pory cieszy się dużą popularnością w kręgach pedagogicznych. Jego koncepcja kwestionuje istnienie jednego monolitycznego konstruktów w postaci inteligencji ogólnej. Punkt wyjścia tej teorii stanowi przekonanie, że należy zrezygnować z testów badających iloraz inteligencji (I.I.), na rzecz naturalnych źródeł informacji o tym, jak ludzie rozwijają umie-

jętności ważne w ich codziennym życiu. Wskazując na zdolności człowieka w różnych dziedzinach, autor omawia siedem podstawowych rodzajów inteligencji: językową, interpersonalną, intrapersonalną, muzyczną, wizualno-przestrzenną, logiczno-matematyczną i cielesno-kinestetyczną¹.

W badanej próbie studentów dominuje inteligencja językowa, którą posiada 66% respondentów. Odzwierciedlając zdolność myślenia werbalnego, pozwala operować dużym zasobem słownictwa i umożliwia płynne formułowanie myśli. Osoby nią obdarzone mają dobrą orientację w podsystemach języka i z powodzeniem opanowują sprawności językowe.

Drugie miejsce w ustanowionej przez studentów klasyfikacji zajmuje inteligencja interpersonalna (51%) wyrażająca się zdolnością rozumienia ludzi i współdziałania z nimi. Jest powiązana z inteligencją emocjonalną (umiejętność radzenia sobie z emocjami i odporność na stres), a także z empatią przejawiającą się tolerancją i otwartością na innych². Osoby posiadające ten rodzaj inteligencji cenią sobie ćwiczenia o charakterze konwersacyjnym i często stosują strategie społeczne polegające na kooperacji z partnerem w komunikacji obcojęzycznej. Ankietowani potwierdzają, że zdolności interpersonalne wspomagają umiejętność pracy w grupie językowej, sprzyjają także aklimatyzacji w środowisku akademickim. Oba omówione rodzaje inteligencji, gdy występują łącznie, mają korzystny wpływ na opanowanie języka obcego w mowie.

Na kolejnym miejscu znalazła się inteligencja wizualno-przestrzenna (40%) wspomagająca wizualizację. Dzięki niej studenci łatwo przywołują wyrazy (zwroty językowe) odnosząc je do sytuacji (miejsce), w których konieczne jest ich użycie. Osoby obdarzone tym rodzajem inteligencji lubią zajęcia z przekazem wizualnym, gdyż ułatwia on zrozumienie materiału.

Pozostałe rodzaje inteligencji występują rzadziej. Skierowana do wewnątrz inteligencja intrapersonalna (35%) polega na zdolności tworzenia adekwatnego modelu samego siebie oraz efektywnym wykorzystaniu go w życiu codziennym, daje też możliwość rozróżniania własnych uczuć i nastrojów. Według badanych sprzyja samokontroli, pomaga zrozumieć popełniane błędy, precyzyjnie przekazać własne

¹ H. Gardner, *Multiple Intelligences: The Theory in Practice*, Basic Books, New York 1993, s. 7.

² J. Strelau, D. Doliński, *Psychologia. Podręcznik akademicki*, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk 2008, t. 1, s. 818–819.

myśli i rzeczowo uzasadnić swoje stanowisko w określonej sprawie. Inteligencja muzyczna (35%) odzwierciedla umiejętność wytwarzania i rozumienia treści, których nośnikiem jest dźwięk. Respondentom pozwala dobrze słyszeć melodię zdania w języku obcym, ułatwia także przyswajanie nowych słów z tekstów piosenek. Inteligencja logiczno-matematyczna (17%) pozytywnie wpływa na naukę gramatyki. Studenci, potwierdzając ten fakt, piszą, że dzięki niej rozumieją reguły gramatyczne i bez problemów zapamiętują wyjątki od nich. Predyspozycje z nią związane przyczyniają się do właściwego organizowania pracy własnej.

2. UZDOLNIENIA JĘZYKOWE, PAMIĘĆ

Ogólną zdolność językową tworzy suma poszczególnych uzdolnień. Szczegółową listę takich zdolności cząstkowych podaje Ida Kurcz³. Pośród trzynastu prezentowanych przez nią umiejętności, dwie osiągnęły w badaniach wskaźnik przekraczający 50%. Na pierwszych miejscach znalazły się pamięć mechaniczna wzrokowa (57%) i słuchowa (55%). Pierwsza z nich oznacza łatwość zapamiętywania pisowni wyrazów, druga wspomaga zapamiętywanie brzmienia głosek (wyrazów, zwrotów). Zdolność artykulacyjną (łatwość wymowy głosek lub ich naśladowania) oraz umiejętność naśladowania intonacji, rytmu, melodii zdania w języku obcym potwierdza 49% badanych. Taki sam procent respondentów sygnalizuje zdolności syntaktyczne reprezentowane przez łatwość wypowiedzi (umiejętność wymyślenia zdań i całych tekstów w języku obcym). Według respondentów, predyspozycje w tym zakresie gwarantują możliwość płynnej i skutecznej konwersacji z rodzimymi użytkownikami języka. Zdolność do analizy językowej, odzwierciedlającą wrażliwość gramatyczną i umiejętność indukcyjnego uczenia się, przypisuje sobie 42% ankietowanych.

Pamięć jest jedną ze zdolności. Szybkość, pojemność, trwałość, gotowość i wierność to cechy charakterystyczne dla jej trzech procesów (faz): zapamiętywania, przechowywania, przypominania⁴.

³ I. Kurcz, *Psychologia języka i komunikacji*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2000, s. 183–184.

⁴ W. Szewczuk, *Psychologia*, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, Warszawa 1990, s. 597–612; Z. Włodarski, A. Matczak, *Wprowadzenie do psychologii. Podręcznik dla nauczycieli*, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, Warszawa 1998, s. 200–204.

Ich uszeregowania dokonano na podstawie wypowiedzi studentów. Oto ono:

1) szybkość zapamiętywania (55%) – cecha charakterystyczna dla fazy zapamiętywania, którą mierzy się liczbą powtórzeń lub czasem niezbędnym do pełnego opanowania materiału;

2) trwałość pamięci (42%) – cecha oznaczająca długość przechowywania zapamiętanego materiału;

3) pojemność pamięci (34%) – cecha odnosząca się do procesu zapamiętywania; określa, ile różnorodnych informacji potrafimy zapamiętać w czasie jednorazowej ekspozycji materiału;

4) gotowość pamięci (25%) – cecha charakterystyczna dla procesu przypominania; dotyczy tego, czy przypominanie przebiega bez problemów, czy też potrzebne są dodatkowe aktywizujące bodźce;

5) wierność pamięci (12%) – cecha związana z ogólną zdolnością wydobywania z pamięci; uwzględnia stopień dokładności przypomnień.

W relacjonowanych badaniach najlepiej wypada proces zapamiętywania reprezentowany właściwością oznaczającą jego szybkość, czyli łatwość uczenia się. Pozostałe wskaźniki są mniej korzystne, wskazują na błędy popełniane przez większość studentów w gromadzeniu informacji i wydobywaniu ich z magazynu pamięci.

3. STYLE POZNAWCZE

I SPOSOBY PODEJŚCIA DO ZJAWISK JĘZYKOWYCH

Style poznawcze mają charakter dwubiegunowy i określają względnie stałe różnice indywidualne w sposobie zdobywania informacji i uczenia się⁵. W badanej próbie odnotowano przewagę niezależności nad zależnością od pola (otoczenia) i refleksyjności nad impulsywnością.

Podstawową cechą osób niezależnych od pola (64%) jest skłonność do analitycznego przetwarzania informacji. Potrafią one samodzielnie porządkować treści, które stanowią przedmiot uczenia się, nawet wówczas, gdy materiał przeznaczony do opanowania jest złożony. W nauce języka obcego przedstawiciele tego stylu są zorientowani na struktury formalno-językowe i poprawność. Osoby zależne od pola (36%) mają tendencję do przyswajania sobie materiału w takiej

⁵ J. Strelau, *Psychologia różnic indywidualnych*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2010, s. 284.

postaci, w jakiej jest on podany przez nauczyciela lub zamieszczony w podręczniku. Reprezentanci tego biegunu nie odczuwają potrzeby dokonywania zmian, polegających na indywidualnym systematyzowaniu przyswajanych treści, bardziej orientują się na płynność niż poprawność wypowiedzi w języku obcym. Wrażliwość na otoczenie otwiera im drogę do stosowania strategii komunikacyjnych opartych na współpracy.

Większość ankietowanych (66%) to osoby refleksyjne, czyli takie, które zanim podejmą konkretne działania, starają się je najpierw przemyśleć, co skutkuje wolniejszym tempem przetwarzania informacji. Mają skłonność do preferowania wzmocnień silnych związanych z koniecznością znalezienia optymalnego rozwiązania problemu nawet kosztem czasu przeznaczanego na wykonanie zadania. Fakt ten wiąże się z niskim stopniem tolerancji ryzyka. Osoby impulsywne (34%), tolerujące ryzyko, uczą się na zasadzie prób i błędów. Cechuje je krótki czas podejmowania decyzji, preferowanie wzmocnień szybkich związanych z koniecznością natychmiastowego uwolnienia się od kłopotliwej sytuacji. Biegun ten zapewnia spontaniczność i płynność przebiegu czynności, co w języku obcym ułatwia swobodę wypowiedzi, jednak nie gwarantuje jej poprawności. Przedstawiciele przeciwnego biegunu mają kłopot z płynnością wypowiedzi, za to bardzo dbają o jej prawidłową formę⁶.

Rozważania na temat stylów poznawczych warto uzupełnić o sposoby podejścia do zjawisk językowych. Style te, tak jak poprzednie, są dwubiegunowe, a dotyczą ujmowania (logiczny–warstwowy), generalizowania (szeroki–wąski) i inkorporowania zjawisk (otwarty–zamknięty)⁷.

Ujmowanie zjawisk dokonuje się przede wszystkim w oparciu o styl logiczny (69%), przejawiający się tendencją do porządkowania faktów językowych w spójne reprezentacje. Takiej skłonności nie ujawnia 31% badanych, którym wystarcza gromadzenie ich w sposób nieuporządkowany (styl warstwowy). Nie szukają oni zasad budowy zdań, nie korzystają z podsumowań językowych, tabel gramatycznych i komentarzy. U większości respondentów (57%) generalizowanie opiera się na stylu szerokim, oznaczającym łatwość wnioskowania, umiejętność budowania reguł na podstawie nielicznych przykładów. Biegun wąski związany z ostrożnością i obawą przed formułowaniem zasad

⁶ H. Komorowska, *Metodyka nauczania języków obcych*, Wydawnictwo Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2005, s. 130.

⁷ Tamże.

reprezentowany jest przez 43% ankietowanych. Pośród sposobów inkorporowania dominuje styl otwarty (80%), który polega na akceptowaniu informacji niezgodnych z poznawanymi regułami (np. form nieregularnych). Natomiast biegun przeciwny, wąski (20%), ukazuje brak tolerancji dla sprzeczności pojawiających się w systemie języka.

4. STRATEGIE UŻYCIA JĘZYKA

Produktywne strategie komunikacyjne to planowe, zorganizowane działania, które zmierzają do przezwyciężenia trudności językowych i osiągnięcia tą drogą konkretnego celu komunikacyjnego. Służą pokonywaniu aktualnych problemów komunikacyjnych, a u ich podłoża leży chęć uczestniczenia w komunikacji oraz związane z tym ryzyko jej podjęcia. Dlatego też dzielą się na strategie redukcji (zmniejszonego ryzyka) i osiągnięć (zwiększonego ryzyka)⁸.

Stosowanie strategii kompensacyjnych (niekooperacyjnych) związane jest z chęcią podjęcia komunikacji. Pośród nich dominuje parafraza (59%), która polega na zastąpieniu nieznanego wyrazu (zwrotu) jego opisem lub stosownym przykładem oraz substytucja (55%) uwzględniająca zastępowanie wyrazów (zwrotów) innymi — bliskoznacznymi. Połowa respondentów stosuje strategię nazywaną przywoływaniem z pamięci (chwila zastanowienia w celu przypomnienia sobie potrzebnego eksponentu językowego).

Studenci odwołują się także do kooperacji bezpośredniej wyrażającej się prośbą o pomoc, skierowaną do któregoś z uczestników komunikacji (48%). Używanie przytoczonych wyżej działań oznacza dążenie do ustawicznego ćwiczenia się w języku docelowym i pokonywania pojawiających się przeszkód w oparciu o przyswajany język. Gotowość do podjęcia ryzyka jest związana z przekonaniem o własnej efektywności i kontroli wewnętrznej. Niestety, znaczna część badanych (48%) korzysta ze strategii redukcji formalnej, która ogranicza rozwój kompetencji komunikacyjnej. Celem jest w tym przypadku dbałość o poprawność wypowiedzi, efektem zaś bardzo często upraszczanie systemu języka. Z uwagą odnotowano fakt, że działania takie podejmowane są przede wszystkim na zajęciach językowych. Natomiast poza nimi, na przykład podczas spotkań z obcokrajowcami, badani prezentują zachowania odmienne. Bardzo

⁸ M. Szalek, *Jak motywować uczniów do nauki języka obcego. Motywacja w teorii i praktyce*, Wydawnictwo Wagros, Poznań 2004, s. 41–42.

chętnie nawiązują kontakty interpersonalne, nie zważając przy tym na popełniane błędy.

W podsumowaniu tej części artykułu ograniczymy się do zaprezentowania czynników sfery kognitywnej, które są charakterystyczne dla większości respondentów i ujawniają predyspozycje wiodące w badanej próbie:

Inteligencja / zdolności

- 1) inteligencja językowa (zdolność myślenia werbalnego):
 - operowanie dużym zasobem słownictwa;
 - płynne formułowanie myśli;
 - dobra orientacja w podsystemach języka;
- 2) inteligencja interpersonalna:
 - predyspozycje do uczestnictwa w ćwiczeniach konwersacyjnych;
 - stosowanie strategii polegających na kooperacji z partnerem w komunikacji obcojęzycznej;
 - umiejętność pracy w grupie językowej;
- 3) pamięć mechaniczna wzrokowa:
 - łatwość zapamiętywania pisowni wyrazów;
- 4) pamięć mechaniczna słuchowa:
 - łatwość zapamiętywania brzmienia głosek (wyrazów, zwrotów).

Skłonności w zakresie stylów poznawczych

- 1) niezależność od pola:
 - skłonność do analitycznego przetwarzania informacji i dogłębnej systematyzacji przyswajanych treści;
- 2) refleksyjność:
 - silna skłonność do kontroli;
 - tendencja do długiego namyślenia się;
 - dbałość o poprawność wypowiedzi;
- 3) logiczny styl ujmowania zjawisk językowych:
 - tendencja do narzucania szkieletu logicznego na całość poznawanych wyrazów i form;
- 4) szeroki styl generalizowania zjawisk językowych:
 - łatwość wnioskowania (umiejętność budowania reguł na podstawie nielicznych przykładów);
- 5) otwarty styl inkorporowania zjawisk językowych:
 - tolerancja dla sprzeczności pojawiających się w systemie języka.

Preferencje w zakresie działań komunikacyjnych

- 1) strategie osiągnięć (zwiększonego ryzyka):
 - stosowanie strategii kompensacyjnych (niekooperacyjnych) opartych na języku docelowym.

II. SFERA AFEKTYWNA OSOBOWOŚCI STUDENTA

1. TYP TEMPERAMENTU I TYP OSOBOWOŚCI

Badacze osobowości często nawiązują do starożytnej koncepcji Hipokratesa-Galena, której podstawę stanowiło wyodrębnienie czterech temperamentów: sangwinika, choleryka, flegmatyka, melancholika. Odwołał się do niej również Iwan Pawłow – twórca pierwszej naukowej teorii temperamentu. Badacz przypisał poszczególnym typom trzy właściwości układu nerwowego: siłę procesu pobudzenia i hamowania, równowagę tych procesów oraz ich ruchliwość⁹. Współcześnie, charakterystyki osób o określonych właściwościach temperamentalnych prezentowane są w psychologii w sposób następujący:

– sangwinik – typ silny zrównoważony, ruchliwy (towarzyski, wrażliwy, otwarty, gadatliwy, żywy, przywódca, beztroski, niefrasobliwy);

– choleryk – typ silny niezrównoważony, z przewagą pobudzenia (optymistyczny, zmienny, aktywny, impulsywny, wybuchowy, drażliwy, agresywny, niespokojny);

– flegmatyk – typ silny zrównoważony, powolny (pojednawczy, ostrożny, kontrolujący się, łagodny, solidny, poważny, bierny, opamowany);

– melancholik – typ słaby (spokojny, zamyślony, lękliwy, pesymistyczny, powściągliwy, markotny, nietowarzyski, sztywny)¹⁰.

Stwierdzenie Hansa Eysencka, że podłoże schematów zachowania ekstra- i introwertywnego stanowią właściwości układu nerwowego, w oryginalny sposób połączyło oba konstrukty: typ osobowości i typ temperamentu¹¹. Przedstawiciele ekstrawersji (sangwinicy, cholerycy) charakteryzują duże zasoby energetyczne, a z tym związane jest ukierunkowanie energii osobowości na zewnątrz, w stronę ludzi i zewnętrznych zdarzeń. Introwertycy (flegmatycy, melancholicy) mają małe zasoby energii, kierują ją więc ku wnętrzu.

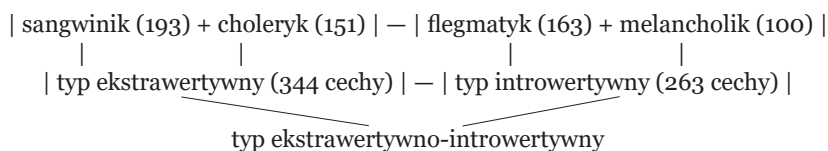
Wyszczególnione wyżej charakterystyki posłużyły do wyłonienia typu, który dominuje w badanej próbie (62–66%). Jest to osobowość mieszana, z przewagą cech ekstrawertywnych:

⁹ W. Szewczuk, *Psychologia...*, s. 243–247.

¹⁰ J. Strelau, Z. Pietrasiński, J. Reykowski, *Osobowość*, w: T. Tomaszewski (red.), *Psychologia*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1977, s. 226.

¹¹ Л.Д. Столяренко, *Основы психологии*, Издательство Феникс, Ростов-на-Дону 2008, s. 293–294.

DWIE SFERY OSOBOWOŚCI...

Dominacja właściwości charakterystycznych dla ekstrawersji determinuje występowanie takich cech jak aktywność i ruchliwość. Osoby odznaczające się pierwszą z nich poszukują otoczenia dostarczającego stymulacji (np. muzyki, rozmowy). Kolejny wyróżnik (ruchliwość) oznacza zdolność przestawiania się z jednej czynności na drugą¹². Te dwa parametry określają upodobania studentów odnoszące się do różnych aspektów procesu kształcenia językowego. Najważniejsze z nich to: 1) preferencje dla sprawności mówienia i zajęć o charakterze ćwiczeniowym, które mają żywe tempo i dużą liczbę zróżnicowanych bodźców (66%); 2) akceptacja dla pracy w parach i grupach (59%).

W badaniach wykorzystano także polską wersję pięcioczynnikowego modelu osobowości autorstwa Piotra Szaroty¹³. Zakłada on, że osobowość człowieka można w pełni scharakteryzować przez pięć czynników, których nasilenie przesądza o różnicach indywidualnych. Psycholog wyróżnia następujące składniki osobowości: ugodowość, sumiennosc, dynamiczność, pobudliwość, intelekt. W badanej próbie pierwszoplanowe znaczenie ma intelekt, czyli kreatywność połączona z inteligencją. Bardzo pozytywny wynik osiąga także sumiennosc, która jest połączeniem obowiązkowości z motywacją osiągnięć i życiową rozważą. Badania prowadzone w obrębie tej problematyki potwierdzają, że oba czynniki mają wyjątkowo korzystny wpływ na osiągnięcia edukacyjne¹⁴.

2. MOTYWACJA W PROCESIE STUDIOWANIA JĘZYKA ROSYJSKIEGO

Akwizycją języków obcych sterują określone mechanizmy motywacyjne, pośród których wyodrębnia się dwa typy motywacji: integrującą i instrumentalną. Pierwsza ma miejsce wtedy, gdy uczący się

¹² J. Strelau i in., *Osobowość...*, s. 713–716.

¹³ P. Szarota, *Polska Lista Przymiotnikowa (PLP). Narzędzie do diagnozy pięciu wielkich czynników osobowości*, „Studia Psychologiczne” 1995, t. 33.

¹⁴ J. Allik, A. Realo, *Intelligence, academic abilities, and personality*, „Personality and Individual Differences” 1997, nr 23, s. 809–814.

odczuwa duchowe powinowactwo z językiem i kulturą danego kraju, a uczenie się sprawia mu duże zadowolenie. Druga natomiast występuje wówczas, gdy język ma być narzędziem do osiągnięcia jakiegoś celu. Zwykle podkreśla się wtedy jego przydatność w pracy zawodowej, podróżach i kontaktach międzynarodowych¹⁵.

Motywację badanej próby określono jako instrumentalno-integrującą, gdyż wskaźniki reprezentatywne dla czynników sfery instrumentalnej zadziałały z większą siłą (79–100%). Język rosyjski jest dla respondentów przede wszystkim narzędziem wspomagającym realizowanie się na płaszczyźnie zawodowej i osobistej (praca zawodowa, podróże). Motywy integrujące, wyrażające się satysfakcją z uczenia się oraz zainteresowaniem szeroko pojętą kulturą Rosji, ujawniły się z mniejszą, choć znaczną siłą (49–78%).

Studia rusycystyczne są dla większości respondentów związane z kwestią samorealizacji, szczegółowo opisaną przez psychologów humanistycznych. Koncepcja Abrahama Masłowa dostarcza nam z jednej strony klasyfikację potrzeb podstawowych (poziom niższy), z drugiej zaś inspirującą teorię rozwoju osobistego opartą na aktywności człowieka, który realizuje wartości wyższe. Z motywacją na poziomie wyższym nie wiąże się żaden przymus, a realizacja potrzeb z nią związanych (np. wiedzy, samourzeczywistnienia) jest kwestią wyboru. Człowiek nastawiony na samorealizację jest otwarty na doświadczenie, cechuje się wytrwałością i odpowiedzialnością oraz umiejętnością sterowania swoim życiem. Osoba spełniająca potrzeby wyższe ma poczucie szczęścia i indywidualnego rozwoju¹⁶. Aż 79% ankietowanych studentów uważa, że studia rusycystyczne zapewniają samorealizację, umożliwiając dążenie ku własnym ideałom i marzeniom.

3. EMOCJE I SPOSOBY RADZENIA SOBIE ZE STRESEM

Współczesne metody nauczania opierają się na przekonaniu, że kluczową sprawą dla powodzenia w nauce jest wyeliminowanie emocji negatywnych, bowiem tworzą one barierę utrudniającą przyswajanie języka. Dlatego właśnie duże znaczenie przywiązuje się do budowania pozytywnej motywacji, której towarzyszą przyjemne stany

¹⁵ M. Szalek, *Jak motywować uczniów...*, s. 59.

¹⁶ A. Masłowski, *Motywacja i osobowość*, przeł. P. Sawicka, Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa 1990, s. 13.

emocjonalne. W dobrej atmosferze zajęć wzrasta sprawność procesów intelektualnych¹⁷.

Z przeprowadzonych badań wynika, że bardzo pozytywnych odczuć dostarczają zajęcia o charakterze konwersacyjnym, na których student nie jest oceniany. Wyzwalają się wówczas emocje poznawcze (ciekawość, zainteresowanie) oraz emocje zaspokożenia, do których zalicza się radość i szczęście. Natomiast w sytuacjach związanych z oceną, szczególnie mowy ustnej, pojawia się trema (40%), napięcie (30%), niepokój (22%), strach (13%). W tym przypadku mamy do czynienia z tak zwanym lękiem testowym, stanem obciążonym przykrymi doznaniem w okolicznościach, które mają charakter sprawdzianu (oceny umiejętności)¹⁸.

Studenci stosują zróżnicowane sposoby radzenia sobie ze stresem¹⁹. W warunkach stresogennych 48% badanych korzysta ze stylu skoncentrowanego na zadaniu. Polega on na podjęciu wyzwania zmierzającego do zmiany sytuacji na korzystną i zwykle towarzyszą mu pozytywne uczucia (nadzieja, zapał, podniecenie). Pozostali respondenci odwołują się do stylów uchodzących za mniej sprzyjające, gdyż pozwalają one jedynie złagodzić nieprzyjemne napięcie, nie angażują jednak żadnych dodatnich uczuć. 21% ankietowanych posługuje się stylem opartym na emocjach (np. złościąc się, daje upust emocjom), a 31% – stosuje styl polegający na unikaniu, wystrzeganiu się myślenia o przykrych sytuacjach i koncentrowaniu się na czynnościach zastępczych (np. oglądanie telewizji, objadanie się).

4. KONCEPCJA JA. WIZERUNEK WŁASNEJ OSOBY

Pojęcie Ja oznacza sposób, w jaki spostrzegamy i doświadczamy siebie. Definiujemy je na podstawie interakcji z innymi ludźmi, budujemy na tym, jak naszym zdaniem wyglądamy w oczach ważnych dla nas osób²⁰. Do opisu siebie służą schematy Ja, pośród których są różne koncepcje siebie, między innymi Ja realne i powinnościowe:

¹⁷ M. Szalek, *Jak motywować uczniów...*, s. 51.

¹⁸ E. Piechurska-Kuciel, *Trudności w rozwijaniu sprawności interakcyjnych*, w: H. Komorowska (red.), *Nauka języków obcych w perspektywie ucznia*, Oficyna Wydawnicza Łośgraf, Warszawa 2011, s. 242–243.

¹⁹ P. Szczepaniak, J. Strelau, K. Wrześniewski, *Diagnoza stylów radzenia sobie ze stresem za pomocą polskiej listy kwestionariusza CISS Endlera i Parkera*, „Przegląd Psychologiczny” 1996, nr 39, s. 188–189.

²⁰ L.A. Pervin, *Psychologia osobowości*, przeł. M. Orski, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk 2002, s. 242.

Ja realne (rzeczywiste) — Jaki/jaka jestem; obszar wiedzy o sobie (zbiór atrybutów, cech, umiejętności), o których jednostka sądzi, że jest nimi obdarzona.

Ja powinnościowe — Jaki powinienem/jaka powinnam być; standardy powinnościowe precyzowane z perspektywy osobistej lub „cudzej”, czyli standardów pochodzących od zewnętrznego autorytetu (np. jakim powinienem być studentem w świetle obowiązków nakładanych przez uczelnię)²¹.

W opinii psychologów, rozdzwięk pomiędzy tymi rodzajami ja wywołuje emocje, które zalicza się do kategorii stanów lękowych. Lęk, napięcie, niepokój i strach mogą w dłuższej perspektywie prowadzić do poczucia niższej wartości. Natomiast niewielka rozbieżność (lub jej brak) zapewnia wewnętrzny spokój, wyciszenie, zrelaksowanie²².

Za organizację systemu Ja odpowiadają głównie dwa motywy: autowaloryzacji i autoweryfikacji. Obecność tego pierwszego stoi na straży pozytywnej samooceny i dobrego samopoczucia. Motyw ten (24%) skłania do koncentracji na mocnych stronach, wyraża się pragnieniem, aby inni postrzegali nas takimi, jakimi chcielibyśmy być. Autoweryfikacja (76%) przejawia się dążeniem do utrzymania spójnego i zgodnego z faktami wizerunku siebie. Zapewnia adekwatny poziom aspiracji, pozwala wytyczać osiągalne cele i dopasowywać działania do posiadanych możliwości²³. Ważnym składnikiem tego motywu jest wewnętrzny styl atrybucyjny, który odnosi się do osób wysoko motywowanych, przypisujących wyniki swojej pracy własnemu wysiłkowi²⁴. Istotnym elementem systemu jest także motyw samonaprawy (54%) uruchamiający działania autokorekcyjne. Dotyczy osób niezadowolonych z siebie, podejmujących przedsięwzięcia doskonalące charakter i umiejętności²⁵. Współwystępowanie autoweryfikacji i samonaprawy (samodoskonalenia) charakteryzuje ludzi, którzy stawiają sobie duże wymagania.

Koncepcja Ja rzutuje na ocenę własnych umiejętności językowych. W badanej próbie przeważa samoocena niska i zaniżona (66%). Oznaczają one brak wiary we własne możliwości językowe i nieumiejętność

²¹ P. Oleś, *Wprowadzenie do psychologii osobowości*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2003, s. 245.

²² Tamże, s. 245–246.

²³ Tamże, s. 250–252.

²⁴ D. Fontana, *Psychologia dla nauczycieli*, przeł. M. Żywicki, Wydawnictwo Zysk i S-ka, Poznań 1998, s. 241.

²⁵ J. Strelau i in., *Osobowość...*, s. 745.

ich docenienia. Mogą wynikać z dużych rozbieżności między Ja realnym a powinnościowym (46%) oraz braku umiejętności autowaloryzacyjnych (76%). U osób o introwertywnym ukierunkowaniu osobowości, które na świat i swoje w nim szanse patrzą niezbyt optymistycznie, powodują trwale zniechęcenie do nauki i prowadzą do niepowodzeń. Na szczęście, większość respondentów to studenci, u których przeważają charakterystyki ekstrawertywne. Są to osoby silnie motywowane i odporne na porażki.

Na zakończenie wymienimy składniki osobowości, które dominują w sferze afektywnej (51–100% odpowiedzi). Są to następujące czynniki:

1) ekstrawertywno–introwertywny typ osobowości:

– znaczne zasoby energetyczne (aktywność, ruchliwość);

– preferencje dla sprawności mówienia oraz zajęć o charakterze ćwiczeniowym (zajęcia żywe, szybkie, z dużą ilością zróżnicowanych bodźców);

2) motywacja uczenia się:

– motyw instrumentalno-integrujące (przydatność języka w przyszłej pracy oraz podróżach i kontaktach międzynarodowych, satysfakcja jaką daje uczenie się);

– motyw samorealizacji (ukierunkowanie na własny rozwój);

3) koncepcja Ja wspierana motywami autoweryfikacji i samonaprawy:

– niska i zanizowana ocena własnych możliwości w zakresie języka obcego;

– nastawienie na własną pracę i wysiłek, podejmowanie działań autonaprawczych doskonalących charakter i umiejętności.

Prawie wszystkie właściwości określające osobowość większości respondentów sprzyjają sukcesowi w studiowaniu języka rosyjskiego. Są czynniki, które wspierają rozwój mowy ustnej (np. inteligencja interpersonalna), są i takie, które wspomagają mowę pisaną (np. styl refleksyjny). Pewne elementy osobowości badanych mogą jednak utrudniać skuteczną naukę języka obcego. W sferze intelektualnej są to cechy pamięci: pojemność, trwałość, gotowość, wierność. Niekorzystne wskaźniki, które ich dotyczą, sygnalizują błędy popełniane przez studentów w gromadzeniu i wydobywaniu z pamięci informacji przeznaczonych do przyswojenia. Niedoskonałości w tym zakresie odnoszą się między innymi do sposobów utrwalania materiału. W sferze afektywnej niepokój budzi prezentowana przez respondentów zbyt niska ocena własnych umiejętności językowych. Dostrzeżone trudności, przynajmniej

częściowo, można pokonać, korzystając z pomocy nauczyciela prowadzącego zajęcia. Jego zadaniem jest objaśnianie działań strategicznych wspomagających procesy pamięci i wzmacniających samoocenę studentów.

Кристина Янашек

ДВЕ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-РУСИСТА

Резюме

В статье представлены результаты исследований, проведённых среди 65 студентов-русистов Щецинского университета. Анкетные данные относятся к когнитивной сфере личности, предусматривающей интеллектуальные наклонности исследуемых, а также к аффективной сфере, определяющей спектр чувств и эмоций, связанных с процессом языкового обучения. В ходе исследований были установлены факторы, которые отдельным способом характеризуют исследуемую выборку студентов. В когнитивной сфере выступают следующие факторы: интеллект (лингвистический и межличностный), механическая зрительная память, механическая слуховая память, познавательные стили (независимость от поля, рефлексивность), способы подхода к языковым явлениям (стили: логический, широкий, открытый), а также коммуникативные стратегии успехов (так называемые стратегии повышенного риска). К наиболее существенным элементам аффективной сферы относятся: экстравертно-интровертный тип личности, инструментально-интегрирующая мотивация, низкая и заниженная оценка собственных языковых знаний. Большинство студентов проявляет умение справляться с эмоциями и стрессом.

Krystyna Janaszek

TWO SPHERES OF PERSONALITY OF A RUSSIAN STUDIES STUDENT

Summary

This paper presents the results of questionnaire survey conducted among 65 students of Russian studies at the University of Szczecin. The survey concerned the cognitive sphere of personality that takes into account the mental aptitude of respondents and the affective sphere associated with the plane of feelings and emotions that accompany the process of language learning. During the study, the factors which specifically characterise the examined sample of students were identified. In the cognitive sphere, they are as follows: intelligence (linguistic and interpersonal), mechanical visual and auditory memory, cognitive styles (field independence, reflexivity), approaches to linguistic phenomena (styles: logical, wide, open), and communication achievement strategies (the so-called increased risk strategies). The most important factors of the affective sphere are: extrovert-introvert personality type, instrumental and integrative motivation to learn a foreign language, low and undervalued assessment of own language skills. Most students showed the ability to cope with emotions and resistance to stress.

TADEUSZ PACHOLCZYK
UAM Poznań

GLOTTODYDAKTYCZNE IMPLIKACJE ZŁOTEGO JUBILEUSZU OLIMPIADY JĘZYKA ROSYJSKIEGO

Olimpiadę Języka Rosyjskiego (OJR), która obok Olimpiady Języka Polskiego należy do najstarszych konkursów przedmiotowych w Polsce, powołano do życia w 1969 roku. W roku 2019 będzie ona organizowana po raz pięćdziesiąty.

Podstawę prawną tego przedsięwzięcia stanowi rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu (obecnie tylko MEN) z 29 stycznia 2002 roku (Dz.U. nr 13, poz. 125) z późniejszymi modyfikacjami. Tradycyjnym sponsorem OJR jest Stowarzyszenie Współpracy Polska–Wschód. Głównym celem olimpiady jest popularyzowanie umiejętności posługiwania się językiem rosyjskim w sferze recepcji językowej, a przede wszystkim w zakresie produktywnego użycia tego języka. U podstaw tej umiejętności leży wiedza o teraźniejszości i tradycjach szeroko rozumianej kultury materialnej i duchowej, zarówno Rosji, jak i Polski.

Do powyższej problematyki odnoszą się między innymi kwestie związane z pochodzeniem języka rosyjskiego i innych języków słowiańskich, w tym również języka polskiego. Wszystkie one mają wspólnego przodka — język prasłowiański, z którego wyodrębniły się późniejsze języki słowiańskie. Wraz z przyjęciem przez Ruś Kijowską chrześcijaństwa w obrządku bizantyńskim w X wieku pojawił się na terenach Słowiańszczyzny wschodniej pierwszy alfabet, tzw. cyrylica. Powstała ona na bazie opartej na literach greckich głagolicy, za twórców której uważani są pochodzący z Salonik święci misjonarze Słowiańszczyzny — Cyryl i Metody. Alfabet ten rozprzestrzenił się wśród Słowian wschodnich i południowych. Obecnie używają go w zreformowanej postaci oprócz Rosjan, Ukraińców i Białorusinów także Bułgarzy, Serbowie, Macedończycy.

W półwiecznej historii olimpiad należy zaakcentować postać jej prekursora i chociażby wspomnieć o osobach, które wniosły znaczący wkład w usprawnienia jej funkcjonowania. Kolejnymi przewodniczącymi Komitetu Głównego Olimpiady Języka Rosyjskiego byli nieżyjący już prof. Przemysław Zwoliński z Uniwersytetu Warszawskiego (od 1969 roku), prof. Stanisław Czochara (UW), prof. Albert Bartoszewicz (UW), prof. Antoni Semczuk (UW), a aktualnie przewodniczącą KG OJR jest prof. Magdalena Dąbrowska (UW).

Na szczególne podkreślenie zasługuje postać prof. Stanisława Czochary (UW) i jego twórczy wkład w organizację olimpiad oraz dostosowanie jej treści (tematyki) do osiągnięć nauki w zakresie takich dyscyplin jak np.: glottodydaktyka, kulturologia, lingwokulturologia, komunikacja interkulturowa itp.

Bardzo ważną grupę osób, od której zależy sprawna organizacja przebiegu kolejnych edycji olimpiad, stanowią Sekretarze Naukowi KG OJR i ich odpowiednicy w komitetach okręgowych. Należy podkreślić duży wkład pracy i zaangażowanie między innymi: dr. Adama Marchwińskiego czy też dra Edwarda Szędzielorza — wieloletnich Sekretarzy Naukowych Komitetu.

Kolejne edycje Olimpiady Języka Rosyjskiego charakteryzują się wysokim poziomem organizacyjnym i merytorycznym. Duża jest w tym zasługa nauczycieli rusycystów, którzy — często nie szczędząc swojego prywatnego czasu — przygotowują młodzież do intelektualnej rywalizacji. Właśnie im należą się słowa specjalnego uznania i podziękowania. Swoje środowiskowe znaczenie i prestiż OJR zawdzięcza także autorytetom naukowym wielu osób związanych z tym przedsięwzięciem.

Wszystkie olimpiady przedmiotowe wywodzą się z głównych trendów w pedagogice zapoczątkowanych w dydaktyce ogólnej i dydaktykach szczegółowych lat 60. XX wieku, których istota sprowadzała się do pracy z uczniem zdolnym. Wyrażało się to w różnicowaniu zadań w trakcie realizacji procesu dydaktycznego oraz organizowaniu kół zainteresowań. W ten sposób w naturalny sposób motywowano uczniów szczególnie uzdolnionych do samodzielnej pracy, co kształtowało ich zainteresowania i pozwalało na osiągnięcie dodatkowej satysfakcji. Dotyczy to wielu przedmiotów w polskim systemie edukacji, w tym również języka rosyjskiego.

Funkcjonowanie Olimpiady Języka Rosyjskiego jest uwarunkowane bardzo różnorodnymi czynnikami. Należą do nich, między innymi, te, które, w przekonaniu autora niniejszych rozważań, mają pierwszoplanowe znaczenie i dotyczą:

- kryteriów wyboru języka obcego w polskim systemie edukacji narodowej;
- statusu języka rosyjskiego w nowych warunkach geopolitycznych z uwzględnieniem sfery motywacyjnej w jego akwizycji;
- zarysowania nowych, bardziej racjonalnych potrzeb w opanowywaniu języka rosyjskiego.

Na wybór języka wpływają bardzo różnorodne czynniki. Wśród pozajęzykowych istotną rolę odgrywają socjalne i *sensu stricto* pedagogiczne. Nie konkretyzując ich, trzeba jednak zaakcentować te, które mają charakter uniwersalny i mogą dotyczyć wyboru każdego języka w polskim systemie nauczania, ale również w istotnym stopniu funkcjonują poza tym systemem, np. indywidualna praca nad językiem. Właśnie ze względu na ich uniwersalny charakter problem dotyczy również innych nacji. Pozwoli to na określenie miejsca języka rosyjskiego pośród innych języków obcych. Proponuję do tej grupy czynników zaliczyć:

- rolę i miejsce danego języka obcego na arenie międzynarodowej;
- potrzebę kontaktów ekonomicznych i kulturowych;
- sąsiedztwo kraju nauczanego języka z Polską;
- potrzeby artykułowane przez uczniów i ich rodziców¹.

Skupiając uwagę na języku rosyjskim w kontekście współczesnego świata (rola i miejsce danego języka na arenie międzynarodowej), należy wskazać na następujące elementy. Według danych ONZ językiem rosyjskim włada około 300 mln ludzi. Obok angielskiego, francuskiego, hiszpańskiego, chińskiego, arabskiego, język rosyjski jest jednym z oficjalnych języków Organizacji Narodów Zjednoczonych. Występuje on w roli oficjalnego języka w wielu organizacjach międzynarodowych. Czynniki te powinny stanowić podstawę określenia zarówno ilości, jak i wyboru języków obcych w naszym systemie kształcenia.

Potrzeba kontaktów ekonomicznych i kulturowych w aktualnej polskiej rzeczywistości budzi liczne kontrowersje. Obserwuje się bowiem wręcz tzw. śladową potrzebę kontaktów w relacji Polska–Rosja ze strony polskiego obozu władzy (od wielu lat w różnym natężeniu).

Owa „śladowa potrzeba” ma charakter wieloaspektowy i składa się na nią różne przyczyny. W tym miejscu trzeba podkreślić, że dialog międzykulturowy w relacjach Polaków i Rosjan ma swoją specyfikę. Do podstawowych przyczyn nieadekwatności stosunków pol-

¹ H. Komorowska, *Nauka języków obcych w systemie kształcenia ogólnego i zawodowego*, „Języki Obce w Szkole” 1995, nr 1, s. 21.

sko-rosyjskich w odniesieniu do potrzeb rzeczywistości XXI wieku można zaliczyć to, że zaledwie w minimalnym stopniu uwzględnia się czynniki ponadnarodowościowe warunkujące dialog międzykulturowy. Cytowane niżej czynniki mają właśnie taki charakter i można je bezpośrednio odnieść do potrzeb polsko-rosyjskich kontaktów kulturowych. Można do nich zaliczyć:

- traumatyczne aspekty pamięci historycznej wpływające na mentalne nastawienia i stosunki kulturowe mogą być neutralizowane na drodze wzajemnego i wytrwałego dążenia do ukazania prawdy o przeszłości; obustronne ukazanie prawdy pozwoli przezwyciężyć efekt katharsis i rozszerzyć drogę do dialogu międzykulturowego;
- pamięć o wydarzeniach historycznych nie powinna być intencjonalnie demonstrowana i wykorzystywana w formie świadczącej o braku poszanowania drugiego narodu; pamięć o przeszłości powinna służyć konstruktywnemu podejściu do przyszłości i pojednania;
- kształtowanie w sferze mentalnej wzajemnego pozytywnego obrazu na drodze bezstronnego (bez uprzedzeń) przedstawienia obiektywnej wiedzy o swoich krajach i społeczeństwach, o uwarunkowaniach ich losów oraz o bieżących problemach życiowych;
- wypieranie obiegowych, negatywnych narodowościowych heterostereotypów na drodze wzajemnego zbliżenia, poznawania prawdy o sobie i kształtowanie nastawień asertywnych oraz tolerancyjności do różnorodności².

Nie analizując szerzej zjawiska owych „śladowych potrzeb”, nie odnoszą się one bowiem bezpośrednio do nakreślonej przeze mnie problematyki, można jednak stwierdzić, że ten aspekt odbija się negatywnie na całej naszej edukacji. Dotyczy to w znacznym stopniu języka rosyjskiego jako przedmiotu nauczania w sferze motywacji i nie tylko.

Należy podkreślić, że zagadnieniom związanym z motywacją nauczania i uczenia się języków obcych poświęcono wiele opracowań³. Jednakże wiele uwarunkowań, takich jak na przykład nowe warunki geopolityczne nauczania i uczenia się języków obcych, podobnie jak i każda motywacja w odniesieniu do przedmiotów pozajęzykowych, stanowi w rezultacie konglomerat różnych motywów: społeczno-poznawczych, osobowościowo-etycznych i utylitarnych. Z psychologicznego punktu widzenia czy też w oparciu o osiągnięcia współczesnej

² W. Woźniewicz, *Обусловленности познания культурных артефактов и вопросы межкультурного диалога в польско-восточнославянском языковом пространстве*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2002, vol. XXX, s. 122–123.

³ Np.: M. Szalek, *Jak motywować uczniów do nauki języka obcego; motywacja w teorii i praktyce*, Wydaw. „Wagros”, Poznań 2004, ss. 185.

glottodydaktyki przyjmuje się wyróżnianie motywacji instrumentalnej i integrującej. W naszej rzeczywistości nauki języków obcych występują różne motywy i to prowadzi do powstania specyficznej motywacji instrumentalno-integrującej. Jeśli jednak uwzględnimy fakt, że w trakcie przyswajania języka obcego, określony typ motywacji traci wagę, to trzeba wziąć pod uwagę także wartość innych motywów, które należałoby interpretować w kategoriach pragmatycznych.

Na przełomie wieków XX i XXI można zauważyć fakt istotnej zmiany motywów przyswajania języka rosyjskiego. Do kształcącego aspektu jego nauczania i uczenia się, który sprzyja satysfakcji poznawczo-kształcących jego elementów (tj. integrująca motywacja) dołączyć można motywy pragmatyczno-uitylitarne, które w aktualnej rzeczywistości dydaktycznej, i szczególnie pozadydaktycznej, faktycznie zaczynają dominować. Można do nich zaliczyć przede wszystkim te, które dotyczą profesjonalizmu w różnych dziedzinach (np. w sferach biznesu czy komercji). Należy jednak podkreślić, że pragmatyczno-uitylitarne orientacja w nauczaniu i uczeniu się języka rosyjskiego wcale nie wyklucza jego aspektu lingwokulturologicznego, który również dotyczy motywacji i winien być nadrzędny w stosunku do pozostałych.

Ta orientacja w przyswajaniu języka rosyjskiego (pragmatyczno-uitylitarne motywy) integralnie jest powiązana z nowymi potrzebami, tj. z koniecznością kształtowania nowego typu kompetencji komunikacyjnej o charakterze pragmatyczno-uitylitarne. Ten nowy typ kompetencji można rozpatrywać w zasadzie tylko w powiązaniu z kompetencją interkulturową (podobnie zresztą jak w odniesieniu do sygnalizowanych wcześniej motywów).

Ogólnie wiadomo, że język rosyjski w systemie polskiej edukacji nie jest już przedmiotem obowiązkowym jako jedyny (na poziomie szkoły podstawowej) lub pierwszy język obcy (na poziomie szkoły ponadpodstawowej) i stał się jednym z języków obcych do wyboru na poziomie szkoły ponadpodstawowej, przy czym nie wszystkie placówki posiadają go w swojej ofercie.

Omówione wcześniej czynniki determinujące wybór języka obcego w kształceniu zorganizowanym i poza nim, pozwalają na rekomendowanie dwóch języków obcych. Zagadnienia te znajdują już szerokie zastosowanie w praktyce nauczania i uczenia się języków obcych. Warto podkreślić, że stanowi to potrzebę dzisiejszej edukacji i jest już pewnego rodzaju standardem europejskim. Zarysowane problemy wymagają jednak dalszych badań i wdrożeń do praktyki dydaktycznej.

Na podstawie niektórych tendencji uwzględniających specyfikę polskiej oświaty i licznych uwarunkowań geopolitycznych można zaproponować przyjęcie określonej hierarchii w wyborze języków obcych w naszym kraju: na pierwszym miejscu – język angielski, na drugim – język niemiecki, na trzecim – język rosyjski *ex aequo* z językiem francuskim. Trzeba jednak zauważyć, że coraz większą popularnością cieszy się język hiszpański. W powyższym kontekście problem dotyczy jednak pewnego zróżnicowania w zależności od regionu naszego kraju. W związku z tym moją propozycję można traktować jako średnią ogólnopolską.

Przedstawione w niniejszej publikacji implikacje glottodydaktyczne i inne (również te wspomnieniowe) na tle Złotego Jubileuszu Olimpiady Języka Rosyjskiego stanowią pewien przyczynek do współczesnego spojrzenia na język rosyjski i inne języki obce w aktualnym systemie polskiej edukacji narodowej. System ten wymaga w dalszym ciągu modernizacji w kontekście perspektywicznych potrzeb XXI wieku.

Na marginesie powyższych rozważań chciałbym nieskromnie dodać, że wraz z całą Olimpiadą ja także obchodzę swój Złoty Jubileusz, gdyż aktywnie uczestniczyłem i uczestniczę w pracach OJR. Pełniłem, począwszy od 1969 roku różne funkcje w ramach wszystkich edycji Komitetów Okręgowych Olimpiad Języka Rosyjskiego w Wielkopolsce.

Тадеуш Пахлольчик

ГЛОТТОДИДАКТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗОЛОТОГО ЮБИЛЕЯ ОЛИМПИАДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Резюме

Олимпиада по русскому языку детерминирована гаммой разнообразных вопросов. К ним принадлежат, среди других, те, которые играют первостепенное значение и касаются:

- критериев выбора иностранного языка в польской системе народного образования;
- статуса русского языка в новых геополитических условиях с учетом мотивации в его аквизиции;
- того, чтобы в общих чертах дать более рациональное представление о потребностях в усвоении русского языка.

Обсужденные в данной публикации глоттодидактические детерминанты и другие вопросы, на фоне Золотого Юбилея Олимпиады по русскому языку

GLOTTODYDAKTYCZNE IMPLIKACJE...

в Польше, являются предпосылкой к современному взгляду на русский язык и другие иностранные языки.

Tadeusz Pacholczyk

GLOTTODIDACTIC IMPLICATIONS IN THE CONTEXT OF THE GOLDEN JUBILEE OF THE RUSSIAN LANGUAGE CONTEST

Summary

Russian Language Contest is determined by the whole range of diverse problems. The most crucial of them, in the opinion of the author, concern:

- criteria for the choice of foreign language in the Polish system of national education;
- status of Russian language in new geopolitical conditions with the allowance for motivational sphere in its acquisition;
- outlining the new, more rational needs in Russian language acquisition.

The glottodidactic and other implications presented in the paper in the context of Gold Jubilee of the Russian Language Contest contribute to the modern perspective on Russian language and other foreign languages.

R E C E N Z J E

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

А.П. Дмитриев, *Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов*,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
«Родник», Санкт-Петербург 2018, 912 с.

Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) по словам его современников — «самобытный и глубокий мыслитель», (Юрий Петрович Бартенев), «гений-энциклопедист» (Иван Фёдорович Романов-Рцы), чей облик вызывал в памяти образ Михаила Ломоносова: «оба вышли из народной среды; оба собственными силами обязаны развитием вложенного в них Божьего дара; и оба навеки останутся памяты народу своими трудами на пользу родного языка и родной науки» (Анна Михайловна Гальперсон). Однако, несмотря на высокие оценки современников, Гиляров долгое время оставался практически забытым в России писателем-богословом. Труды его в течение последнего столетия практически не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения появлялись в лучшем случае в связи с изучением славянофильства. Лишь к концу XX века, благодаря публикациям Бориса Фёдоровича Егорова, а затем и его младшего коллеги — Андрея Дмитриева, открывших научному миру оригинального русского писателя и религиозного философа, Гиляров стал привлекать к себе внимание исследователей и простых читателей.

Андрей Дмитриев поставил перед собой амбициозную цель: всесторонне изучить личность, жизненный путь и литературное наследие этого автора. И судя по регулярно появляющимся в печати изданиям источников с основательными комментариями и научными статьями¹ в течение последних десяти

¹ См. лишь некоторые издания: Н.П. Гиляров-Платонов, *Из пережитого: Автобиографические воспоминания*, изд. подгот. А.П. Дмитриев и др., отв. ред. Б.Ф. Егоров, Наука, Санкт-Петербург 2009, т. 1, 614 с.; т. 2, 714 с.; Н.П. Гиляров-Платонов, *Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837–1843)*, сост., подгот. текстов, коммент. А.П. Дмитриев, отв. ред. Б.Ф. Егоров, Пушкинский дом, Санкт-Петербург 2009, 528 с.; *Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887)*, сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриев, отв. ред. Б.Ф. Егоров, Росток, Санкт-Петербург 2011, 512 с.; Ю.Н. Говоруха-Отрок, *Во что веровали русские писатели?: Литературная критика и религиозно-философская публицистика*, в 2 т., изд. подгот. А.П. Дмитриев и Е.В. Иванова, Росток, Санкт-Петербург 2012, т. 1, 895 с.; т. 2, 1087 с.; В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев: *Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве*, изд. подгот. А.П. Дмитриев и др. Росток, Санкт-Петербург 2014, 1182 с.; Рцы (И.Ф. Романов), *Собрание сочинений*, в 2 т.,

лет (более 80 публикаций), Дмитриев целеустремленно и последовательно собирал всевозможные материалы, касающиеся Гилярова. Ученый в результате последовательных розысканий в архивах и книгохранилищах обнаружил множество неизвестных документов, которые позволяли по-новому реконструировать биографию и творчество писателя, осмыслить, комментировать и издавать забытые и вновь найденные тексты. Он детально изучал контакты и взаимодействие мыслителя с современниками в широком контексте русской гуманитаристики второй половины XIX века. Итогом этого труда и стала фундаментальная монография, где ученый сумел показать многогранный, «возрожденческий» характер деятельности своего героя: «он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причем весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и филолог, и экономист, и социолог, автор многочисленных статей по политическим, общественно-церковным, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью и стилистическими достоинствами не уступают подчас творениям писателей первого ряда» (с. 5). В центре внимания Дмитриева — феномен Гилярова — ученого, писателя, литературного критика, публициста в контексте историко-литературного процесса 1830–1880-х гг. и далее — до начала XX века, когда в литературе еще активно действовали ученики Гилярова.

На основе анализа всех имеющихся на настоящий момент источников Дмитриев впервые представил полную научную биографию Гилярова; обосновал его значимость как одного из наиболее глубоких русских мыслителей и создателей национальной идеологии; определил научный вклад Гилярова в область эстетики и языкознания, богословия и церковной истории, политэкономии, социологии и философии; внес существенные уточнения в творческую историю и датировку многих произведений писателя, раскрыл не учтенные ранее псевдонимы, исправил фактические ошибки и проч. и проч., обозначил характерные черты его индивидуальной творческой манеры. Привлеченный Дмитриевым материал, характер его осмысления и полученные результаты свидетельствуют о масштабности, глубине, основательности осуществленного исследования, его новизне и научной значимости.

Заслуживают пристального внимания наблюдения и аналитические комментарии исследователя, касающиеся духовно-нравственной проблематики эпохи и характера ее интерпретации в публицистических выступлениях Гилярова. В частности, по поводу государственной и народной жизни в ее историческом развитии, православного учения об обществе, гражданских прав российских евреев, старообрядчества, пастырского богословия, цензуры и свободы слова, всероссийского единства и проч., и проч. Представляют интерес также точные, корректные сопоставительно-сравнительные характеристики творческих установок Гилярова и таких крупнейших публицистов его времени, как Михаил Катков, Иван Аксаков, Константин Победоносцев,

сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров, Росток, Санкт-Петербург 2016; *Переписка И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова (1855–1885)*, сост., публ. А.П. Дмитриев, общ. ред. Б.Ф. Егоров, Росток, Санкт-Петербург 2018.

Арнольд Думашевский, Тертий Филиппов, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и др.

Особо выделю третий раздел монографии — *Н. П. Гиляров-Платонов как мемуарист и литературный критик. Творческие диалоги с современниками*. В этом разделе на основе хранящихся в РО ИРЛИ сочинений Гилярова семинарского периода Дмитриев описывает процесс становления эстетических и религиозных взглядов писателя. При этом интерес вызывают ранняя проза и дневники Гилярова. Большинство из сохранившихся произведений — беллетристических (*Последние дни Помпеи, Честолюбец, Случай, каких немного, Страшный суд*) и поэтических (*Два бедняка, Летняя ночь*) — объединяет христианская мотивика, эсхатологическая тема, проблема греха. Юного автора, утверждает исследователь, «не интересовали традиционные для светской литературы облегченные темы и сюжеты», зато ему присуще устойчивое движение «в сторону христианского, духовного реализма» (с. 281). В 1837–1843 гг., Гиляров вел дневник, названный *Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы*, большая его часть не сохранилась, но два фрагмента (за 1839 и 1843 гг.) Дмитриев обнаружил в архиве. Эти дневники, как поясняет ученый, давали юноше «возможность самовыражения, когда перехлестывало через край творческое возбуждение, переполняли душу впечатления от увиденного, услышанного и, особенно, прочитанного», а также выполняли «функции самопознания и исповеди» (с. 290). Замечу, что дневниковые интенции Гилярова (нр.: «Я намерен, или, лучше сказать, я желал бы, вести жизнь самую регулярную, в которой бы было все расчислено по часам, когда и чем заниматься, делом или бездельем, и даже если делом, то именно каким. Но — Боже мой! — сколько я давал себе таких обещаний?!» с. 291) практически совпадают с диаристскими устремлениями юного Льва Толстого.

Далее Дмитриев подробно описывает творческую историю, претексты и источники-«образцы», жанр, композицию замечательных автобиографических мемуаров Гилярова *Из пережитого*, их восприятие и оценки современной критикой (и здесь ряд текстов впервые вводится в научный оборот); анализирует и ныне актуальные литературно-критические статьи, посвященные крупнейшим писателям XIX в., раскрывает проблематику творческих — нередко полемических — диалогов Гилярова с Сергеем Аксаковым и его сыновьями Константином и Иваном, Алексеем Хомяковым, Юрием Самариным, Львом Толстым, Александром Островским, Николаем Лесковым, Федором Достоевским и др. Кроме того, Дмитриев деликатно и скрупулезно рассматривает письма Гилярова к его ученику Романову-Рцы, где писатель, в полной мере реализовал свою «потребность в исповеди» — и интеллектуальной, мировоззренческой (причем во многих аспектах: богословском, философском, общественно-литературном, политическом), и задушевно-личной, позволившей с высоты прожитых лет по-новому осветить изломы собственной судьбы и наиболее важные моменты пережитого.

Большое научное значение имеет объемное *Приложение* (с. 471–865), которое содержит публикацию новых архивных документов, дающих представление о судьбе литературного наследия Гилярова в последние годы его жизни и в первые два десятилетия со дня его кончины. Комментарии к документам содержат важную информацию о ближайших учениках и последователях Гилярова (Ивана Романова-Рцы, Анны Гальперсон, кн. Николая Шаховского и др.).

На мой взгляд, монография Андрея Дмитриева идеально вписывается в тот принципиально значимый для развития науки круг исследований, которые ставят и решают «всегда актуальную для филологической науки задачу — давать объемное и детализированное видение литературного движения прошлого, представляя его объективную, многоуровневую и многоаспектную картину». Очень радует, что молодой ученый наследует лучшие, наиболее ценные свойства своих выдающихся предшественников — представителей русского академического литературоведения с их неизменным вниманием к источниковедению, текстологии, библиографии.

Книга будет полезна всем гуманитариям, особенно философам, историкам, филологам, интересующимся развитием русской консервативной мысли.

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

Ю.М. Прозоров, *В.А. Жуковский в историко-литературном освещении.*

Эстетика. Поэтика. Традиции. Монография,

ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, «Полиграф», Санкт-Петербург 2017, 406 с.

Василий Андреевич Жуковский — «литературный Колумб Руси, открывший ей Америку романтизма» (Виссарион Белинский) — уникальная творческая личность, определявшая поэтическое, интеллектуальное и религиозно-нравственное содержание своей эпохи. И в то же время Жуковский — одна из фундаментальных фигур русского историко-литературного процесса, обусловившая его поступательное развитие на протяжении XIX–XX вв. Литературоведение, располагая к настоящему времени огромным массивом научных трудов о русском поэте-романтике, тем не менее остро нуждается в современном осмыслении целого ряда позиций первостепенной важности для более адекватного прочтения как наследия самого Жуковского, так и уяснения характера его воздействия на последующее развитие литературы.

Юрий Прозоров, изучающий около сорока лет творчество поэта, как никто другой из современных ученых, ориентируется в сильных и слабых сторонах науки о Жуковском, поэтому в своей монографии он и сосредоточился на проблемах, действительно, первостепенной значимости. Исследователь сконцентрировал свое внимание на изучении 1) эстетики Жуковского, 2) поэтики его творчества, 3) исторических судеб тех художественных традиций, которые были заложены поэтом. Именно в таком комплексном сочетании наследие Жуковского никогда не рассматривалось, что определяет научное новаторство монографии. Тщательно изучив разнообразные художественные, литературно-критические, автобиографические, эстетические сочинения Жуковского, его конспекты, записи, фрагменты, а также не учтенные ранее архивные источники, ученый поставил перед собой фундаментальную цель: выявить базовые константы художественной картины мира Жуковского. Отбор материала и характер его осмысления свидетельствуют о правомерности сформулированной цели, адекватности поставленных научных задач, эффективности предложенных путей для их решения и в целом об актуальности проведенного исследования.

В монографии Прозоров максимально расширил и подробно очертил горизонты эстетического кругозора поэта, последовательно представил историю становления и эволюцию литературно-критических и эстетических взглядов Жуковского — от просветительства к романтизму (Глава первая: *Критико-эстетические воззрения В.А. Жуковского: источники, содержание, эволюция*, с. 23–80); определил характерные свойства его творческого мышления и, что очень важно (!): впервые описал такие существенные для творческого сознания поэта категории, как меланхолия (Глава вторая: *Категории поэтического мышления В.А. Жуковского*, с. 81–169) и ужасное (Глава третья: *Категории поэтического мышления В.А. Жуковского. «Ужасное»*, с. 170–231). Меланхолия, согласно наблюдениям и выводам ученого, приобретает у Жуковского исключительное философское и художественное значение. Эта культурная категория наделена поэтом «смысловой множественностью», несущей на себе «отпечатки разных эпох своего развития и разных этнонациональных традиций». Меланхолия — это и «исключительно психологическое состояние», и «эмоциональная атмосфера лирики» Жуковского, и «целая система культурно-исторических воззрений» — то есть в целом огромный «мир творческих идей, общественных умонастроений, эстетических вкусов, поэтических откровений» (с. 81–82). Ученый изучил «меланхолические приметы» также и в дневниковых записях поэта, непосредственно отразивших его внутреннюю рефлексию. Созданная там «переливающаяся» картина мира — с неясностью туманов и сумерек, с неопределенностью промежуточного времени суток, с неустойчивостью переходного времени года и проч. — все это и есть созерцание меланхолически настроенного автора.

Стоит подчеркнуть, что в монографии Прозорова гармонически соединились присущие ученому глобальность научного мышления, филигранность в работе с конкретным текстом, ясность и стройность изложения. Так, в частности, в результате тонкого, скрупулезного анализа романтических элегий, исследователь убедительно показал и доказал, что меланхолия у Жуковского — это напряженное интеллектуально-психическое состояние лирического героя, обусловленное как философским контекстом романтической эпохи, так и индивидуальным своеобразием душевного мира человека Нового времени. Именно «меланхолическая душевность» предопределила становление психологизма в поэзии Жуковского, а через нее — и в позднейшей русской лирике и русском романе XIX в.

Наряду с меланхолией, исследователь сосредоточился на изучении ужасного — как значимой категории для содержания балладного творчества поэта. «Романтическая муза» Жуковского, как заметил еще в свое время Белинский, любила «мрачные картины фантастической действительности» с ее «гробами, скелетами, духами, злодействами и преступлениями — темными преданиями средних веков». Прозоров, изучив «готическую» эстетику романтической баллады, рассмотрел различные этические коллизии, которые Жуковский облек во внешние формы ужасного, фантастического, выходящего за пределы «здешнего порядка», и пришел к выводу, что ужас, преображенный в горниле художественных контекстов, приобретает самые различные свойства и выполняет разнообразные функции. Ужасное выступает и как особая эстетика, и как художественная атмосфера, и как определенный круг поэтических тем и образов. Ужасное «отбрасывает», по словам Прозорова, «свои рефлексии не только на баллады Жуковского, но и на ряд других, эпических и лиро-

эпических, жанров его поэзии, сказки, поэмы, стихотворные повести» (с. 218). Как убедительно продемонстрировал исследователь, ужасное проявилось у Жуковского наиболее остро и выразительно в произведениях с демонологической фантастикой (см. анализ *Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем...*). Поэтика *ужасного*, восходящая к балладам Жуковского, вскоре становится неотъемлемым компонентом в повестях Антония Погорельского *Лафертовская маковница* (1825), Александра Бестужева-Марлинского *Страшное гадание* (1830), Николая Гоголя *Страшная месть* (1832) и др. произведениях.

Исследуя жизнь поэтических традиций Жуковского в литературатурном процессе второй половины XIX и в XX столетиях, исследователь более конкретно и детально рассмотрел характер их усвоения и функционирования в поэзии Николая Некрасова (Глава четвертая: *Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и Н.А. Некрасов*, с. 232–299) и в прозаической трилогии о русских писателях Бориса Зайцева (Глава пятая: *Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и биографические повествования о русских писателях в творчестве Б.К. Зайцева*, с. 300–339). Если Некрасов на раннем этапе своей творческой деятельности, согласно заключениям ученого, видит в Жуковском «учителя», а в его романтической поэзии находит «подтверждение поэтических прав народной темы», то Зайцев имплицитно «спиритуальность» поэзии Жуковского с ее стремлением к выражению «невыразимого» в свою биографическую прозу, приводя таким образом в действие восходящий к эстетике Жуковского «сверхрациональный потенциал слова». Ученый обнаружил, что литература XX в. в качестве одной из наиболее ценных составляющих наследия Жуковского усваивает заложенную им традицию активизации «сверхлогических семантических ресурсов поэтического языка, пробуждения окружающей слово и дремлющей в обыденном словоупотреблении смысловой ауры» (с. 343).

Особо отмечу значимость впервые введенной Прозоровым в научный оборот не публиковавшейся ранее одной из редакций (рубеж 1840–1850 гг.) перевода Жуковским ряда текстов Священного Писания (Приложение: *Из рукописного наследия В.А. Жуковского. Переводы фрагментов Священного Писания*, с. 345–389).

В процессе многопланового, многоаспектного, нередко междисциплинарного исследования наследия Жуковского исследователь не только выявил имеющиеся лакуны в изучении творчества поэта, но и предложил эффективные пути и версии их смыслового наполнения. Ученый глубоко осмыслил наследие Жуковского как сложный, постоянно эволюционирующий и вместе с тем устойчивый в своей основе микро- (творчество) и макрокосмос (наследование и развитие традиций), показав его неисчерпаемую аксиологическую значимость для русской культуры.

Книга полезна в первую очередь для филологов, а также для всех, интересующихся историей и процессами развития русской литературы.

ANNA RUDYK

Uniwersytet Rzeszowski

Artur Czapiga, *Leksykalno-pragmatyczne wykładniki aprobaty jako aktu mowy. Na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego*,
Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2017, 272 s.

Wśród książek, które niedawno pojawiły się na rynku wydawniczym, niewątpliwie zasługuje na uwagę książka Artura Czapigi *Leksykalno-pragmatyczne wykładniki aprobaty jako aktu mowy (na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego)*. Monografia ta jest próbą opisu aprobaty jako niezbadanego dotąd aktu mowy we wskazanych w tytule językach. Publikacja podejmuje temat aktualny w świetle obecnego stanu badań językoznawczych, tym bardziej że w dotychczasowych opracowaniach aprobaty pojawia się raczej marginalnie, podczas gdy takim aktom mowy jak rada, pochwała czy prośba poświęcona jest bogata literatura. Dlatego można śmiało stwierdzić, że wybrane zagadnienie zapełnia pewną lukę w obszarze pragmatylingwistyki.

Prezentowana książka składa się ze wstępu, dwóch rozdziałów teoretycznych, obszernej części empirycznej i zakończenia. Pierwszy z rozdziałów teoretycznych został poświęcony teorii aktów mowy, którą autor przybliży czytelnikowi krótko, treściwie i wyjątkowo przystępnie, odwołując się do oryginalnych źródeł. W drugim analizuje on rozumienie aprobaty w ujęciu leksykograficznym, semantycznym, gramatycznym i funkcjonalnym oraz w świetle wybranych teorii pragmatylingwistycznych, co pozwala mu sformułować spójną i kompleksową definicję tego aktu mowy, niezbędną do prowadzenia założonego badania: „jest to wypowiedź reaktywna, w której nadawca wyraża pozytywną ocenę przedmiotu aprobaty (propozycji, sugestii, pomysłu, rzadziej uczynku lub osoby będącej ich autorem) oraz przyzwolenie na wdrożenie przedmiotu aprobaty w życie (propozycji, sugestii, pomysłu)” (s. 44).

Zakładając, że jednostki leksykalne będące markerami aprobaty powinny zawierać podstawowe elementy zaproponowanej definicji, czyli pozytywną ocenę propozycji oraz zgodę na nią, autor, wykorzystując źródła leksykograficzne, przygotował i umieścił w pierwszym z rozdziałów badawczych monografii rodzaj leksykonu, który okazuje się zbiorem różnorodnym pod względem morfologicznym i stylistycznym. W każdym z trzech analizowanych języków można bowiem wskazać zarówno pojedyncze wyrazy, jak i grupy składniowe o różnym stopniu rozwinięcia, które służą wyrażeniu aprobaty. Jak podkreśla lingwista, nie jest to jednak zbiór zamknięty, gdyż niektóre leksemy są jednoznacznie wskaźnikami wybranego aktu mowy, inne natomiast stają się nimi dopiero w odpowiednim kontekście.

Kolejny rozdział badawczy został poświęcony pragmatycznym markerom aprobaty w języku polskim, rosyjskim i angielskim. Analiza jest tu prowadzona od strony znaczenia pragmatycznego w kierunku wykładników formalnych. Takie rozwiązanie pozwala odkryć niekiedy zaskakujące sposoby werbalizacji aprobaty. Badanie pokazuje również, że może ona współwystępować z innymi aktami mowy – w zebranym materiale źródłowym najczęściej łączy się z pochwałą. Czapiga proponuje tu autorski model analizy pragmatycznej uwzględniający następujące elementy aktu aprobaty: kontekst obejmujący nadawcę, odbiorcę, rodzaj zwierzchności i obiekt aprobaty oraz eksplikację, gdzie wyróżnia ocenę i przyzwolenie. Wyróżnienie tych składników daje możliwość prześledzenia każdego z osobna i określenia ich wpływu na ostateczną formę aktu aprobaty, ponadto pozwala ujawnić zasadnicze różnice między właściwościami markerów leksykalnych i pragmatycznych.

RECENZJE

W następnym rozdziale znajdujemy omówienie modalnych, emotywnych, illocucyjnych i modalno-syntagmatycznych funkcji wypowiedzi aprobatywnych. Przedmiotem kolejnego jest dialogiczność aprobaty i wybrane strategie konwersacyjne. Przedstawiono tu między innymi taktyki osłabiające i wzmacniające pozytywną ocenę propozycji wyrażonej w akcie mowy poprzedzającym aprobatę. Ponieważ wypowiedzi zawierające markery aprobaty mogą być uzupełnione o dodatkowe składniki, takie jak zwroty adresatywne, doprecyzowanie jej przedmiotu czy polecenie określonego zachowania, można mówić o tworzeniu się złożonej struktury, podporządkowanej nadrzędnej intencji nadawcy, której komponenty wchodzą w relacje z aprobatą właściwą, tworząc makroakt mowy. Takim strukturom poświęcony jest ostatni rozdział badawczy pracy. Składnikami wspomagającymi aprobatę właściwą mogą być m. in. wspomniane już zwroty adresatywne, operatory metatekstowe o funkcji faktycznej, intensyfikatory, wykrzykniki czy partykuły.

Zjawisko aprobaty w zakresie porównywanych języków ma charakter interkulturowy – w prezentowanej monografii wykazano analogiczne znaczenie, funkcje pragmatyczne i uwarunkowania kulturowe tego aktu mowy. Ponadto autor udowodnił, że leksykalne wykładniki aprobaty w żadnym z konfrontowanych języków nie tworzą zamkniętej grupy. W związku z tym konieczne okazało się badanie wychodzące od znaczenia pragmatycznego i zmierzające w stronę wykładników formalnych. I tu skutecznym rozwiązaniem okazał się wypracowany przez lingwistę model analizy pragmatycznej, uwzględniający zarówno elementy uniwersalne dla wszystkich aktów mowy, jak i te, które wynikają z eksplikacji samej aprobaty. Przejrzysty aparat badawczy umożliwił przeprowadzenie wielopłaszczyznowej, rzetelnej i niezwykle interesującej analizy, której wynikiem jest studium przedstawiające w przystępny i wyczerpujący sposób niezbadany dotąd akt mowy.

S P R A W O Z D A N I A

ANNA ROMANIK

Uniwersytet w Białymstoku

Międzynarodowa Konferencja Rusycystów
„МКР-Барселона 2018” na Uniwersytecie Barcelońskim,
20–22 czerwca 2018, Barcelona (Hiszpania)

Problemy współczesnej rusycystyki i perspektywy jej rozwoju są dyskutowane przy wielu okazjach i w różnych gremiach, jednak tylko wyjątkowe spotkania zapadają w pamięć i przynoszą wymierne korzyści. Za takie właśnie przedsięwzięcie należy uznać Międzynarodową Konferencję Rusycystów na Uniwersytecie Barcelońskim (МКР — Барселона 2018), która odbyła się w dniach 20–22 czerwca 2018 roku w słonecznej stolicy Katalonii. Z całą odpowiedzialnością można stwierdzić, że gospodarze (pracownicy Filologii Słowiańskiej Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Barcelońskiego) nawet w najmniejszych szczegółach zadbali o to, by spotkanie filologów — badaczy i miłośników języka rosyjskiego — odbyło się na najwyższym poziomie, zarówno pod względem merytorycznym, jak i formalnym (organizacyjnym).

Konferencja w Barcelonie miała zasięg międzynarodowy, prelegenci bowiem zjechali się z dalekich zakątków świata, z różnych kontynentów: Europy, Azji, Ameryki Południowej i Północnej oraz Australii. Najliczniej reprezentowaną grupę uczestników stanowili Rosjanie z czołowych ośrodków naukowych Federacji Rosyjskiej, a wśród nich wybitni literaturoznawcy i lingwiści, autorzy cennych monografii, cieszących się w środowisku rusycystycznym ogromnym uznaniem. W gronie zacnych gości konferencji znaleźli się również uczeni z Hiszpanii, Niemiec, Czech, Grecji, Chorwacji, Islandii, Wielkiej Brytanii, Francji, Szwajcarii, Finlandii, Bułgarii, Armenii, Gruzji, Kazachstanu oraz odległych Stanów Zjednoczonych, Puerto Rico, Brazylii, Tajwanu czy Japonii. Polskę natomiast reprezentowała grupa slawistów z Uniwersytetu Jagiellońskiego, Instytutu Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Uniwersytetu Śląskiego, Uniwersytetu Rzeszowskiego, Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Uniwersytetu w Białymstoku oraz Akademii Pomorskiej w Słupsku. Udział naukowców (zgodnie z programem — 215 osób) z różnych krajów świata w znacznym stopniu podniosło rangę przedsięwzięcia i stworzyło możliwość wymiany myśli naukowej w szerokiej perspektywie. Ponadto w przypadku tej konferencji, przydawka „międzynarodowa” rzeczywiście wybrzmiewa tu niezwykle adekwatnie do sytuacji.

Pierwszy dzień konferencji dostarczył uczestnikom wielu pozytywnych wrażeń. Spotkanie naukowców rozpoczęło się w przepięknej muzealnej auli Paranimf w historycznym budynku uniwersytetu, który nie tak dawno obchodził 550-lecie istnienia. Uroczystego otwarcia dokonał profesor Joan Castellvi. Przywitał gości i przedstawił założenia podjętego przedsięwzięcia. Zgodnie ze standardami i tradycjami konferencji naukowych inaugurację uświetniły dwa wystąpienia plenarne. Pierwszy wykład (*Народные истоки образного языка русской литературы*) wygłosił wybitny rusycysta, kierownik Katedry Filologii Słowiańskiej Petersburskiego Uniwersytetu

Państwowego — profesor Walerij Mokijenko. Drugim prelegentem był profesor Georges Nivat (Uniwersytet Genewski), ceniony tłumacz literatury rosyjskiej oraz twórca ośrodka badań nad kulturą i literaturą rosyjską XX wieku w Lozannie. Odczytał on wnikliwy i pełen zaskakującej autorefleksji referat *От «искренности в литературе» до постмодернистской игры — путь русистики за мою жизнь русиста*. Oba wystąpienia godnie zainicjowały trzydniowe forum naukowe.

Praca w sekcjach odbywała się w trzech zasadniczych blokach tematycznych. Zgodnie z propozycją organizatorów prelekcje uczestników dotyczyły zagadnień literaturoznawczych, lingwistycznych (zarówno w zakresie lingwistyki stosowanej, jak i deskryptywnej) oraz dydaktyki języka rosyjskiego jako obcego. Wyodrębniono następujące sekcje problemowe: *Современная русская литература, Русская литература в мировой культуре, Русский язык как иностранный, Описание и анализ русского языка, Теоретическая и прикладная лингвистика*.

W dwóch sekcjach literaturoznawczych zaprezentowano szeroki wachlarz tematów. Wystąpienia dotyczyły między innymi twórczości literackiej konkretnych pisarzy, zarówno klasyków rosyjskiej prozy, poezji i dramatu, jak i mniej znanych artystów (Susan McReynolds Oddo, *The impact of Literary Theologies: The Reception of Dostoyevsky and Tolstoy*, Yuliya Ilchuk, *The Social Worlds of Tolstoy's and Dostoyevsky's Novels: The Character Network Analysis of Anna Karenina and Brothers Karamazov*; Tatjana Jovovic, *Философские идеи В. Соловьева в Сонечке Л. Улицкой*, Yulia Pasko, *Поэт «под небом и над землей»: к вопросу об организации пространства в поэзии Марины Цветаевой (на примере стихотворных циклов)*; Наталия Иванова Шитакова, *Система хронотопов в творчестве В. Набокова и Г. Газданова*; Ирина Анатольевна Митрофанова, *Ольга Альбертовна Старовойтова, Художественно-эстетический потенциал малой прозы В.Г. Распутина*; Патимат Батыровна Котикова, *Стилистические и жанровые особенности прозы Э. Лимонова (на примере книги Апология чукчей)*; Уршуля Трояновская, *Ситуация поезда — творчество Елены Долгопят как русский вариант современного магического реализма*; Natalia Strelnikova, *Образ курительной трубки в романе С.И. Щепотьева Преданья русского семейства*).

Seria interesujących referatów dotyczyła zagadnienia literatury rosyjskiej w kulturze światowej. Dyskutowano tu na temat przekładu rosyjskich dzieł literackich na inne języki narodowe, poruszono również kwestie recepcji estetycznej dramatów rosyjskojęzycznych na scenie międzynarodowej (Iker Sancho Insausti, *История и особенности развития перевода русской литературы на баскский: 1956–2017*; Denise Reginade Saless, *Переводы русской литературы как элемент бразильской культуры*; Е.П. Ковалевич, *Стратегии перевода интертекстуальных единиц в прозе Б. Акунина*; Mohsen Tounsi, *Русская литература в арабском мире*; Иоланта Любоха-Круглик, *Женитьба Николая Гоголя в польских переводах*; Наталия Эдуардовна Сейбель, *Рецепция русской классики в пьесах Петра Хакса*; Максим Михайлович Гудков, *Максим Михайлович Гудков, Рецепция советской драматургии на американской сцене в годы Второй мировой войны*).

Warto wspomnieć także o wystąpieniach dotyczących ekranizacji kulturowych utworów rosyjskiej literatury (Наталя Львовна Самосюк, *Христианский дискурс в интерпретации произведений современной культуры: романа Е. Водолазкина Лавр и фильма А. Тарковского Андрей Рублев*; Татьяна Александровна Снигирева, *Зачеркивание vs дополнение: редакторская и кинематографическая версии романа В. Аксенова Таинственная страсть*; Галина Нефагина,

Данута Герчиньска, *Русская литература в польских экранизациях*; Ольга Константиновна Страшкова, Ирина Валерьевна Купреева, Ирина Андреевна Бабенко, *Модернистские коды в поэтике российской «новой новой драмы» рубежа XX–XXI веков*).

Одębне forum do dyskusji stworzyli uczestnicy konferencji skupiający się wokół problemów nauczania języka rosyjskiego jako obcego. Współczesny rozwój dostępnych narzędzi technologicznych, a także innowacyjne metody nauczania i uczenia się oraz ich wykorzystanie w procesie dydaktyki stanowią dla nauczycieli i naukowców nowe wyzwania. Ich rezultatem okazały się wieloaspektowe badania i propozycje nowych rozwiązań w zakresie lingwodydaktyki. Wygłoszone w tej sekcji referaty zawierały głos o wykorzystaniu nowych technologii oraz skutecznym metod w nauczaniu języka rosyjskiego w obcojęzycznym audytorium na różnych poziomach kształcenia (Наталья Георгиевна Нестерова, *Интернет-радиопрограмма как основа новой технологии в обучении русскому языку как иностранному (на материале радиоканала интернет-портала «Русский мир»*); Татьяна Бусел, *Дистанционное взаимодействие преподавателя и иностранных студентов-филологов в рамках курса РКИ на базе платформы ТУИС (уровень В2)*; Natasha Anthony, *Task Design in 3D Environments for Online Russian Courses*; Victoria Novikova, *Использование аутентичных видеоматериалов в обучении РКИ: цели и виды работы*; John Langran, *Russian Language Games for the Classroom*; Татьяна Алексеевна Кротова, *Этноориентированное обучение РКИ: проблемы и перспективы*; Liudmila Shafirova, Маша и Медведь как один из ресурсов внеклассного обучения русскому языку). Wiele ciekawych wystąpień poświęcono opisowi doświadczeń w nauczaniu języka rosyjskiego w odmiennych systemach edukacyjnych różnych krajów świata (Гордана Наумович, *Использование видеоматериалов на уроках рки в Сербии*; Оксана Николаевна Калинта, Георгий Стельевич Павлидис, *Мобильные приложения как инструмент формирования мотивации греческих учащихся к изучению русского языка*; Наталья Ермакова, *Преподавание русского языка как эритажного в Германии: от диагностики к планированию*; Андрей Ахметович Зайнгульдинов, *Определение уровня владения русским языком как иностранным в Испании как часть международной системы тестирования*; Marina Niznik, *Опыт создания современной программы по русскому языку как семейному для средних школ Израйля*). Spora część referatów dotyczyła prozodii, głównie problemów związanych z akcentuacją i wymową, szczególnie w środowiskach posługujących się językami z całkowicie odmiennych rodzin czy grup językowych (Дарья Владиславовна Дашкевич, *Типологическая характеристика иностранного акцента в области произношения русских переднеязычных шумных согласных*; Marco-Andrés Camilo-Pietri, *Phonetic and Grammatical Difficulties at the Introductory-Level Study of Russian as a Foreign Language for Puerto Ricans and Spanish-speakers*; Энрике Керо Хервилья, Анхелес Керо Хервилья, Галина Михайловна Литвинова, Мария Николаевна Есакова, *Применение сопоставительного подхода в преподавании русской фонетической системы испаноговорящим учащимся*).

Секcje językoznawcze okazały się najbardziej liczne. Tam również toczyła się ożywiona dyskusja głównie nad stanem współczesnego języka rosyjskiego. Wygłoszone referaty przedstawiały zróżnicowane perspektywy badawcze, dotyczyły zarówno teoretycznego, jak i praktycznego (stosowanego) aspektu języka. Spora część prelekcji skupiała się wokół problemów szeroko rozumianej frazeologii. Uczestnicy zapre-

zentowali ujęcie tradycyjne, a także bardziej innowacyjne, na przykład, w zakresie frazeodydaktyki — stosunkowo nowej dziedzinie badawczej o charakterze interdyscyplinarnym. Referenci zwracali uwagę na trudności w odbiorze i przyswajaniu związków frazeologicznych i paremii w języku obcym, przedstawiali także analizę takich struktur na poziomie składniowym i semantycznym (Людмила Степанова, *Динамика интернационального ядра русской фразеологии*; Ольга Валентиновна Ломакина, *Интернет во фразеологии и фразеология в Интернете*; Igor Alekseevich Sharonov, *Русские пословицы и поговорки в диалоге: дискурсивно-прагматический подход к описанию*; Simón José Suárez Cuadros, *Фразеологический анализ на основе зооморфизмов в русском и испанском языках*; Малика Муратовна Аймагамбетова, *К вопросу о семантическом соотношении трансформированного фразеологизма-заголовка с текстом статьи*; Желька Финк-Арсовски, *Русские и хорватские фразеологизмы с компонентом бомба (бомба)*; Мажанна Карольчук, *Пословицы и поговорки на уроках русского языка как иностранного (анализ польских учебников для гимназистов)*; Елена Константиновна Полякова, Татьяна Евгеньевна Найдина, *Современные фразеологические словари как отражение „широкого” и „узкого” понимания фразеологии*; Мария Львовна Ковшова, *Совпадающие образы и традиционные смыслы в русских идиомах и поговорках*; Мария Львовна Ковшова, *Совпадающие образы и традиционные смыслы в русских идиомах и поговорках*).

Wiele wystąpień dotyczyło zagadnień z zakresu składni języka rosyjskiego. Autorzy zaprezentowali różne podejścia do badanych faktów językowych. Na przykład, omówiono właściwości składniowe współczesnego języka rosyjskiego, charakteryzowano struktury syntaktyczne w różnych dyskursach lub funkcjach, albo też zaprezentowano kategorie składniowe w ujęciu konfrontatywnym (Екатерина Сергеевна Зорина, *Вставные конструкции в романе П. Крусанова Железный пар*; Marina Yevgeniyevna Korovkina, *Синтаксис и языковая картина мира (на материале русского, английского и испанского языков)*; Hsiang-lin Yeh, Kawai Chui, *Syntactic-Semantic Analysis of Emotion Words in S. Dovlatov's Works and the Chinese Translation*; Ольга Игоревна Бобкова, *Способы описания свойства как элемент своеобразия русского синтаксиса*; Oksana Kanerba, *К вопросу о синтаксической обособленности звукоподражательных глагольных междометий*; Ekaterina Mironova, *Subject and Predicate topicalization in Russian: formalist and functionalist approaches*; Михаил Юрьевич Федосюк, *Являться, представлять собой, находится (Способы описания статических ситуаций как элемент своеобразия русского синтаксиса)*; Анна Романик, *Приемы экспрессивного синтаксиса в русской рекламе*).

W kilku referatach podjęto problematykę dyskursu politycznego (Benami Barros Garcia, Francisco Villegas Cara, *Visualizing Russian political discourse*; Gabriela Dudek-Waligóra, *Тактики признания и решения проблемы как главные показатели лидерства в дискурсе В.В. Путина*; Ekaterina Rycheva, *Метаязыковые комментарии в дискурсе российских и чешских политиков*; Robert Szymula, *Средства влияния на аудиторию в инаугурационных речах российских Президентов*).

Warto wspomnieć także dość reprezentatywną grupę wystąpień skupiających się wokół zagadnienia współczesnej leksykografii i związanych z nią zagadnień normy językowej. Prelegenci odnieśli się między innymi do problemu słowników cyfrowych czy kodyfikacji słownictwa rosyjskiego w słownikach wielojęzycznych (Mariola Jakubowicz, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, *Место русского языка*

в цифровой версии многоязычного словаря славянских языков; Shamil Khaïrov, *Russian for all occasions: из опыта составления тематического двуязычного словаря коммуникативных фрагментов*; Людмила Григорьевна Бабенко, *Разновидности лексических парадигм в контексте идеографической лексикографии (на материале эмотивной лексики)*; Tatiana Aleksandrovna Tripolskaia, Elena Yurievna Bulygina, *Интерпретация прагматически маркированного слова в электронной лексикографической базе данных*; Елена Константиновна Полякова, Татьяна Евгеньевна Найдина, *Современные фразеологические словари как отражение „широкого” и „узкого” понимания фразеологии*; Елена Леонидовна Григорьян, *Грамматическая норма и узус: причины расхождений*).

W sekcjach językoznawczy wyodrębnić można było również referaty, które uwzględniały kwestie związane z **dialektologią oraz pograniczem językowym i kulturowym** (Svetlana Zemicheva, *Томский диалектный корпус: современное состояние и перспективы*; Марина Александровна Харламова, *История полиэтнического региона в „зеркале” народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса*; Лариса Викторовна Ненашева, *Название верхней и зимней одежды в архангельских говорах*; Татьяна Алексеевна Демешкина; *Принципы описания регионального варианта языка*; Татьяна Александровна Сироткина, *Актуальные проблемы современной этнонимии*).

Ze względu na wielką liczbę referatów trudno jest odnieść się do wszystkich wyróżniających się wystąpień, niemniej z całym przekonaniem należy podkreślić wysoki poziom merytoryczny przygotowanych wykładów, co zresztą w podsumowaniu pokreślili organizatorzy.

Zwieńczeniem trzydniowych obrad konferencyjnych były dwa interesujące wykłady plenarne. Pierwszy z nich zatytułowany *Чуда Шаламова* przygotował jeden z wybitniejszych znawców literatury rosyjskiej na Półwyspie Iberyjskim, ceniony tłumacz — profesor Ricard San Vicente. Natomiast drugi referat (*Шаламов и Солженицын: арьергардные бои за читателя*) odczytał Valery Jesipov — rosyjski pisarz, dziennikarz i scenarzysta, a przede wszystkim czołowy badacz twórczości Szalamowa w Rosji.

Konferencja w Barcelonie udowodniła, że zarówno kultura, literatura, jak i język rosyjski, są obiektem wieloaspektowych badań o zasięgu globalnym. Dorobek rosyjskich pisarzy, poetów jest żywo dyskutowany i wyznacza kanony światowej literatury, a język ze względu na permanentny rozwój nieustannie inspiruje lingwistów do rozważań. Cieszy także fakt, że w skomplikowanych czasach politycznych i ekonomicznych napięć między Zachodem a Rosją, język oraz literatura pozostają wolne od uprzedzeń, a ich piękno doceniają zarówno naukowcy, jak i przeciętni amatorzy rosyjskiej kultury. Poza tym należy dodać, że pobyt w stolicy Katalonii pozostanie w pamięci na długie lata również z innych względów. Niezapomniane wrażenia pozostawi przepiękne miasto, łączące historię i współczesność, kuszące plaże i uśmiechy miejscowej ludności, pełnej werwy i pozytywnych emocji. Pozostaje jedynie żywić nadzieję, że organizatorzy dotrzymają złożonej obietnicy i konferencja „МКР — Барселона” stanie się wydarzeniem cyklicznym.

N O T Y O A U T O R A C H

JOLANTA BRZYKCY

Dr hab., adiunkt w Katedrze Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, badaczka poezji i ego-dokumentów przedstawicieli I i II fali emigracji rosyjskiej. Ostatnie publikacje: „*Dziennik z Grasse*” *Galiny Kuzniecovej jako tekst literacki*, „*Slavia Orientalis*” 2017, nr 1; *Obraz łagru w twórczości Borisa Filippowa*, w: P. Fast, L. Łucewicz, B. Stempczyńska (red.), *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje. Księga ofiarowana Pani Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz*, Katowice 2018; *Statyści historii. O wspomnieniach Borisa Filippowa*, w: T. Marczenko, I.A. Ndiaye, D. Nikołajew (red.), *Twórczość rosyjskiej zagranicy – satyra i metuarystyka*, Olsztyn 2018; *Картины Прованса в творчестве Галины Кузнецовой*, „*Slavia Orientalis*” 2018, nr 4.

Kontakt: tomine@poczta.onet.pl

ORCID: 0000-0001-9563-0723

ANNA ĆWIK

Mgr, doktorantka w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego, tematyka badań naukowych „Dostojewski i psychoanaliza”.

Kontakt: aneczka92@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5554-8725

KATARZYNA DEMBSKA

Dr hab., rusycystka i bohemistka, adiunkt i kierownik Zakładu Języka Rosyjskiego Katedry Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu. Główne zainteresowania badawcze: lingwistyka korpusowa oraz tendencje rozwojowe języka rosyjskiego i czeskiego ze szczególnym uwzględnieniem słowotwórstwa i frazeologii. Autorka wielu artykułów poświęconych tym zagadnieniom, w tym m.in. *Rosyjsko-polskiego słownika eufemizmów semantycznego pola seksu* (Toruń 2007) i dwóch monografii: „*Słowa wykolejone*”, czyli o zjawisku kontaminacji we współczesnym języku rosyjskim (Łask 2011), *Tendencje rozwojowe polskich i rosyjskich nazw*

zawodowych kobiet na tle języka czeskiego (Toruń 2012). Współredaktor monografii zbiorowych, m.in.: *Współczesne badania nad językiem rosyjskim i jego odmianami*, Wydawnictwo Naukowe UMK, Toruń 2017.

Kontakt: katarzyna.dembska@umk.pl

ORCID: 0000-0002-4583-192X

PIOTR FAST

Historyk literatury rosyjskiej, przekładoznawca, tłumacz. Redaktor naczelny „Przeglądu Rusycystycznego”. Pracuje w Uniwersytecie Śląskim.

Kontakt: piotr.fast@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-4158-671X

KRYSTYNA JANASZEK

Dr hab., autorka trzech monografii naukowych i ponad 80 innych publikacji z zakresu glottodydaktyki. Podstawowe zainteresowania badawcze autorki dotyczą zagadnień związanych z psychologicznymi aspektami uczenia się języków obcych.

Kontakt: krystyna.janaszek@usz.edu.pl

ORCID: 0000-0002-0488-3272

JOANNA JĘDRA

Absolwentka rusycystyki, doktorantka w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej w Instytucie Filologii Słowiańskiej UMCS.

Kontakt: joanna.jedra@wp.pl

ORCID: 0000-0001-8360-3306

MONIKA KNUROWSKA

Dr, adiunkt w Katedrze Literatury Rosyjskiej w Instytucie Neofilologii Uniwersytetu Pedagogicznego im. KEN w Krakowie. Autorka monografii „*На обочине*”. *Герой рассказов Людмилы Улицкой* (Kraków 2015).

Kontakt: monika.knurowska@up.krakow.pl

ORCID: 0000-0002-6983-9395

SWIETŁANA LESZCZAK

Dr., adiunkt w Instytucie Filologii Obcych Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach. Zainteresowania badawcze: frazematyka, językowe jednostki precedensowe, idiostyl i artystyczny obraz świata, język Borisa Griebieniczikowa. Autorka wielu publikacji, w tym książek *Языковое клише. Прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке* (Kielce 2007) oraz *Языковые прецеденты в художественном идиостиле Бориса Гребеничкова* (Kielce 2019).

Kontakt: sleszczak@interia.eu

ORCID: 0000-0002-8687-6999

NOTY O AUTORACH

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Prof. zw. dr hab. na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Autorka siedmiu monografii (m.in. *Псалтырь в русской поэзии*, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 2002; *Память о псалме: sacrum/profanum в современной русской поэзии*, Warszawa 2009), dwóch podręczników, ponad 270 publikacji naukowych. Specjalizuje się w badaniach nad historią literatury rosyjskiej XVIII–XXI w. W szczególności obiektem zainteresowań są relacje między literaturą, religią a filozofią rosyjską; sacrum w literaturze, psalterz jako źródło inspiracji poetyckiej; proza autobiograficzna; antropologia kultury.

Kontakt: l.lutevici@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0002-6340-2598

JOANNA OLECHNO-WASILUK

Asystentka w Zakładzie Językoznawstwa Słowiańskiego Instytutu Słowiańszczyzny Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Jej zainteresowania badawcze oscylują wokół współczesnej leksykografii rosyjskiej. Autorka artykułów naukowych o tej tematyce. Pracuje nad rozprawą doktorską poświęconą rosyjskiej leksykografii kulturowej. W obszarze jej zainteresowań mieści się również metodyka nauczania języka rosyjskiego jako obcego. Członkini zespołu redakcyjnego „Fones Slaviae Orthodoxae”.

Kontakt: joana.olechno-wasiluk@uwm.edu.pl

ORCID: 0000-0002-7500-5151

TADEUSZ PACHOLCZYK

Dr, senior w Zakładzie Pragmatyki Komunikacyjnej Języków Obcych Instytutu Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; wicedyrektor IFRos UAM (1991–2008); specjalista w zakresie glottodydaktyki; zainteresowania naukowe, między innymi: receptywne formy obcojęzycznej działalności mownej, głównie — percepcja komunikatu graficznego; psychologiczne aspekty akwizycji języka obcego; lingwokulturologia i obcojęzyczna komunikacja inter-kulturowa. Autor dwóch monografii i prawie stu innych publikacji.

Kontakt: turska@amu.edu.pl

ORCID 0000-0001-6083-4961

JUSTYNA PISARSKA

Dr, adiunkt w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, członek zespołu redakcyjnego „Przeglądu Rusycystycznego” i zarządu Polskiego Towarzystwa Rusycystycznego. Autorka monografii *Tłumacz i metoda. O angielskich i polskich przekładach „Bohatera naszych czasów”*. Zajmuje się przekładoznawstwem oraz literaturą rosyjską z perspektywy postkolonialnej.

Kontakt: justynapisarska@o2.pl

ORCID: 0000-0002-1884-7125

ANNA ROMANIK

Dr, adiunkt w Katedrze Językoznawstwa Wschodniosłowiańskiego Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu w Białymstoku. Zainteresowania naukowe: media i reklama rosyjska, socjolingwistyka, współczesna leksykologia rosyjska (zwłaszcza współczesne zapożyczenia językowe, w tym anglicyzmy) oraz wybrane zagadnienia z zakresu normatywistyki np. kodyfikacja formalna zapożyczeń. Przykładowe publikacje: *Sposoby nominacji przedmiotów odzieży we współczesnym języku rosyjskim* (Białystok 2012), „Композитный взрыв” в русском газетном дискурсе, „Slavica Wratislaviensia” CLXVI, 2018).

Kontakt: aniaromanik8@wp.pl

ORCID: 0000-0002-2733-6503

ANNA RUDYK

Dr, adiunkt w Zakładzie Językoznawstwa Porównawczego Instytutu Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Rzeszowskiego. Autorka monografii *Subiekty semantyczny w zdaniach z predykatywami modalnymi i wartościującymi. Konfrontacja rosyjsko-polska* (Rzeszów 2013). Prowadzone badania dotyczą zwrotów adresatywnych oraz leksykalnych wykładników emocji w aspekcie porównawczym polsko-rosyjskim.

Kontakt: annarudyk@wp.pl, annarudyk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2238-9841

WALERIJ SKLAROW

Doktorant II roku filologicznych studiów doktoranckich na Uniwersytecie Gdańskim. Przygotowuje rozprawę doktorską pod kierunkiem dr hab. prof. UG Diany Oboleńskiej.

Kontakt: sklyarov.valera@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1498-2741

EWA STAWINOĞA

Dr w zakresie literaturoznawstwa rosyjskiego; adiunkt w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. Autorka monografii *Symbolika biblijna w poezji Wiaczesława Iwanowa* (Lublin 2012) oraz artykułów dotyczących twórczości Wiaczesława Iwanowa, Fiodora Sologuba i Borysa Popławskiego.

Kontakt: ewa-stawinoga@wp.pl

ORCID: 0000-0001-7046-3252

ALICJA WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ

Emerytowana profesor zwyczajna Uniwersytetu Warszawskiego, literaturoznawczyni, członek Komitetu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk. W latach 2002–2012 dyrektor Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Autorka ponad dwustu publikacji naukowych oraz artykułów

NOTY O AUTORACH

krytycznoliterackich i popularyzatorskich o literaturze rosyjskiej XX i XXI wieku, w tym monografii *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji* (Warszawa 1995) i *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury* (Warszawa 2004). Tłumaczka prozy rosyjskiej – m.in. Aleksandra Solżenicyna, Czingiza Ajmatowa, Anatolija Gładilina. Opracowała dwie czterotomowe edycje dzieł Michaiła Bułhakowa w Polsce. Nagrodzona Krzyżem Oficerskim Orderu Odrodzenia Polski (2005), nagrodą ZAIKS-u za przekłady literatury rosyjskiej na język polski (2008) i rosyjskim odznaczeniem państwowym „Medal Puszkina” za popularyzację kultury rosyjskiej w Polsce (2013).

Kontakt: atbwo@ids.pl

ORCID: 0000-0002-1848-1581

PIOTR ZEMSZĄŁ

Adiunkt w Katedrze Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, absolwent historii i filologii rosyjskiej, badacz pragmatyki tzw. nowomowy radzieckiej, tłumacz. Zainteresowania naukowe: manifestacje ideologii w dyskursie, relacje między dyskursem ideologicznym a kulturą, sposoby językowego oddziaływania na odbiorcę. Autor wielu prac poświęconych tzw. nowomowie, m.in. *Rytualność i pragmatyzm sowieckiego dyskursu totalitarnego. O pragmatycznej zasadzie kompetencji nadawcy i nominacjach dotyczących Stalina* („Socjolingwistyka” 2012), *Ojciec, wódz, nauczyciel. Nominacje językowe dotyczące Stalina w sowieckim dyskursie ideologicznym w okresie powojennym* (Toruń 2016). *Metaforyka związana z pojęciami światła i ciemności w sowieckim ideologicznym subdyskursie o kulturze w latach 1953–1957 na materiale gazety „Prawda”* („Etnolingwistyka” 2017).

Kontakt: pietruszka@wp.pl

ORCID: 0000-0002-0822-8937

INFORMACJE DOTYCZĄCE ZASAD PUBLIKOWANIA MATERIAŁÓW W NASZYM KWARTALNIKU

Wszystkich zainteresowanych opublikowaniem prac w „Przeglądzie Ruscystycznym” prosimy o zapoznanie się z *Zasadami przygotowania tekstów do druku* zamieszczonymi na stronie internetowej naszego kwartalnika — <http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR/about/submissions#authorGuidelines>.

Wersja elektroniczna „Przeglądu” jest publikowana na platformie czasopism Uniwersytetu Śląskiego <http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR>, gdzie zostały także zamieszczone (w zakładce Archiwum) poprzednie edycje pisma z ostatnich kilkunastu lat, a także wszelkie szczegóły dotyczące zasad kwalifikowania prac do druku, wykaz recenzentów itp. Numery archiwalne „Przeglądu Ruscystycznego” są także zamieszczone w bazie CEEOL (Central and East European Online Library). Nasze pismo jest indeksowane w bazie ERIH+ oraz umieszczone w wykazie czasopism naukowych Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego (11 punktów).

Teksty do publikacji (artykuły, recenzje, omówienia, polemiki itp.) należy składać wyłącznie poprzez stronę naszego czasopisma po zarejestrowaniu się na niej w charakterze autora i czytelnika. Zgodnie z odpowiednim formularzem prosimy o załączanie tam streszczeń (polskiego, rosyjskiego i angielskiego wraz z tytułami), bibliografii oraz skrótowego biogramu autora. Wszelkie ilustracje (diagramy wykresy) proszę dołączać w osobnych plikach w formacie jpg z rozdzielczością 300 dpi w odcieniach szarości (nie drukujemy ilustracji kolorowych!).

Redakcja zastrzega sobie prawo odrzucania tekstów niespełniających przyjętych w „Przeglądzie” kryteriów, redagowania i skracania nadesłanych prac (co czynimy zawsze, konsultując te zmiany z PT Autorami).

Teksty nadesłane do naszego pisma recenzowane są anonimowo przez dwóch niezależnych recenzentów zgodnie z zasadami double-blind review. Złożenie prac do druku w naszym piśmie jest równoznaczne z wyrażeniem zgody na przyjęty przez nas sposób recenzowania, na opublikowanie ich zarówno w wersji drukowanej, jak elektronicznej, na ujawnienie biogramu i adresu poczty elektronicznej autora. Publikacja w „Przeglądzie Ruscystycznym” nie ogranicza praw autora (osobistych i majątkowych) do opublikowanego tekstu.

Przesłanie tekstu do publikacji jest równoznaczne z oświadczeniem autora o oryginalności pracy i nieograniczonych w żaden sposób jego prawach autorskich do złożonego do publikacji tekstu oraz ewentualnych ilustracji, diagramów, wykresów itp., które to prawa zostają przeniesione na „Przegląd Ruscystyczny” w zakresie jednorazowej publikacji oraz udostępnienia tekstu w formie drukowanej i elektronicznej.

Redakcja „Przeglądu Ruscystycznego” prosi autorów o ujawnianie wkładu poszczególnych osób w powstanie publikacji (z podaniem ich afiliacji oraz określenia rodzaju wkładu, tj. informacji, kto jest autorem koncepcji, założeń, metod, itp. wykorzystywanych przy przygotowaniu tekstu). Istotne jest również podanie informacji o źródłach finansowania publikacji (granty krajowe i zagraniczne, badania statutowe jednostek i in.), wkładzie instytucji naukowo-badawczych, stowarzyszeń i innych podmiotów (financial disclosure). W związku z koniecznością złożenia wraz z tekstem deklaracji o prawach autorskich i oryginalności tekstu, główną odpowiedzialność ponosi autor zgłaszający manuskrypt.

Zgodnie z przyjętymi zasadami etycznymi obowiązującymi w nauce redakcja dba o wysoki poziom merytoryczny kwartalnika oraz wdraża procedury zabezpieczające przed takimi nieetycznymi praktykami podważającymi rzetelność prezentowania rezultatów badań naukowych jak *ghostwriting* i *guest authorship*.